

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

БОЛЬНАЯ
СОВЕСТЬ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ:
что не успел сделать
Всеволод Гаршин с.42

**ФОНД
«РУССКИЙ МИР»
ОБЪЯВЛЯЕТ
ФОТОКОНКУРС**

«МОЙ РУССКИЙ МИР»

**ФОТОКОНКУРС «МОЙ РУССКИЙ МИР» ПРОВОДИТСЯ
В РАМКАХ ПРАЗДНИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ПРИУРОЧЕННЫХ
К ЮБИЛЕЮ ФОНДА «РУССКИЙ МИР».**

**ЦЕЛЬ ФОТОКОНКУРСА – ФОРМИРОВАНИЕ, УКРЕПЛЕНИЕ
И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА РУССКОГО МИРА И РОССИИ
СРЕДИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ,
А ТАКЖЕ ГРАЖДАН ДРУГИХ СТРАН, ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРОЙ
И ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК.**

**РАБОТЫ НА ФОТОКОНКУРС «МОЙ РУССКИЙ МИР»
ПРИНИМАЮТСЯ С 1 МАРТА ПО 30 СЕНТЯБРЯ 2017 ГОДА.**

**ПОБЕДИТЕЛИ БУДУТ ОПРЕДЕЛЕНЫ КОНКУРСНОЙ КОМИССИЕЙ ДО 31 ОКТЯБРЯ 2017 ГОДА
И ПРИГЛАШЕНЫ НА XI АССАМБЛЕЮ РУССКОГО МИРА,
КОТОРАЯ СОСТОИТСЯ 3 НОЯБРЯ 2017 ГОДА В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ.**

ФОТОКОНКУРС ПРОВОДИТСЯ В ПЯТИ НОМИНАЦИЯХ:

● **Лица
Русского мира**
(портретные
фотографии
людей, имеющих
отношение
к распространению
русского языка
и культуры
за рубежом);

● **Памятные места
Русского мира**
(пейзажные фотогра-
фии мест, свя-
занных с Россией
и Русским миром,
в стране прожи-
вания участника
фотоконкурса,
в том числе:
старинные здания,
храмы, монастыри,
памятники, природ-
ные заповедники,
парки и т.п.);

● **События
Русского мира**
(репортаж
о событии,
связанном
с Русским
миром);

● **Артефакты
Русского мира**
(фотографии одного
или нескольких
предметов,
принадлежащих
автору фотографии,
имеющих для него
духовную ценность
и символизирующих
его связь
с Русским миром);

● **Приз
зрительских
симпатий**
(номинация,
победитель которой
определяется
путем открытого
голосования
в разделе
«Фотоконкурс»
на портале
www.russkiymir.ru).

Положение о фотоконкурсе «Мой Русский мир» опубликовано на сайте фонда
«Русский мир» (www.russkiymir.ru), а также на страницах фонда
«Русский мир» в социальных сетях.

ПЕРЕСТАТЬ ОЧАРОВЫВАТЬСЯ ЭКСТРЕМИЗМОМ

СТАТЬЯ МИХАИЛА БЫКОВА «БЛЕДНЕЕ БЕЛОГО КОНЯ» (С. 28, окончание, начало в предыдущем номере) лишь отчасти может восполнить пробел в изучении революционного террора. Этот пробел унаследован нынешней отечественной исторической наукой еще от советских времен. Хотя в последние пару десятилетий появилось много интересных работ на эту тему.

Мы больше (еще из школьной программы) знаем о террористах-народовольцах, нежели о тех, кто пришел им на смену в начале XX века. Между тем по числу жертв второй период намного, во многие разы, превзошел первый. По подсчетам некоторых историков, число жертв террора по всей России с 1901 по 1911 год составило не менее 17 тысяч человек. А количество самих терактов перевалило далеко за 20 тысяч.

Разгул экстремизма вынудил российское государство отвлечь огромные силы на борьбу с террором, заставив в том числе свернуть с пути постепенной социальной и политической модернизации. К началу Первой мировой войны вроде бы с террором справиться удалось. Но, видимо, это оказалось «пирровой победой».

Что касается террористов – «борцов за свободу» начала XX века, то это движение во многом по-прежнему романтизировано в нашем обывательском, да и политическом, сознании. Почему? Да потому что именно из среды этих людей вышли потом многие основатели и руководители Советского государства. Путь из террористов в политики оказался короток, как выстрел, в историческом плане. Что не могло не сказаться на стилистике, скажем так, государственного управления. Именами многих из этих людей по-прежнему названы улицы и проспекты в наших городах. И многие называют это «почтением к историческим традициям».

Проявляя нетерпение (и в этом они были схожи с народниками) от того,

что, мол, народные массы никак не хотели подниматься на революции, чтобы свергнуть режим, террористы начала XX века тем самым пытались подстегнуть историю. На какой-то исторический миг показалось, что им это удалось. Однако «всего лишь» через восемьдесят лет стало очевидно, что обмануть историю не получилось. А она за попытку такого обмана жестоко отомстила. Отсюда урок: далеко не все средства оправдывают самые благие, «прогрессистские» намерения. Выучим ли мы этот урок?

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
И. о. ректора Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

06 Книжный марафон

ИНТЕРВЬЮ

08 Между полюсом и космосом

16 Азбуки простая красота

ИСТОРИЯ

22 Вода со льдом

28 Бледнее белого коня

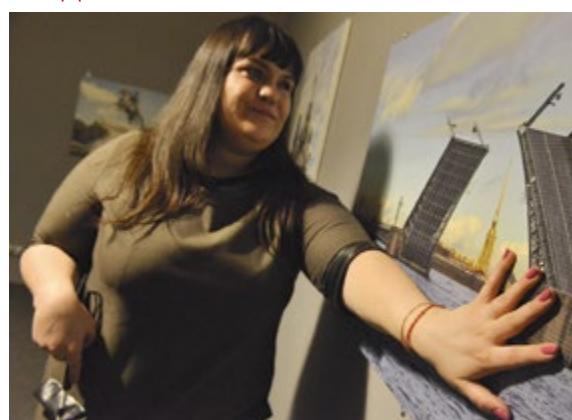
36 «Дорогой товарищ Блюмочка»

НАСЛЕДИЕ

42 Всё больно

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

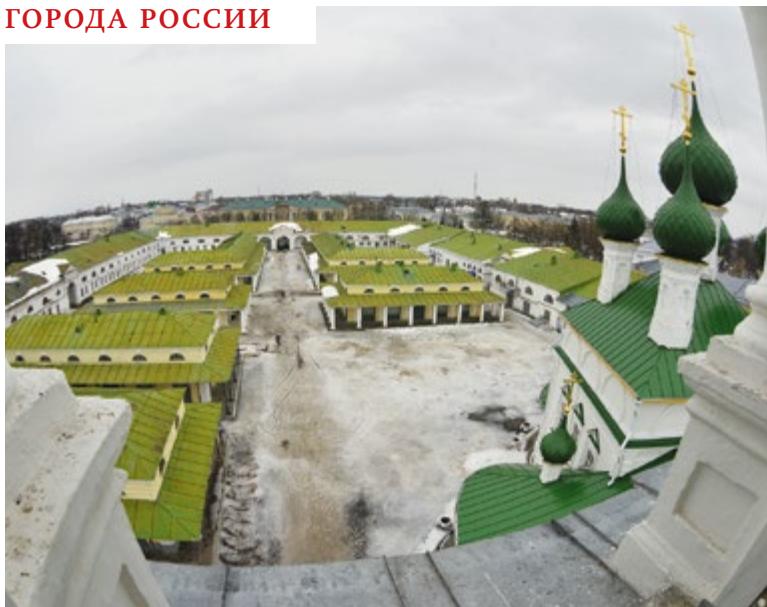
50 На ощупь

КУЛЬТУРА

56 Революции дали слово

ГОРОДА РОССИИ

60 Костромской ряд

66 Город забытой славы

ЗАРИСОВКИ ЖИЗНИ

76 Северный край

ТРАДИЦИИ

80 По тракту, по широкой дороге...

88 Ростовские колокола

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Мария БАШМАКОВА

Алла БЕРЕЗОВСКАЯ

Александр БУРЫЙ

Михаил БЫКОВ

Павел ВАСИЛЬЕВ

Сергей ВИНОГРАДОВ

Василий ГОЛОВАНОВ

Алексей ГУДКОВ

Михаил ЗОЛОТАРЕВ

Марина КРУГЛЯКОВА

Ирина ЛУКЬЯНОВА

Алексей МИТРОФАНОВ

Евгений РЕЗЕПОВ

Дмитрий РУДНЕВ

Андрей СЕМАШКО

Сергей ХОЛОДОВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В открытии Латвийской книжной выставки в Риге принимал участие почетный гость из России – Михаил Швыдкой

КНИЖНЫЙ МАРАФОН

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ДАВНО УЖЕ РИГА НЕ ВСТРЕЧАЛА ТАКОЙ СОЛИДНЫЙ ДЕСАНТ МОСКОВСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, ВЫСАДИВШИЙСЯ НА НЫНЕШНЕЙ ЛАТВИЙСКОЙ КНИЖНОЙ ВЫСТАВКЕ, НА КОТОРУЮ РОССИЯ БЫЛА ПРИГЛАШЕНА В КАЧЕСТВЕ ПОЧЕТНОГО ГОСТЯ. НА РОССИЙСКОМ СТЕНДЕ БЫЛО ПРЕДСТАВЛЕНО ОКОЛО ТЫСЯЧИ КНИЖНЫХ НОВИНОК, ВЫЗВАВШИХ ОГРОМНЫЙ ИНТЕРЕС У ПУБЛИКИ. В СОСТАВ МОСКОВСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ ВОШЛИ ИЗВЕСТНЫЕ ПИСАТЕЛИ, РЕЖИССЕРЫ, АКТЕРЫ, ИЗДАТЕЛИ, ЭКСПЕРТЫ. НА ЧЕТЫРЕХ РАЗЛИЧНЫХ ПЛОЩАДКАХ ГОРОДА СОСТОЯЛИСЬ ВСТРЕЧИ АВТОРОВ С ЧИТАТЕЛЯМИ, МАСТЕР-КЛАССЫ, «МАРАФОН РУССКИХ ЧТЕНИЙ», А ТАКЖЕ КОНКУРС ЮНЫХ ЧТЕЦОВ «ЖИВАЯ КЛАССИКА» – ВСЕГО БОЛЕЕ СТА МЕРОПРИЯТИЙ.

ЛАТВИЙСКАЯ КНИЖНАЯ ВЫСТАВКА стала настоящим праздником русской книги и русского слова. В выставочном зале, где проходила большая часть мероприятий, в первый день побывало несколько тысяч посетителей, в том числе много детей и подростков. Они и стали главными участниками встреч с писателями Денисом Драгунским и Григорием Остером, автором знаменитых «вредных советов». Оказалось, многие юные рижане хорошо знакомы с творчеством писателя. Впрочем, как и их родители, некоторые из них даже захватили с собой детские книжки автора из личных библи-

отек. После завершения встречи к писателям выстроилась очередь за автографами. А на соседней площадке раздавался веселый смех и аплодисменты. Здесь шла презентация детского проекта «AnimalBooks: Занимательная зоология», признанного лучшим инновационным книжным проектом года в России. В рамках этого проекта издательство «Альпина Паблишер» предложило известным артистам, писателям, музыкантам, спортсменам написать книгу о каком-то животном. Но сделять это надо было от имени выбранного зверя. Так появилась серия прекрасно иллюстрированных детских книжек «Я Кот», «Я Муравей» и т.д. Представить эту се-

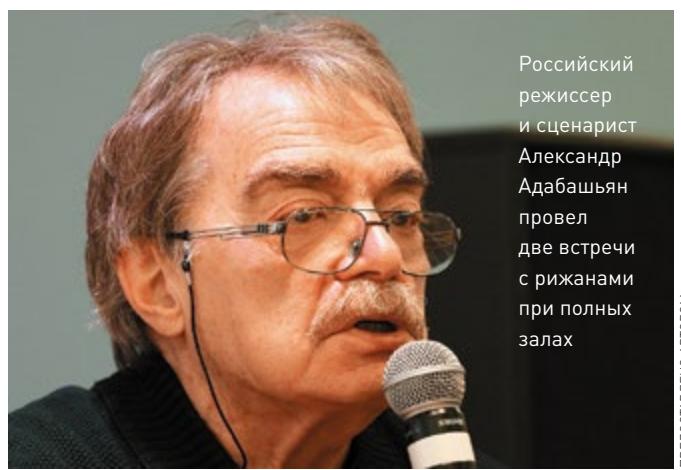
рию книг в Ригу приехали известная актриса и телеведущая Татьяна Веденеева («Я Жираф») и «отец» «Ералаша» Борис Грачевский («Я Мартышка»).

ВСТРЕЧИ НА ПЛОЩАДКАХ

При всем желании невозможно было попасть на все мероприятия, проходившие в рамках книжной выставки, приходилось выбирать, а это было непросто. Повезло счастливчикам, попавшим на встречу со знаменитым режиссером, сценаристом и актером Александром Адабашьянном. В Риге он бывал и раньше, здесь за него давно закрепилась слава непревзойденного рассказчика. На сей раз вместе со сценаристом Анной Чернаковой он представлялся на выставке книги «Хрустальный ключ, или Жили-были мы» и снятый по ее мотивам фильм-сказку. Роль главного злодея в картине сыграл Дмитрий Певцов, которому осенью прошлого года латвийские власти запретили въезжать в Латвию. Александр Адабашян назвал эти действия местных властей несусветной глупостью. Запрещать актеру въезд в страну только за то, что он высказал свое мнение о территории, к которой Латвия не имеет никакого отношения, совсем не согласуется с тем, что Латвия когда-то боролась на баррикадах, отстаивая свободу и демократию... В эти дни в Риге прошли встречи и с современными русскими прозаиками, среди которых для многих рижан открытием стал москвич Александр Снегирев, обладатель нескольких литературных премий, в том числе и «Русского Букера»

за роман «Вера». В Риге писатель представил свою новую книгу – «Бил и целовал». Молодая российская писательница Улья Нова (Мария Ульянова), последние два года живущая в Риге, рассказала о своем творчестве в жанре «городского романа». Ее новая книга, «Собачий царь», – о современной Москве, где она прожила большую часть жизни. Но сейчас Мария начала работу над книгой, главным персонажем которой будет так полюбившаяся ей Рига... Среди московских литераторов, принявших участие в «Марафоне русских чтений» в латвийской столице, назову еще прозаика Светлану Мартынчик, известную под псевдонимом Макс Фрай, а также филолога и профессора Высшей школы экономики Майю Кучерскую, автора нескольких бестселлеров.

– Мы очень довольны проделанной в Риге работой, – сказала журналу «Русский мир.ru» одна из организаторов мероприятия с российской стороны, Марина Абрамова. – Мы рады, что наше сотрудничество возрождается. Конечно, внимание к русской книге существует и в других странах, но оно несомненно с тем интересом, который проявляют к русской литературе в странах Балтии, где проживают сотни тысяч наших соотечественников. Мы ощущали здесь огромную поддержку! Именно поэтому мы были рады пригласить прибалтов и на наши основные книжные события, например на Книжный фестиваль на Красной площади в Москве или весенний Книжный салон в Санкт-Петербурге, Фестиваль книги в Красноярске.

Российский режиссер и сценарист Александр Адабашян провел две встречи с рижанами при полных залах

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

На выставке к писателю Григорию Остеру выстроилась длинная очередь за автографами, многие пришли с книжками из своих домашних библиотек

«ЖИВАЯ КЛАССИКА» НАИЗУСТЬ

А в Доме Москвы читали вслух Чехова, Толстого, Тургенева, Айтматова, Драгунского... Здесь проходил конкурс юных чтецов «Живая классика». Участие в нем приняли ученики от 10 до 16 лет, приехавшие в Ригу из разных городов Латвии. В России этот конкурс проводится уже более пяти лет, сначала он был всероссийским, но с каждым годом росло количество заявок на участие, в итоге «Живая классика» вышла на международный уровень. За минувшие пять лет конкурс чтецов стал самым масштабным детским литературным проектом в России, в котором приняло участие более 10 миллионов детей из 85 регионов РФ и 84 стран.

Когда началась подготовка к Латвийской книжной выставке, организаторы предложили провести

Публицист и писатель Денис Драгунский пользовался популярностью у журналистов

в Риге школьный этап конкурса «Живая классика».

– Поскольку это решение было принято довольно внезапно, мы немного беспокоились, что ребята просто не успеют должным образом подготовиться, – рассказала журналу «Русский мир.ru» менеджер проекта фонда «Живая классика» Дарья Шестухина. – Клич был брошен через Русскую общину Латвии, и в итоге мы получили 20 заявок на участие от латвийских школьников. Хотя наш конкурс и называется «Живая классика», это не значит, что читать можно только академические произведения. Никаких ограничений нет – выбор за участниками. Мы заинтересованы и в продвижении современных писателей и региональных авторов.

– **Условия участия для соотечественников и для россиян чем-то отличаются?**

– Главная идея конкурса – распространение культуры чтения среди детей. Компьютерные игры и различные гаджеты привели к тому, что книжки оказались у детей не в приоритете. Наша задача – вернуть интерес ребенка к книге. По условиям конкурса, российские школьники должны читать наизусть отрывки из произведений, не входящих в школьную программу. Цель – заинтересовать ребят именно во внеклассном чтении. Их выбор иногда бывает неожиданным, но тем и интереснее! Иностранным участникам разрешается брать произведения из школьной программы. Поэтому многие из них как раз и читают Толстого, Достоевского, Пушкина. Особой популярностью пользуются рассказы Чехова.

– **На что жюри обращало внимание прежде всего?**

– Смотрели, насколько удачно подобрано произведение, оценивалась органичность выбранного текста исполнителю, а также грамотность прочтения, глубина проникновения в смысловую структуру произведения. Интересно, что некоторые дети не всегда читают само произведение, просто заучивают фрагмент из него. А нам как раз важно, чтобы ребенок прочел весь текст, понял его, применил на себя. Помню, нашим победителем однажды был мальчик из Турции, изучающий русский язык. Он выбрал фрагмент из рассказа Драгунского «Заколдованный буквав», и настолько рассказ подходил этому мальчику, к его собственным трудностям в освоении языка, что он покорил весь зал. Его единогласно выбрали победителем, хотя грамотность речи и не была идеальной.

– **А в Риге чтецы чем порадовали? Вы не заметили каких-то языковых особенностей, отличающих их от российских сверстников?**

– В России школьники, приезжающие из разных уголков страны, по говору тоже иногда отличаются друг от друга, но это только придает им определенную изюминку и подчеркивает региональную принадлежность. А в Латвии ребята по-русски говорят очень чисто и грамотно. Видно, что дети читают, у них богатый словарный запас, они неплохо знают литературу, интересуются ею. Мы выбрали даже четырех победителей, а не трех, как обычно. Нас покорила 10-летняя Ксения Козлова из Лиепаи, очень артистично прочитавшая фрагмент из рассказа Сергея Махотина «Заколдованные косички». Зал аплодировал ей громче всех... Второй победитель – тоже из Лиепаи, Павел Вишнев, 10 лет, третий – Мария Милосердова, 16 лет, Рига, четвертый – Солвита Вилюма, 13 лет, Юрмала.

– **Что ждет победителей?**

– Главный приз – поездка в Россию, в летний детский лагерь. Все 20 участников конкурса получили дипломы и подарки от фонда «Живая классика». Но главное, я вижу, что им самим наш конкурс понравился – достаточно взглянуть на горящие глаза мальчишек и девчонок!

Два остальных члена жюри тоже остались довольны результатом своей работы. «Я уже почти тридцать лет преподаю свой предмет латышским школьникам, – говорит преподаватель русского языка и литературы Рижского государственного техникума Ирина Петерсоне. – Попав на международный конкурс «Живая классика», я была просто счастлива, услышав, как замечательно наши дети читают классику». «Прекрасный конкурс! Четыре часа пролетели как одно мгновение! Вы знаете, я прямо почувствовал гордость от того, как наши дети любят, знают и понимают русское слово, – вторит лидер Русской общины Латвии Владимир Соколов. – Спасибо педагогам и родителям за то, что прививают нашей молодежи любовь к русской культуре и литературе!»

Члены жюри с финалистами международного конкурса «Живая классика»

МЕЖДУ ПОЛЮСОМ И КОСМОСОМ

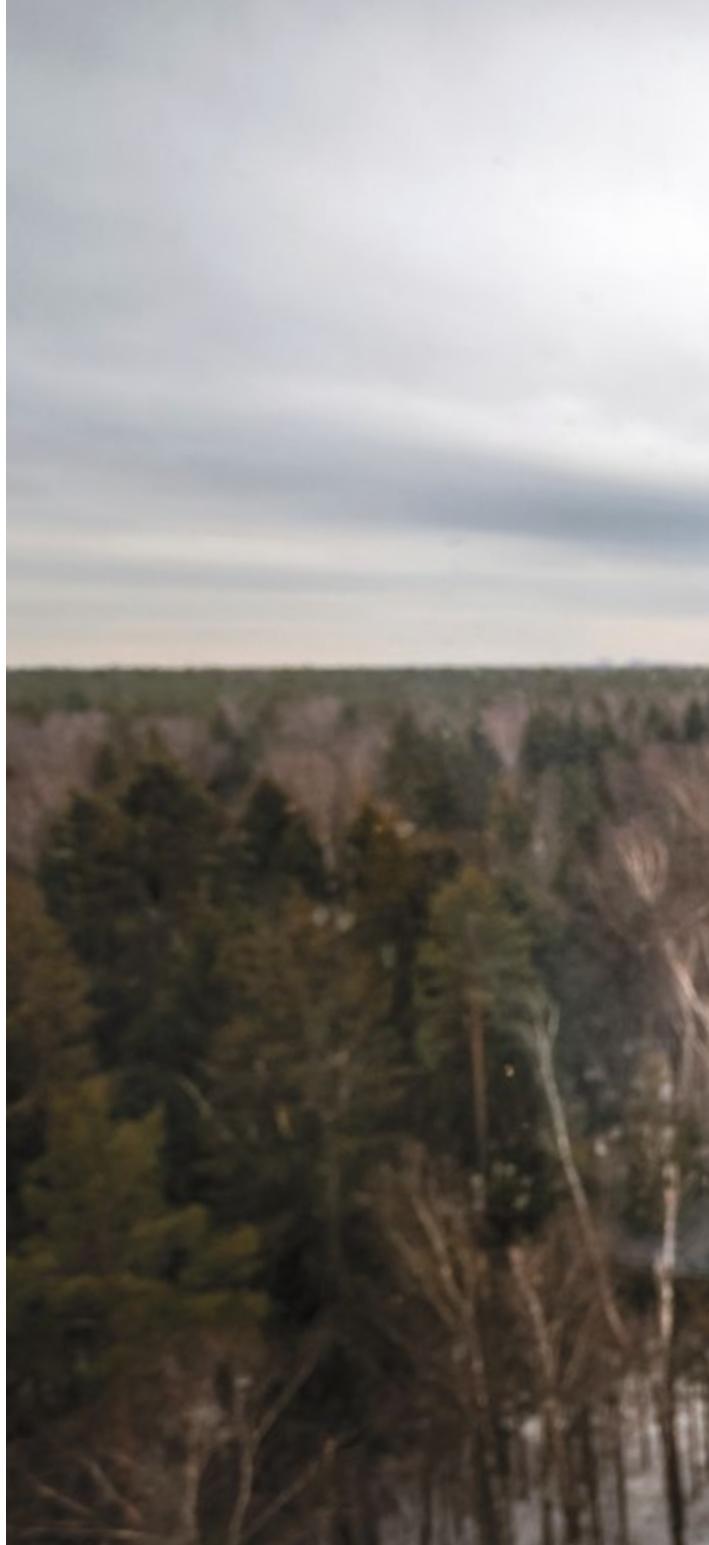
БЕСЕДОВАЛА

МАРИНА КРУГЛЯКОВА [ФОТО АВТОРА]

ИРИНА СОЛОВЬЕВА – ЧЛЕН ПЕРВОГО ЖЕНСКОГО ОТРЯДА КОСМОНАВТОВ, ДУБЛЕР ВАЛЕНТИНЫ ТЕРЕШКОВОЙ, ПОЛКОВНИК ВВС В ОТСТАВКЕ, ДВУКРАТНАЯ ЧЕМПИОНКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ОБЛАДАТЕЛЬНИЦА ВОСЬМИ МИРОВЫХ РЕКОРДОВ ПО ПАРАШЮТНОМУ СПОРТУ, УЧАСТНИЦА ЖЕНСКОЙ ПОЛЯРНОЙ КОМАНДЫ «МЕТЕЛИЦА», КАНДИДАТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК. СЕЙЧАС ЗАНИМАЕТСЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКОЙ КОСМОНАВТОВ И ИССЛЕДОВАНИЯМИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ. МЫ РАССПРОСИЛИ ЕЕ О ПОКОРЕНИИ КОСМОСА И АРКТИКИ, ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОВЕДЕНИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ И ЗАГАДКАХ ПСИХОЛОГИИ КОСМОНАВТОВ.

— ВЫ БЫЛИ ЧЕМПИОНКОЙ СССР ПО парашютному спорту. А когда вы стали им заниматься?

— В институте. Я училась в Свердловске, в Политехническом институте, на строительном факультете. Увидела объявление о наборе в группу парашютистов-«перворазников» и решила попробовать. Мы прыгали с По-2 – это маленький самолет, в нем помещались только два человека: летчик и перед ним – парашютист. Чтобы прыгнуть, надо было выбраться из кабинки, а она открыта, ветром с крыла сдувает... Но это еще ничего. А вот отделился и сделать шаг в пустоту – это было очень страшно... Зато после приземления появилась такая эйфория, что я на эмоциях прыгнула еще 14 раз, а потом подумала – хватит. И тут мне разрешили сделать прыжок с задержкой в 10 секунд в свободном падении. И судьба моя была решена! Я поняла, что больше никогда не смогу бросить этот спорт. Ощущение свободного падения хочется испытать вновь и вновь, оно захватывает полностью, ты один в воздухе, тебя крутит, а ты борешься, стараешься ухватить поток и управлять им... Или когда падаешь и внизу на облаках в радужном сиянии видишь свою тень... Вы не представляете, какая это красота!

В 1959 году группа наших ребят отправилась на первенство СССР по парашютному спорту в Краснодар. Мы переживали за них, так хотелось посмотреть, как они будут выступать, что мы решили поехать к ним. Но мы же студенты, денег не было. Я заложила свое зимнее пальто в ломбард, надеясь за счет дальнейших стипендий его выкупить, и на эти деньги полетела в Краснодар. А там как раз набирали третий состав сборной СССР, осталось одно свободное место, и мне повезло – меня взяли.

— Ехали посмотреть, а пришлось участвовать?

— Удалось, а не пришлось! Мастерства еще было мало, но мне удалось занять первое место в прыжках на точность приземления. Став чемпионкой СССР, автоматически попала в основной состав сборной страны. Я прыгала в ней два года и тогда же установила свой первый мировой рекорд на точность приземления.

– А как вы попали в отряд космонавтов?

– Мы в Тушине готовились к чемпионату мира в Америке. Меня вызвали в ЦК ДОСААФ и предложили попробовать пройти отбор в космонавты. Предупредили, что это очень секретно. Девушек было много, нас «запускали» десятками. Если хоть какая-то возникала зацепочка по здоровью, тут же отчисляли. Конечно, это был риск – идти на медкомиссию космонавтов, особенно для летчиков. Там же обследование более тщательное, и, если они его не проходили, их не только не брали в космонавты, но и нередко вообще списывали с летной работы. То же самое могло быть со мной, и – прощай чемпионаты. Но, к счастью, я прошла медкомиссию. Тех, кто ее проходил, направляли на мандатную. Здесь уже решали, подходишь для полета или нет, по «личному делу». Мне задавали много вопросов, потом сказали, что, если пойду, вызовут. Я уехала в Свердловск, помню,

сколько-то успела попрыгать, пришел вызов, и я поехала в Москву. Всего отобрали пять девушек. Нас поселили в профилактории в Центре подготовки космонавтов.

– С чего начались ваши занятия в отряде космонавтов?

– С зарядки, на следующее утро. Каждый день тренажеры, моделирующие различные факторы полета: стенды – термокамера, барокамера, сурдокамера, центрифуга. Я тогда даже кататься на велосипеде не умела, и плавать – тоже, уже тут училась. Все было интересно, мы попали в совершенно необычный мир. Теоретические занятия – динамика космического полета, теория двигателей, конструкция корабля, ракеты, навигация и много других дисциплин. Нам показывали, что все этапы полета просчитаны и что наша безопасность обеспечена. Вся техника была дублирова-

на, а некоторые системы даже – трижды. Проходили тренировки на невесомость, парашютная и летная подготовка, мы летали на МиГ-15, с инструктором конечно. Это та же модель самолета, на котором позднее погиб Юрий Гагарин.

– *Расскажите про вашу первую встречу с Гагиным.*

– Видите, старый стол у окна, у него сломана ножка и связана проволокой? Это Юра, когда был у нас, присел на краешек, вот она и сломалась. До сих пор в таком виде и стоит. Теперь «реликвия». Но это уже намного позже было, а тогда ребята – первый отряд космонавтов – жили на Чкаловской. Они приехали в профилакторий к завтраку – здесь была летная столовая. Мы тоже туда спустились с нашего, второго этажа. Там и познакомились. Конечно, мы с девочками очень волновались, для нас весь первый отряд был совершенно загадочным и невероятным. Гагарин с Титовым уже слетали, а Николаев и Попович готовились к полету. Мы смотрели на них как на людей с другой планеты.

Юрий Гагарин переживал за нас, приходил к нам на экзамены и зачеты, часто заглядывал в профилакторий. Мы собирались в общей комнате, типа красного уголка. Он расспрашивал, как идет подготовка, в чем сложности, рассказывал про свой полет, делился опытом прохождения всех тяжелых тренировочных моментов: как себя вести, чтобы легче перенести нагрузку, или как общаться с врачами. У нас ведь есть такое выражение: «врачи, летчики и космонавты – по разные стороны баррикад».

Юра был удивительно доброжелательным и открытым, с юмором. Он обладал природным даром общения, такие люди очень редко встречаются. Когда ты с ним беседовал, казалось, что этот разговор для него – самое важное в данный момент. Все сразу понимали, что ему можно доверять. Он был великий человек. Умный, искренний и простой. Гагарин имел во всех инстанциях очень высокий авторитет, понимал, что может помочь, и всем помогал. К нему можно было просто прийти с любым трудным делом, и все вопросы решались. Всегда.

– *Вы тоже к нему обращались?*

– Он и мне помог. Но это уже после полета Терешковой. У меня мама жила в Серове в очень тяжелых условиях, в коммунальной квартире в проходной комнате. Я обратилась к Гагарину с просьбой помочь получить ей маленькую, однокомнатную, но отдельную жилплощадь. И он, конечно, откликнулся. Маме дали небольшую квартируку.

Уже ближе к полету нас собирали, чтобы фотографировать, надо было поприличнее одеться, и выяснилось, что у нас нет ничего подходящего. Гагарин сказал: «Я вам помогу!» И повез нас в ГУМ, в какую-то закрытую секцию. И главное, Юра – молодец, взял с собой деньги. Он выручил

нас, дал нам взаймы, и мы в тот момент смогли немного приодеться. У нас же и времени на это не было. Первые полтора года мы жили на закрытой территории – практически никуда не выезжали из Центра подготовки.

Ирина
Соловьева
в Музее Центра
подготовки
космонавтов
имени
Ю.А. Гагарина

– *Что было для вас самым сложным в подготовке?*

– Морские тренировки – приземление на парашюте в полном снаряжении (в скафандре) на воду. Они проходили на пределе возможностей. Помню, я долго не могла освободиться от парашюта, расстегнуть замки подвесной системы – до них не дотянутся, они же рассчитаны были на мужчин, а у них и руки длиннее, и силы побольше. Потом надо было еще достать из контейнера резиновую лодку, забраться в нее, втащив вслед за собой аварийный запас (это 20 килограммов), и дать сигнал службе поиска. В скафандрах была ограниченная терморегуляция, и из-за этого при активной нагрузке начинался очень сильный перегрев. Гермошлем открыть было нельзя, потому что тогда захлестнет волной. В общем, когда я все это проделала, перед глазами у меня стояли зеленые и красные «точки». Потом, конечно, скафандры дорабатывали, приспособливали для женщин и их возможностей. Были, конечно, и другие испытания «на грани».

– *Как вы с ними справлялись?*

– Выход только один – не «прислушиваться» к своим эмоциям и самочувствию, думать о чем-то другом, лишь тогда это можно перенести. И еще рассчитываешь на то, что другие смогли, значит, и ты тоже сможешь.

– *Правда ли, что Валентину Терешкову выбрал лично Хрущев и основным критерием для него стало ее социальное происхождение?*

– Конечно, это тоже сыграло свою роль. У нас с Пономаревой родители из интеллигентии. У нее отец – инженер, а у меня – учитель. Терешкова из рабочей семьи, и сама – от станка. Помню, когда уже решалось, что полетит она, Евгений Анатольевич Карпов, начальник Центра подготовки космонавтов, провел со мной беседу. Рассказал, что, когда выбирали Гагарина, в отряде был более опытный и подготовленный человек, чем он, – летчик-испытатель, инженер Володя Комаров. Но Госкомиссия решила, что полетит Гагарин, потому что его открытость и доброжелательность будут поняты и приняты всеми окружающими, он умеет общаться с любой аудиторией, то есть его личные качества в дальнейшем позволят ему выполнять высокие государственные задачи. Так все и произошло – Гагарин покорил весь мир своей улыбкой. Возможно, по аналогии с ним выбирали и Терешкову. Валентина была общительной, старшей нашей группы из пяти человек. У себя на производстве активно занималась комсомольской работой. Предполагалось, что на первую женщину-космонавта ляжет большая общественная нагрузка, и для этой роли больше подходила она. После полета Терешкова с этой задачей блестяще справилась.

– Для вас стало неожиданностью, что полетит Терешкова?

– Мы догадывались, что будет она, хотя, конечно, до конца уверенности не было. На финишную прямую ведь вышли трое – я, Пономарева

и Терешкова. Только на Байконуре Госкомиссия объявила, что мы с Пономаревой идем дублерами, я – основным, она – запасным.

– А из чего было видно, что полетит Терешкова?

– Мне сейчас сложно вспомнить детали, но по многим простейшим моментам было понятно, что приоритет идет в ее сторону. Например, шло полное фотографирование ее подготовки. Нас, правда, тоже снимали, но не так много. В прессе, видимо, еще не знали, кто из нас трех полетит, поэтому собирали сведения про всех. К моей маме в Серов тогда приезжал Василий Песков и расспрашивал обо мне. Она была от него в таком восторге! Он действительно был очень приятный человек. Я с ним встретилась потом на Аляске, когда с «Метелицей» возвращалась из экспедиции. Василий Михайлович летел с нами сначала до бухты Провидения, потом до Москвы. Он вспомнил про тот визит к моей маме. Василий Михайлович подарил «Метелице» свой рисунок Берингова пролива.

– «Метелица» – это ведь женская полярная лыжная команда, как вы попали в нее?

– Случайно. В 1973 году в спортивкомитете в Звездном городке меня спросили: «Хочешь в Антарктиду?» Я ответила: «Конечно хочу!»

«Метелица» была известна своими лыжными марафонами. Девушки пробежали за 7 суток от Москвы до Ленинграда и затем за 33 дня по маршруту Москва – Ленинград – Хельсинки – Турку – Тампere – Торнио. 2600 километров. У них появилась

Научная работа Ирины Соловьевой связана с психологической подготовкой космонавтов

Спускаемый аппарат космического корабля «Восток», в котором летали первые космонавты, кажется таким маленьким

идея – пройти в Антарктиде от станции «Восток» до Южного полюса (станции «Амундсен–Скотт»). В качестве тренировки запланировали походы в Арктику. Для этих экспедиций начали специально набирать женщин – специалистов в областях, необходимых для экспедиций: врачей, штурманов, радиостанций. Конечно, физически подготовленных, ведь походы предполагались автономными, надо было тащить с собой на санках все жизнеобеспечение.

Я стала регулярно тренироваться с командой. Зимой ходили на лыжах, летом бегали. Сами шили палатку. Помню, перед экспедицией в Арктику мы устроили репетицию – «холодную ночевку». В самый мороз в лесу, недалеко от Звездного городка, раскинули палатку и провели в ней ночь. В свой первый арктический поход мы прошли на лыжах от поселка Хальмер-Ю до Амдермы, через год – по Восточному побережью Таймыра, от бухты Марии Прончищевой до мыса Челюскин. «Метелица» стала частью моей жизни, и я «проходила» с ней дальнейшие двадцать лет. Я уже не представляла себя без бело-голубых айсбергов и круглого горизонта, без лыжни в снежной пустыне и саночек впереди идущей подруги... С «Метелицей» я осуществила свою мечту – побывала в Антарктиде. Я была в команде психологом и отвечала за оружие: ракетницы, дымовые шашки, охотничьи ружья и даже однажды – автомат, нам дали его полярники для защиты от белых медведей. Слава богу, ни разу не пришлось в них стрелять.

– *Что вам запомнилось больше всего из арктических путешествий?*

– Поход по дрейфующим льдам от побережья на Северный полюс, правда, до него мы не дошли –

не хватило времени. Дрейфующие льды – это очень серьезно, зато какая красота! Когда мы прилетели на точку старта, предложили летчикам подождать, пока мы разобьем палатку, и затем всем вместе выпить чаю. Они согласились. Вдруг мы услышали шум рядом работающего трактора. Летчики тут же вскочили: «Срочно улетаем!» Оказалось, звук создавали дрейфующие льды. Перед нами метрах в 30–40 находилась сплошная гряда молодых торосов, и было видно, как она медленно ползет на нас. Льды корежились и трещали, с хрустом ломались и крошились. Жутко! Все двигалось. Ледяные глыбы медленно плыли мимо нас... Эта картина так и стоит перед глазами. Мы ее назвали «Жуткая красота, или Поющие торосы».

– *Возникали во время похода ситуации, когда вам было очень страшно?*

– Глобальных страхов не было. С нами шел Сергей Печенегов – штурман группы «Арктика», уже побывавший на Северном полюсе. Он учил нас тактике хождения по дрейфующим льдам. Мы с девочками много раз ходили на Землю Франца-Иосифа. Но там между островами проливы небольшие, практически нет открытой воды, а тут – она везде. Все непредсказуемо. Трещины и разломы постоянно. Помню, мы вышли к большой воде. Сергей сказал, что сделать ничего нельзя, мостика не построить, остается только ждать. Отошли от края, поставили палатку, переночевали. Утром начало подмерзать. Это было впечатляюще! Сергей нашел место поуже и аккуратно перетащил на лыжах все наши сани. Я тогда все считала, какая получается нагрузка на лыжи, прокручивала по сопромату, насколько она вели-

Все увлечения Ирины Соловьевской начинаются на букву «п» – парашют, психология, путешествия

ка. Потом мы с девочками пошли друг за другом. Вода только схватилась, лед еще молодой, на лыжах идешь, а он волнами так и ходит... Страшно ужасно!

– *Наверное, в Арктике было не страшнее, чем во время прыжков с парашютом или подготовки к полету в космос?*

– Бывает страшно. Когда говорят, что это не так, значит, врут. Даже на тысячном прыжке напряженность есть, просто человек ее уже легко переносит. Физиология работает независимо от сознания. Мы мерили пульс перед отделением от самолета у опытных спортсменов, у кого 1000 прыжков и больше, они вроде и не волнуются, а пульс все равно «зашкаливает». Страх – очень важное чувство, это необходимая составляющая готовности к действию, если ты расслаблен, значит, не готов к работе.

– *Что вы чувствовали, когда на Байконуре поднимались на ракету и осматривали космический корабль?*

– Мы были молоды и увлечены. Когда космонавты рассказывают о втором или третьем полете, они говорят: «Да все было, как обычно». Мы до этого занимались на тренажерах, уже привыкли к кораблю, научились им управлять, знали там каждую деталь. Было очень волнительно, что это настоящий космический корабль, который через несколько дней будет в космосе. Все остальное шло по плану.

– *Как вы провели вечер и утро перед полетом Терешковой?*

– Мы вечером уехали с Терешковой в «домик космонавтов». Так принято, что космонавт и его дублер в ночь перед полетом ночуют именно там. Я не помню деталей, наверное, о чем-то мы с ней разговаривали, но там же все было направлено на подготов-

ку, например пища уже космическая. Утро началось как обычно – с зарядки. Далее – медицинское обследование, затем мы направились в монтажно-испытательный комплекс надевать скафандры. Потом на специальном, «космическом» автобусе поехали к ракете, народу было очень много, все смеялись, пели песни. Затем Терешкова пошла на посадку в корабль, а я осталась в автобусе. А через сутки ее корабль проходил над космодромом: все знали, когда это произойдет – ведь все было просчитано. И мы выходили смотреть на эту рукотворную звездочку, которая шла над Байконуром, присутствовали во время радиосвязи с Терешковой.

– *Говорят, она не справилась с заданием и из-за этого Королев потом сказал: «Чтобы я еще раз связалась с бабами»...*

– Надо отдать должное Валентине Терешковой – она летала трое суток, это самый острый период адаптации к невесомости. Сейчас мы знаем, что требуется минимум неделя, а то и две, чтобы космонавт привык к невесомости и хорошо себя чувствовал. Герман Титов летал сутки, и ему было плохо. Его полет показал, что не каждый человек способен переносить невесомость. Он публично сказал об этом, но, вообще, это было не принято. И Терешкова чувствовала себя, конечно, неважно, как и любой космонавт в данной ситуации. Сейчас есть способы облегчить состояние, в том числе и фармакологические. А тогда никаких таких таблеток не существовало. У Терешковой была возможность уменьшить длительность полета, то есть подать определенный сигнал. Но она выдержала все запланированные трое суток и не запросила посадки. И потом, первые космонавты ведь и летали для того, чтобы узнать, как будет ощущать себя человек в космосе. А насчет слов Сергея Павловича – я такого не слышала. Это только разговоры, сомневаюсь, что Королев так грубо говорил.

– *Каким был Королев? Правда, что его все боялись?*

– У меня с ним были только официальные встречи. Помню, он пригласил нас познакомиться. Мы волновались, потому что были наслышаны, насколько он строг. Каждая вставала и докладывала – имя, фамилию, что окончила, чем интересуется. Сергей Павлович задавал вопросы. С нами он всегда разговаривал по-отечески, спокойно, твердо и уверенно. Мы ему верили безоговорочно. И я ему благодарна, он смягчил для меня психологически тяжелый момент «не полета». Когда уже стало ясно, что мы с Валей Пономаревой останемся на земле, он с нами по-дружески поговорил. Сказал, что постарается найти корабль и организовать в недалеком будущем женский полет, с более насыщенной, специальной программой, с различными исследовательскими задачами. Что по очереди в космос полетят все девушки. Он нас обнадежил, мы поняли, что это действительно реально.

– *Что было потом?*

– После полета Терешковой мы продолжали тренироваться. В 1965 году мы с Валей Пономаревой начали подготовку к групповому женскому полету. В те годы ставилась задача «приоритетных» полетов – первый полет человека в космос, первая женщина, первый групповой полет, первый выход в космос... Страной же все должны гордиться! То, что полетела женщина – уже большая гордость, раз мужчины доверяют женщину технике, значит, техника надежная, и она символизировала надежность системы социализма. Тут была высокая идеологическая завязка, и мы были полностью в этой системе, задействованы внутри ее. Программу тогда быстро закрыли, а через год вновь запланировали женский полет, десятисоточный. Нас с Валей Пономаревой поставили основным экипажем, мы должны были повторить полет Павла Беляева и Алексея Леонова, только в женском варианте. У меня было много прыжков с парашютом, поэтому выходить в открытый космос должна была я – тогда проводили аналогии между отделением от самолета и выходом из космического корабля.

– *И правда, похоже – там и там шагаешь в бездну...*

– Не совсем. Космонавты настолько привыкают к прыжкам с парашютом, что при выходе в космос у них возникает страх «упасть» вниз. Появляется ощущение, что Земля притягивает и, отдавившись от корабля, они будут падать на нее. Как при парашютном прыжке. А там-то Земля не притягивает. И надо привыкать к тому, что никуда не денешься от корабля. Некоторые советуют повернуться к нему спиной, несколько минут понаблюдать вокруг и убедиться, что все хорошо и никуда не падаешь. Представляете, вся Вселенная перед тобой... Возникает необычное состояние, тоже очень непростое.

– *Ваш выход в открытый космос не состоялся, да и вообще, женщина полетела в космос только спустя двадцать лет после Терешковой. Как вы думаете, почему?*

– Не знаю, я в шутку всегда говорила так: нецивилизованное отношение к женщине. В начале 1966 года умер Сергей Павлович Королев, и все женские программы прикрыли. С другой стороны, после того, как Леонов вышел в открытый космос, после всех случившихся с ним чрезвычайных ситуаций (скафандр раздулся, и он не мог войти в шлюзованную камеру, тот полет только чудом не закончился катастрофой), стало понятно – то, с чем справился Леонов, не по плечу ни одной женщине.

– *Но Светлана Савицкая выходила в открытый космос...*

– Савицкая выходила через специальный люк из большой орбитальной космической станции «Салют-7». До нее этот процесс уже много раз

опробовали и поняли, что женщина сможет справиться. А Леонов проходил через узкий шлюз корабля – технологически это принципиально разные вещи. И тогда уже пошли сложности с техникой. Эпоха «Востоков» и «Восходов» закончилась. Все уже готовились к стартам на новом корабле – «Союз», но его первый полет начался с катастрофы: погиб Володя Комаров, во втором – Георгий Береговой не состыковался со станцией, и там уже, конечно, стало не до женщин. Тогда же долго вообще не летали.

– *Когда набирали женскую группу перед полетом Савицкой, вы пытались в нее попасть?*

– Да, мы обратились к руководству, нам ответили: «Министерство обороны не принимает участия в наборе». Мы же все были военными, а тогда В.П. Глушко набирал гражданских. Девочки ездили к нему, но это ничем не кончилось. «Постарели», – сказал он.

– *Как сложилась дальнейшая судьба после отмены женских полетов?*

– После смещения Хрущева женскую группу космонавтов в октябре 1969 года расформировали. Нас с девушками засекретили, и стали говорить о нас только в конце 1980-х годов. В 1967 году я окончила Военно-воздушную академию имени Жуковского. После полета Терешковой мы все поступили туда. Для девушек создали специальную группу, а так как я уже имела инженерное образование, то пошла сразу на второй курс и стала учиться в группе вместе с Юрием Гагарином и другими ребятами из первого отряда космонавтов. Потом я увлеклась методами психологической подготовки космонавтов к деятельности в экстремальных условиях. Защищила кандидатскую диссертацию. Мы разработали специальную методику подготовки космонавтов при помощи прыжков с парашютом. В космическом полете

Юрий Гагарин жил в том же доме, что и Ирина Соловьева, сейчас на здании установлена мемориальная доска

в аварийной ситуации человек должен в условиях стресса и дефицита времени уметь получать и анализировать информацию, осознавать ситуацию и находить решение. Затяжной парашютный прыжок моделирует состояние космонавта в такой ситуации. Это реальный стресс, настоящая зависимость только от себя и собственных решений. Человек один в свободном падении, у него времени – максимум минута, и неоткуда ждать помощи. При этом он должен не только спасать свою жизнь, но еще и думать и решать задачи. Сначала мы учим говорить в свободном падении. Во время первых прыжков люди, как правило, молчат. Затем человеку предлагаю во время падения решить ту или иную интеллектуальную задачу, комментируя свои действия. Она записана на «карточке», которая вскрывается после отделения от самолета. Задания разные, начинают с простейших и постепенно переходят к более сложным. Параллельно нужно отслеживать время – оно же там по-другому ощущается, секунда в восприятии длится дольше. Космонавт должен докладывать – прошло 10 секунд, 20 и так далее, до тех пор, пока не откроет парашют. Цель этих упражнений: закалить психику, научить распределять и переключать внимание, дать человеку уверенность в том, что он сможет работать в сложных условиях. Когда он уверен в себе, он и работает по-другому.

– *Психика человека как-то меняется во время и после полета в космос?*

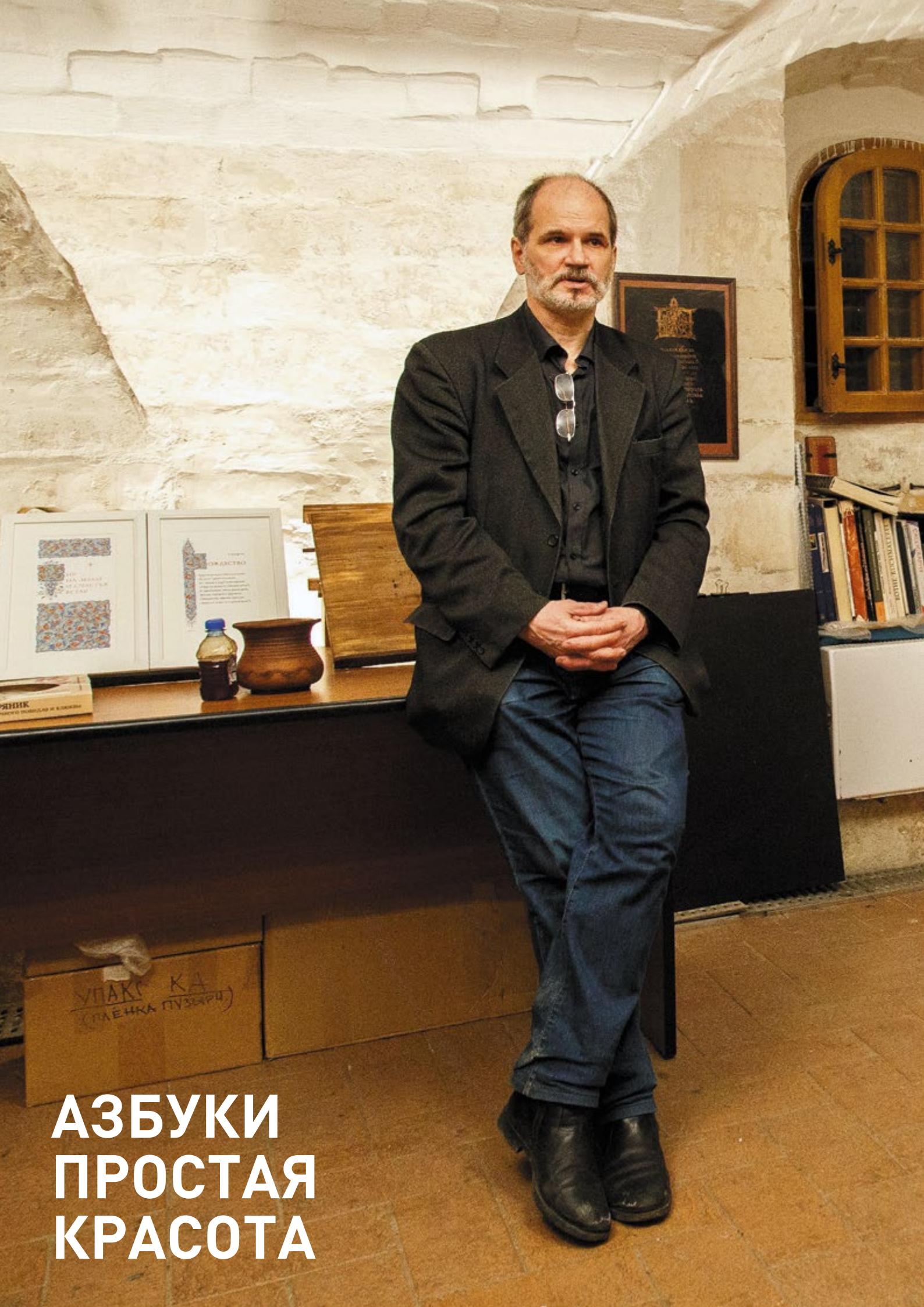
– Возможно, есть какие-то мировоззренческие изменения, они же там общаются со Вселенной

и понимают, что являются представителями землян. Некоторые космонавты, пройдя через трудности космического полета, приходят к религии. В космосе бывают сложные ситуации, нужна какая-то надежда, и религия ее дает: это осознание того, что существуют некие, еще не познанные нами материальные силы, которые значительно могущественнее нас.

– *Говорят, во время космического полета у многих космонавтов бывают различные видения, это правда?*

– Это надо у них спрашивать, но вряд ли кто-то будет говорить об этом. Это интимная и совершенно закрытая тема. Как, например, космонавты не скажут о том, что им там страшно, а ведь наверняка бывает страшно. В космонавтике очень много остается скрытого и непознанного. То, что не попала в полет во время терешковской эпопеи, я не жалею. А вот позднее, когда уже занялась психологией, еще прыгала, была в отличной физической форме и не слетала – об этом я очень сожалею. Ведь полететь в космос, уже будучи психологом, да со своей исследовательской программой и методиками, посмотреть воочию, почувствовать, понять на себе, что там происходит с психикой человека – это совсем другое дело. Сейчас я продолжаю заниматься космической психологией, работаю в Научно-исследовательском испытательном центре подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина. Есть еще очень много того, что мне надо суметь и успеть сделать, так что не будем ставить точку...

Ирина
Соловьева
в Мемориальном
рабочем
кабинете Юрия
Алексеевича
Гагарина

АЗБУКИ
ПРОСТАЯ
КРАСОТА

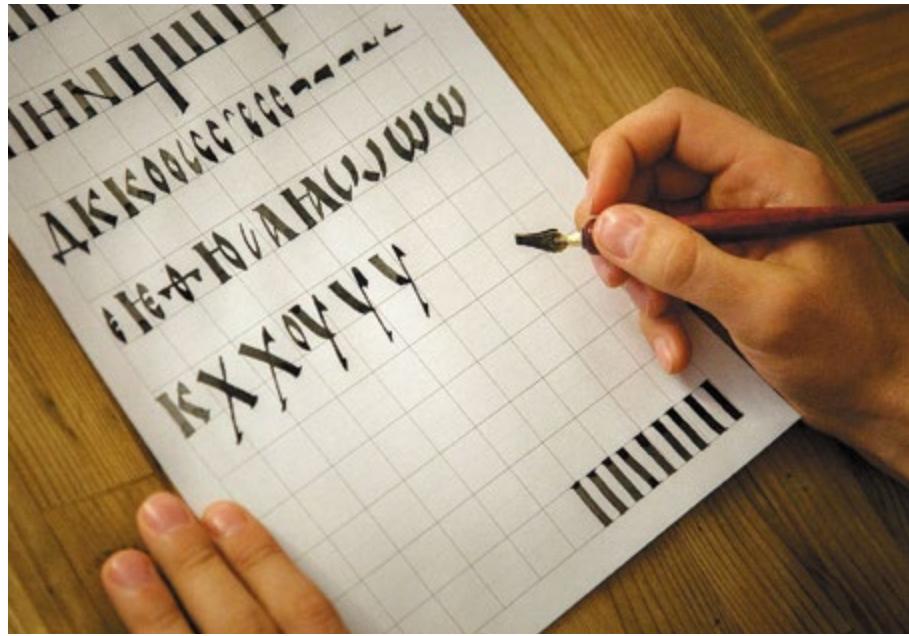

БЕСЕДОВАЛ

ФОТО

АЛЕКСЕЙ ГУДКОВ АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В САМОМ ЦЕНТРЕ МОСКВЫ, НА БЕРСЕНЕВСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ, В ЖИВОПИСНЫХ ПАЛАТАХ, ПОСТРОЕННЫХ В СЕРЕДИНЕ XVII СТОЛЕТИЯ ПО ЗАКАЗУ ДУМНОГО ДЬЯКА АВЕРКИЯ КИРИЛЛОВА, РАСПОЛОЖИЛОСЬ ВЕСЬМА НЕОБЫЧНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ – «ШКОЛА ИСТОРИЧЕСКОЙ КАЛЛИГРАФИИ». ЕЕ СОЗДАТЕЛИ НЕСПРОСТА НАЗЫВАЮТ СВОЕ ДЕТИЩЕ СКРИПТОРИЕМ: ЗДЕСЬ ЦАРИТ АТМОСФЕРА ОДНОВРЕМЕННО И ВИЗАНТИИ, И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ, И ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Б ЕЛОСНЕЖНЫЕ ТОЛСТЫЕ СТЕНЫ, сводчатые потолки, небольшие оконца с массивными решетками, деревянные конторки для письма. На широком подоконнике разложены книги: пособия по палеографии, роскошные альбомы, факсимильные издания средневековых манускриптов... Где, как не в этих палатах – одном из немногих сохранившихся образцов частного жилого строительства допетровской Москвы, постигать азы стариинного письма?

Ученики Скриптория могут упражняться в письме не только металлическими перьями, но даже птичьими и тростниковые – погружение в эпоху максимальное. Здесь действительно можно почувствовать и понять, каким тяжелым был труд писцов, корпевших над грамотами и кодексами. Как ни странно, каллиграфия стала сегодня не только модным хобби, но и вполне желательным навыком для целого ряда профессий. В столице и больших городах все большую популярность приобретают различные каллиграфические мастер-классы, курсы и даже целые школы. Достаточно сказать, что только в одной Москве последних – около десятка. Причем каждая из них имеет свои особенности. «Школа исторической каллиграфии» отличается тем, что делает особый упор на традицию и аутентичность. Ее основатели – профессиональный художник Юрий Ковердяев и профессиональный филолог Андрей Санников – планировали свою «Школу» как воплощенный синтез искусства и науки.

Об исторической каллиграфии, своей «Школе», ее учениках и их работах журналу «Русский мир.ру» рассказывают Юрий Ковердяев и Андрей Санников.

– Каллиграфия в переводе с греческого означает «красивый почерк». Навык весьма привлекательный, но, прямо скажем, не слишком востребованный в наши дни. Итак, что же дает нам, людям XXI века, занятие столь древним ремеслом?

ЮРИЙ КОВЕРДЯЕВ: Народ, не знающий своей истории, не имеет будущего. Все, созданное до нас и окружающее нас, есть мир, который нас формирует, и наша задача – максимально развить его и постараться как можно меньше забыть и потерять. А для понимания того, что нас окружает, полезно знать технологию...

АНДРЕЙ САННИКОВ: Если отвечать на вопрос одной фразой, занятия каллиграфией дают лучшее понимание того, как устроены наши буквы. Мы редко задумываемся об их формах, да и в школе этому не учат, а ведь буквы – удивительная вещь! Казалось бы, как винтики от постоянного использования или как морская галька от трения, они должны очень быстро стачиваться, видоизменяться. Однако мы наблюдаем совсем другое явление: буквы действительно меняются, но чрезвычайно медленно, так что современный алфавит представляет собой целую коллекцию экспонатов, каждый из которых может что-то рассказать о своем собственном прошлом.

– Например?

А.с.: Почему у кириллической «И» диагональ обычно тонкая, а у латинской «N» – широкая? Почему буква «A» слева тонкая, а справа толстая, а буква «V» – наоборот?

Ответ становится очевидным, когда берешь в руки плоское перо и начинаешь писать. Оказывается, буквы до сих пор «помнят», что когда-то они писались плоским пером: эта пластика «вросла» в них. Кстати, помнят они и о том, что боль-

Занятия каллиграфией приобретают все большую популярность в столице

шинство пишущих людей всегда были правшами: в «мире левшей» весь алфавит выглядел бы совершенно иначе.

Или другой пример. Прописная буква «Е» – посланник тех времен, когда буквы чаще высекались на твердом камне, чем писались на мягким материале. Отсюда и угловатость этой буквы. А вот строчная форма «е» – более молодая: такую вырезать на камне было бы очень неудобно.

Наша буква «г» – «червячком» – чуть ли не единственный привет из скорописи допетровской Руси, а форма «д» с верхним выносным элементом – наоборот, совершенно европейская, послепетровская.

Таким образом, изучая историческую каллиграфию, мы узнаем прошлое наших современных букв, понимаем, откуда произошла та или иная их форма. И весь алфавит становится для нас живым организмом, а не просто набором традиционных закорючек. А вместе с тем – и это очень важно для дизайнеров – мы начинаем видеть пути творческого обыгрывания буквенных форм, начинаем смотреть на них «по-своему».

– Не кажется ли вам, что мы все ближе к тому времени, когда рукописание окончательно уйдет из повседневного обихода, перейдя в область искусства?

Ю.К.: Кажется. И очень может быть, что письмо перейдет в разряд увлечений, таких как музыка, рисование и многие другие виды деятельности, когда-то привычные многим нашим предкам. Задержит этот процесс только размер нашей территории и временная недоступность гаджетов. С другой стороны, нет ничего вечного: каждый текущий процесс есть переход от того, что знали когда-то раньше и что, износившись, отживаются к чему-то новому.

А.С.: Конечно.

– С какого времени существует ваша «Школа» и кто был ее главным «зачинщиком»? Как появилась идея ее создания?

Ю.К.: В 2008 году в России на официальном уровне возродили каллиграфию: появился Современный музей каллиграфии, Национальный союз каллиграфов, стали регулярными международные выставки с хорошей рекламой. Как раз они и открыли глаза широкой публике на красоту письма. В музее задумали открыть Школу каллиграфии, но еще пару лет собирались. А тем временем Андрей организовал курс каллиграфии в РГТУ, плавно преобразовавшийся в «Школу исторической каллиграфии», затем «Школа» сменила площадку и... А дальше пусть он сам расскажет.

А.С.: История нашей «Школы» начинается с 2009 года. В Москве тогда проходила Международная выставка каллиграфии. Когда я, профессиональный лингвист, влюбленный в каллиграфию, побывал на этой выставке и увидел, что не только на Западе, но и в России есть большой интерес к каллиграфии со стороны общества, я совершенно отчетливо понял, что мне необходимо срочно, немедленно начинать преподавание. Так начался мой курс каллиграфии в РГТУ.

Двумя годами позже, в 2011 году, я начал преподавать в Институте русского языка имени Виноградова. Здесь же вскоре ко мне присоединился Юрий Иванович Ковердяев. Вдвоем с ним мы и создали «Школу исторической каллиграфии». В октябре 2016 года наша «Школа» переехала в палаты Аверкия Кириллова – под кров Института Наследия (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. – Прим. ред.).

– Какие курсы представлены в Скриптории? Чему вы учите своих учеников?

Ю.К.: Программа наших курсов постоянно совершенствуется, но основной их набор следующий. Базовый курс – с момента формирования европейских видов письма в Древней Греции и Риме до готики. Славянское письмо – от византийцев до XIX века. Готическое письмо – курс разделен на два цикла, в конце которых проходим и письмо Возрождения. Кстати, не исключено, что Ренессанс мы скоро выделим в отдельный курс. Затем английский курсив или курс письма остроконечным пером – очень популярный стиль, который вспоминают в разговоре о каллиграфии сразу после китайской; сейчас его стало модным называть Copperplate. Отмету, что есть еще один вид остроконечного письма – Spencerian, и при достаточном спросе он может стать отдельным курсом. Хотелось бы также открыть курсы исторического орнамента и инициала. В ближайших наших планах – организовать занятия для детей.

А.С.: А первые два-три занятия в нашей «Школе» посвящены знакомству с инструментами и приобретению навыков работы с ними.

– Практически любой наш современник может с ходу назвать любимую картину или художника. С рукописями, конечно, все намного сложнее. Что касается каллиграфов, то их имена и вовсе вспомнят лишь специалисты. А есть ли у вас самих любимые рукописи? Кого из мастеров прошлого вы бы выделили особо?

Ю.К.: Очень емкий вопрос. Большинство прекрасных мастеров остались неизвестными: каллиграфия не представлялась значимым искусством, и свои работы исполнители подписывали редко.

Что касается любимых рукописей, то это несколько дошедших до нас страничек Вергилия V века, написанных неизвестно кем, некоторые безымянные страницы с характерными унциальными видами письма, греческий Синайский кодекс, ирландская Келлская книга, наиболее показательные готические рукописные книги, которых уже, конечно, гораздо больше и которые чаще подписаны, много постготического материала разных стилей.

Из отечественного – это, конечно, Остромирово Евангелие XI века, особенно первые 48 страниц, написанные непревзойденным мастером, конечно, тоже безымянным. Кроме того, работы каллиграфа рубежа XV–XVI веков Михаила Медоварцева со товарищи, а также позднейшие вещи – творчество старообрядческих мастеров, в частности Ивана Блинова (см.: «Русский мир.ru» №7 за 2016 год, статья «Золотое перо». – Прим. ред.).

А.С.: Даже добавить нечего...

– Зачастую многие наши соотечественники, жаждущие прекрасного и традиционного, легко становятся жертвами различных симуляков, попросту говоря – подделок. И сфера письма – не исключение. Здесь и «славянские руны», и Велесова книга и прочая псевдоревность. Чего стоят разыскания того же Валерия Чудинова, «читающего» кириллические надписи на памятниках эпохи палеолита. Что это: извечные поиски «особого пути» или, быть может, следствие постсоветской «ностальгии по истокам», когда человек зачастую не знает имени собственного прадедушки, но жаждет быть причастным к чему-то старинному и великому? Приходилось ли вам проводить на занятиях исторический «ликбез»?

Андрей
Санников –
профессиональ-
ный лингвист,
влюбленный
в каллиграфию

Юрий
Ковердяев –
профессиональ-
ный художник,
мечтающий
открыть курсы
калиграфии
для детей

Ю.К.: Ну, не без этого, конечно, особенно когда ученику что-то подобное уже крепко вбито. Ведь всегда первая информация воспринимается как базовая, а все последующее подгоняется под нее. По молодости всегда приятно быть причастным к каким-нибудь особым группам, обладающим «исключительными» знаниями. Гораздо позже доходишь до необходимости как-то проверять информацию и сопоставлять ее с элементарной логикой.

И еще, наверное, трудно найти народ, который не считал бы, что именно с него и пошло все человечество. Во главе источников таких взглядов стоят разного рода сомнительные идеологи, и чем длиннее язык у каждого, тем крепче ему верят, что бы он там ни нес.

А.С.: Мы на занятиях всегда стараемся придерживаться строго научных данных. Конечно, самое щекотливое здесь место – древнерусский курс: не раз бывало, что ученики, желая похвастаться, козыряли ссылками на совершенно ужасающие в смысле антинаучности источники. К счастью, никто обычно не обижается, когда разоблачаешь неправду.

– Историческая каллиграфия неразрывно связана с христианством, его историей и культурой, если, конечно, мы говорим о европейской каллиграфии, частью которой является и славянская. Отражается ли в вашей работе каким-то образом сакральная тематика?

Ю.К.: Специального акцента мы на этом не делаем, хотя, поскольку письмо развивалось главным образом благодаря развитию религии, все и так вращается вокруг нее.

А.С.: Конечно.

– Каков он, среднестатистический ученик «Школы исторической каллиграфии»? Домохозяйка, решившая «убить вечерок»? Штурмующий новые вершины профессиональный дизайнер? Вживаящийся в Средневековье студент-медиевист? Находят ли они практическое применение своим навыкам?

Ю.К.: Ко всем перечисленным вами типам надо добавить, как ни странно, финансистов, экономистов и юристов. Для нас еще очень ценны филологи с древнегреческим и латинским языками. К слову, «убитый» на каллиграфию вечерок чистенько поражает вирусом письма и следующую за ним ночь...

А.С.: У нас всегда много дизайнеров, которым каллиграфия нужна для профессии, в то время как в вузовском образовании, к сожалению, ее почти не преподают. А помимо дизайнеров – кого у нас только не бывает! И архитекторы, и художники, и домохозяйки...

Однажды к нам пришла девушка, работающая в системе кейтеринга, которая подумывала каллиграфически расписывать торты! В общем, люди приходят разные, но всех их объединяет одно – искренний интерес к каллиграфии и желание приобрести новые знания и навыки.

– Думается, не будет преувеличением сказать, что среди творений ваших учеников имеется немало профессиональных работ, которые не стыдно показать широкой публике. Можно ли их где-нибудь увидеть? Вы организуете какие-то выставки, презентации, вечера?

Ю.К.: Сами мы пока ежегодно организуем только одно мероприятие – День славянской каллиграфии, который проходит в последние майские выходные в домовом храме мученицы Татианы при МГУ, что напротив Манежа.

Мы, конечно, охотно принимаем приглашения от друзей – два раза предоставляем работы наших учеников на выставки, которые проходили в Санкт-Петербурге. Довольно регулярно участвуем в различных исторических фестивалях, даже кинематограф иногда не обходится без нашей помощи. Еще проводим мастер-классы, как выездные, так и у себя. Приглашаем мастеров для проведения «интенсивов» по различным направлениям. Вот только сутки короткие и в неделе всего семь дней...

А.С.: Мы стараемся создать в нашем Скриптории обстановку, располагающую не только к упорной работе, но и к дружеским встречам. Наши занятия переходят в чаепития, которые, бывает, заканчиваются за полночь. Мы устраиваем у себя праздники, на которые приглашаем всех наших учеников и выпускников, да и вообще всех, кому у нас интересно. Мы очень любим гостей! Такие встречи – прекрасная возможность посмотреть наши работы и работы наших учеников и вообще прикоснуться к жизни нашего Скриптория.

ВОДА СО ЛЬДОМ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ЕЩЕ В МОРСКОМ КОРПУСЕ КАДЕТ АЛЕКСАНДР КОЛЧАК МЕЧТАЛ ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ В ЮЖНЫЕ МОРЯ. ТЕ, ЧТО ЮЖНЕЕ НЕКУДА, ТЕ, ЧТО В АНТАРКТИКЕ. ЖИЗНЬ РАСПОРЯДИЛАСЬ ИНАЧЕ. БЕСКРАЙНИЕ ВОДЫ И ДИКИЕ ЗЕМЛИ, ПОКРЫТИЕ ЛЬДОМ, ЖДАЛИ БУДУЩЕГО АДМИРАЛА НА ПРОТИВОПОЛОЖНОМ КОНЦЕ ЗЕМЛИ – В АРКТИКЕ.

С

1906 ГОДА АЛЕКСАНДР Колчак жил в родном Петербурге на улице Большая Зеленина, 3. Когда он с женой Софьей Федоровной въехал в арендованную квартиру, дом был «с иголочки», шести лет от роду. Петроградская сторона – район престижный, буржуазный. Здесь строили доходные дома с водопроводом, лифтами, паровым отоплением и прочими благами цивилизации. До Петропавловской крепости по прямой – километр с четвертью. До Морского Генерального штаба (МГШ) и Николаевской морской академии на Васильевском острове – чуть подальше, но даже пешком можно уложиться минут за сорок.

О ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ

Про МГШ сказано не ради красивого словца. Именно в 1906 году было создано это военное учреждение. Цель – отделить текущие заботы, связанные с содержанием военно-морского флота и обеспечением его кадрами, от оперативно-стратегического планирования и управления. По замыслу 32-летнего лейтенанта флота Колчака и его товарищей из Санкт-Петербургского военно-морского кружка (первоначальное название – «Общество младших офицеров флота») Морской Генеральный штаб был необходим как главный движитель программы воссоздания флота после болезненных ударов, полученных во время русско-японской войны. Как ни странно, Морское министерство прислушалось к мнению лейтенантов. Колчак, несмотря на скромный чин, возглавил отделение русской статистики. Работал много и плодотворно. Был приглашен в качестве постоянного эксперта в комиссию Госдумы по обороне. Правда, в МГШ Колчак не задержался. Его доклад в Госдуме на тему реинкарнации флота приняли холодно. И пылкий Александр Васильевич тут же переключился на

«чистую науку», благо его с удовольствием позвали читать лекции в Морской академии. И он с не меньшим удовольствием согласился. Стоит заметить, что сам Колчак высшего военно-морского, то есть академического, образования не имел. Однако его лекции и доклады вызывали постоянный интерес во всех слоях флотского общества.

Резонно спросить: а почему при таком статусе в 30 с лишним лет все еще лейтенант? Никакого криминала или политики! После введения «морского ценза» при императоре Александре III продвижение в чинах на флоте было крайне затруднительно. Для ясности: «морской ценз» 1885 года – это производство строевого офицера в следующий чин только в том случае, если он «наплавал» требуемое количество суток. И при наличии свободной вакансии, соответствующей чину. Колчак «наплавал» недостаточно, хотя за его плечами были полярные экспедиции (не считается. – Прим. авт.) и бои за Порт-Артур. К счастью для многих талантливых и толковых офицеров, «ценз» отменили в 1907 году, и Колчак быстро избавился от лейтенантских знаков различия. В 1908-м он уже капитан 2-го ранга.

О МЕМОРИАЛЬНЫХ ДОСКАХ

Но вернемся обратной дорогой с Васильевского на Зеленина, 3. Нынче этот доходный дом выглядит, мягко говоря, уныло. Как снаружи, так и внутри. Питерские ветра и дожди вдоволь поиздевались над ним за сто с лишним лет. В ноябре 2016 года дом чуть приободрился. На фасаде с разрешения городских властей энтузиасты одной общественной организации установили памятную доску. Правда, энтузиасты других общественных организаций немедля облили доску черной краской, а заодно подали судебный иск, апеллируя к тому, что Колчак до сих пор не реабилитирован и является преступником. Опустив при этом такое простое соображение, что Колчак был расстрелян в феврале 1920

Санкт-Петербург.
Здание Адмиралтейства,
где располагалось Морское
министерство,
а с 1906 года
и Морской Генеральный штаб.
Вид с Невы.
Начало XX века

года по приговору Иркутского военно-революционного комитета, судебным органом не являвшегося. Не было судебного следствия, не было и приговора. Преступником же является только тот, кого таковым посчитал суд. А суд заменила телеграмма Ульянова (Ленина) из Москвы, в которой был дан ясный приказ: «После занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так под влиянием... опасности белогвардейских заговоров в Иркутске». «Поступили так» означало – убили...

В январе текущего года Смольинский суд Петербурга удовлетворил иск и постановил доску демонтировать. За современной сумбурной жизнью уследить трудно, но на момент работы над этим материалом доска еще висела. На ней написано: «В этом доме с 1906 по 1912 год жил выдающийся русский офицер, учений и исследователь Александр Васильевич Колчак». Мемориальная доска с похожим текстом висит в музее Морского корпуса Петра Великого, в котором Колчак постигал премудрости морской профессии и который окончил в 1894 году первым на курсе. Любопытный нюанс, характеризующий Колчака. Узнав, что его постоянный конкурент за первенство гардемарин Филиппов стал вторым исключительно потому, что за поведение получил балл ниже, чем сам Колчак, завтрашний мичман официально отказался от первого места. Он искренне считал, что Филиппов способнее его. Начальство корпуса сочло аргументы Колчака убедительными. Правда, от премии имени русского военного моряка и полярного путешественника адмирала первой половины XIX века Петра Рикорда, как «отличнейшему во всех отношениях воспитаннику», Колчак отказываться не стал. На памятной доске в Морском корпусе Александр Васильевич представлен как «выдающийся российский полярный исследователь, флотоводец».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Вице-адмирал
Александр
Васильевич
Колчак. 1916 год

О ПОЛЯРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Многие, если не большинство деятелей революций и Гражданской войны отметились в истории и принесли существенную пользу (или вред) Отечеству именно как деятели революций и Гражданской войны. Независимо от того, какой лагерь они представляли. Что о Керенском речь, что о Чапаеве, что о Марии Спиридоновой, что о Булак-Балаховиче. Колчак – иное. Отроческая мечта об экспедициях и исследованиях привела его к серьезной научной работе и целому ряду открытий, которыми до сих пор пользуются в Арктике. Безо всякой политической подоплеки.

Почти сразу после выпуска из корпуса Колчак оказался на Дальнем Востоке. Он был зачислен помощником вахтенного начальника на крейсер 1-го ранга «Рюрик». Через полтора года перешел уже вахтенным начальником на клипер «Крейсер». Если посмотреть на всю морскую карьеру Колчака, волей-неволей создается впечатление, что кто-то выше направлял офицера, давая ему возможность попробовать себя в самых разных ипостасях. Современные корабли на угле и мазутном ходу, парусники, практическая педагогика, береговая батарея, минная работа, штабное планирование, наконец, научные изыскания... Балтика, Тихий океан, Черное море, Северный Ледовитый... Самое время напомнить, что в день гибели Колчаку было всего 45. Трудно понять, как молодой офицер находил время среди корабельной рутинны для научных занятий. В морских уставах о такой работе ничего не сказано. Командир клипера Генрих Цывинский отзывался о своем вахтенном начальнике так: «Одним из вахтенных учителей был мичман А.В. Колчак. Это был необычайно способный и талантливый офицер, обладал редкой памятью, владел прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоции всех морей, знал историю всех почти европейских флотов и морских сражений». Стоит добавить, что Колчаку трех языков показалось недостаточно. Он принял

Вице-адмирал
Степан Осипович
Макаров
(1849–1904)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Барон Эдуард Васильевич Толль
(1858–1902)

за изучение китайского и хинди, чтобы в подлинниках читать философов древних цивилизаций.

В 1899 году Колчак публикует первую научную работу – «Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произведенные на крейсерах «Рюрик» и «Крейсер» с мая 1897 г. по март 1898 г.». Вместе с клипером он уже вернулся в Петербург. И, не откладывая в долгий ящик, явился к адмиралу Степану Макарову с просьбой включить его в состав экспедиции на Северный полюс. Вся морская столица говорила о предстоящем походе. Только-только был спущен на воду ледокол «Ермак», которому и предстояло добраться до северной макушки Земли под командованием Степана Осиповича. Это был крайне оригинальный проект. Все штурмы полюса производились с использованием естественных течений и дрейфальдов. К точке пытались добраться на собаках, снабженных лыжами лодках, деревянных судах. Макаров предложил более современный способ – «ледокольный». Иное дело, что сам «Ермак» оказал-

ся для этой задачи неприспособленным судном. Именно – ледоколом. А нужен был... Ну об этом после.

Макаров зачислить Колчака в состав экспедиции не смог. Все уже было сверстано, и вновь играть в пас с бюрократией Морского министерства адмирал не захотел. В 1901-м «Ермак» двинулся в Арктику, но цели не достиг. А вот попытка молодого офицера стать полярным исследователем была замечена. Академия наук формировалась экспедицию для изучения полуострова Таймыр и островов моря Лаптевых. Этим занимался известный путешественник Эдуард Толль. Вернее, так. Академия хотела с помощью экспедиции получить дополнительную информацию о северных землях России. Барон Толль собирался сформировать нечто иное – открыть новую землю, о которой судачили начиная с 1811 года, когда якутский добытчик песца Яков Санников сообщил об уверенности в том, что севернее Новосибирских островов есть не только льды, но и суша. Это была идея фикс Эдуарда Васильевича. Ею он решил «заразить» и Колчака, пригласив его в состав экспедиции. Уже во второй половине XX века было окончательно доказано, что Санников ошибался. Ошибался и барон Толль. Никакой земли за Новосибирскими островами нет. Колчак, находившийся в походе в Средиземном море, немедленно дал согласие и стал одним из трех морских офицеров, которых

Ледокол «Ермак»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Толль взял с собой. Колчаку вменилось в обязанности вести гидрологические работы. Для нужд экспедиции в Норвегии был куплен трехмачтовый зверобойный барк «Харальд Харфагер». Первым делом его переименовали в «Зарю», а потом уж и основательно переделали. Барк превратился в шхуну, хотя по документам стал числиться яхтой. Следить за работами, связанными с переделкой барка в нечто, в Норвегию был командирован Колчак. Знаменитый «Фрам» Фритьофа Нансена, пусть и не достигший Северного полюса, но поставивший рекорд максимального продвижения к нему, болтался меж льдами где-то западнее Гренландии. Но сам Нансен находился дома, в Норвегии, и принял Колчака на, скажем так, индивидуальную стажировку. Знакомство с великим Фритьофом и чертежами «Фрама» пошло русскому офицеру на пользу. В начале июля 1900 года «Заря» снялась с якоря и отправилась сначала в Александровск-на-Мурмане (ныне – Полярный), затем в Карское море. Экипаж состоял из 20 человек. Если говорить об офицерском составе, то единственный, у кого не имелось опыта полярного плавания, это Колчак. Командир корабля Николай Коломейцев ходил по Белому морю и в устье Енисея. Первый помощник Федор Матисен – на Шпицберген. Врач Герман Вальтер – к архипелагу Новая Земля. «Высшую касту» шхуны составили также два «ботаника»: зоологом был назначен

сотрудник Зоологического музея Академии наук Алексей Бялыницкий-Бируля, астрономом и магнитологом кандидат физико-математических наук Фридрих Зееберг, так же как Колчак, не имевший полярного опыта.

Об этой, последней для Толля экспедиции принято говорить с трагическими интонациями. Оно понятно: ведь барон и еще три члена команды пропали без вести. Среди представителей общественных организаций, органически неспособных относиться к Колчаку объективно, есть и специалисты по троллингу. Один такой мастер, автор довольно впечатльного реферата на тему «Колчак и Арктика», смахивая пролетарские слезы, обвиняет молодого Александра Васильевича в том, что он не пошел с Толлем «в разведку» и спрятался за спину пожилого Зееберга. Правда, несколькими абзацами ранее сам же уточняет, что «пожилому» Зеебергу на старте экспедиции 28 лет. «Молодому» Колчаку – 26. Еще одно распространенное за-

участники экспедиции Э.В. Толль на борту шхуны «Заря». В верхнем ряду третий слева – А.В. Колчак. Второй ряд (слева направо): Н.Н. Коломейцев, Ф.А. Матисен, Э.В. Толль, Г.Э. Вальтер, Ф.Г. Зееберг, А.А. Бялыницкий-Бируля

блуждение: будто бы Колчак принял решение остановить поиски группы Толля на острове Беннетта и возвращаться на юг. В реальности Толль оставил за команда-ра корабля лейтенанта Матисена, после того как в добровольную отставку после конфликта с бароном отправился лейтенант Коломейцев. И перед выходом на поиск земли Санникова начальник экспедиции напутствовал остававшихся на борту: «Если поиски наших следов приведут к отрицательным результатам или Вы, вследствие неимения 15 т угля, будете принуждены взять обратный курс, не сняв меня с партией, то Вы с этим количеством угля дойдете на «Заре», по меньшей мере, до острова Котельного, а идя частию под парусами, быть может, и до Сибирского материка». В августе 1902 года Матисен отдал приказ прекратить поиски Толля и его товарищей и двигаться к дельте Лены, к поселку Тикси. В трюмах оставалось 15 тонн угля...

Однако за трагедией непроизвольно прячут ту пользу, которую принесли двухлетние исследования. Для непосвященного особого смысла не имеют такие штуки, как замеры глубин, анализ состава льдов, картографическая съемка побережья, геологические образцы, электромагнитное взаимодействие в конкретной местности. И вообще, профессия путешественника – одно удовольствие. Я б в Пржевальские пошел!.. Удовольствие, конечно, есть. Когда приходит понимание, что сделано что-то уникальное, открыто что-то необычное. А сам процесс с удовольствием не корреспондирует. Особенно «на Северах». Так вот, материалы, собранные экспедицией, оказались настолько богаты и актуальны, что в Академии наук была создана постоянно действующая комиссия по их обработке. Она работала вплоть до 1919 года, несмотря на революции и Гражданскую войну. Практика Северного морского пути из Атлантики в Тихий океан отчасти опирается на результаты Русской полярной экспедиции барона Толля.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ОБ ОПЕРАЦИИ «СПАСЕНИЕ»

В декабре 1902 года члены экспедиции прибыли в Петербург. О ее результатах Матисен, Колчак и Константин Воллосович, возглавлявший вспомогательную партию, доложили на заседании Академии наук. Но на первый план вышла тема спасения Толля и его спутников, ежели таковое еще возможно. Президент АН великий князь Константин Константинович взял вопрос под личный контроль. К удивлению многих, Матисен отказался от предложения возглавить спасательную экспедицию. Колчак – согласился.

Первоначальный план, связанный с новым походом шхуны «Заря» к острову Беннетта, на котором гипотетически могли остаться на зимовку Толль и его люди, забаллотировали. В первую очередь потому, что «Заря» находилась в Тикси в малопригодном для выхода в море состоянии. Во-вторых, потому, что неудачная попытка приблизиться к острову летом 1902 года могла повториться и летом 1903-го. В-третьих, деньги. Снарядить такую экспедицию быстро означало – дорого. Академия наук была не самым обеспеченным учреждением в империи.

Новый план возник после ре-плики Воллосовича. Он предложил отправиться на остров Беннетта с материка на лодках. Так, как это делают местные каюры во время промысла зверя. Есть возможность – идут на лодках по открытой воде, нет – тащат суденышки волоком. За реализацию этого рискованного плана и взялся Колчак. 17 человек, 161 собака, 10 нарт и 6-метровый вельбот – все, что было в его распоряжении. Но этого оказалось достаточно, чтобы выполнить поставленную задачу – достичь острова Беннетта. Следы группы Толля, в том числе дневники Эдуарда Васильевича, обнаружили довольно быстро. И пришли к неутешительному выводу. Барон и его люди осенью 1902 года остались без провизии, сделать запасы не удалось – птицы уже улетели, медведи и нерпы дер-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Гидрограф
А.В. Колчак
измеряет темпе-
ратуру и берет
пробы воды на
гидрохими-
ческий анализ
с помощью бато-
метра Тимченко

жались в отдалении. И Толль принял решение пробиваться на юг. Не получилось. Зато получилось у другой группы, высаженной на самый восточный остров Новосибирского архипелага – Новая Земля. Зоолог Бирюля и еще три человека самостоятельно добрались до материка. «Вверенная мне экспедиция с вельботом и всеми грузами пришла на остров Котельный к Михайлову стану двадцать третьего мая... Найдя документы барона Толля, я вернулся на Михайлов стан двадцать седьмого августа. Из документов видно, что барон Толль находился на этом острове с двадцать первого июля по двадцать шестое октября прошлого года, когда ушел со своей партией обратно на юг... по берегам острова не нашли никаких следов, указывающих на возвращение кого-либо из людей партии барона Толля. К седьмому декабря моя экспедиция, а также и инженера Бруснева, прибыли в Казачье. Все здоровы», – телеграфировал Колчак в Петербург

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Лейтенант Федор
Андреевич
Матисен
(1872–1921)

в январе 1904 года. Лейтенант кривил душой. Неизвестно, как другие спасатели, но он здоровым себя чувствовал вряд ли. Во время экспедиции Колчак провалился под лед. Его, терявшего сознание от переохлаждения, еле отогрели. С приобретенным на острове Беннетта суставным ревматизмом Александр Васильевич не расстанется никогда. Кстати, от главного острова Новосибирского архипелага, Котельного, до острова Беннетта каких-то 155 километров по льду и воде Северного Ледовитого океана...

О ЛЕДОКОЛАХ И ЛЕДОДАВАХ

О начале русско-японской войны Колчак узнал в Якутске, куда добрался из Тикси. Сразу телеграфировал великому князю Константину Константиновичу с просьбой перевести его из штата Академии наук в Императорский флот и направить в Порт-Артур. Получил добро и пошел на войну. Воевал славно. Получив под команду миноносец «Сердитый», Колчак так виртуозно поставил минное заграждение, что в декабре 1904 года японский бронепалубный крейсер «Такасаго» напоролся на него и без лишних размышлений пошел ко дну. Колчак вернулся в Петербург с Золотым оружием «За храбрость», которое с 1913 года получило название «Георгиевское». Именно эту саблю адмирал Колчак выбросил за борт, когда революционные матросы потребовали от офицеров штабного корабля Черноморского флота броненосца «Георгий Победоносец» сдать личное оружие. Символичная тавтология, не правда ли?

Колчак не забывал о Севере и науке независимо от места службы и занимаемой должности. Но после русско-японской войны судьба в этой части радовала его дважды: в 1905–1906 и в 1908–1910 годах. В первом случае Александр Васильевич занимался только наукой, готовя к публикации материалы спасательной экспедиции на Новосибирских островах. Отчет был напечатан в «Известиях Академии наук», картографиче-

Экипаж ледокола
«Вайгач».
1913 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ская служба издала три карты, составленные в ходе обеих экспедиций, причем одна из них была плодом трудов только Колчака. Увидели свет другие работы. Имя морского офицера приобрело вес в научной среде. В 1906 году к боевым наградам прибавилась самая что ни на есть мирная. Русское географическое общество присудило Колчаку Константиновскую медаль – «за участие в экспедиции барона Э.В. Толля и за путешествие на остров Беннетта». Колчак стал первым русским офицером, которому вручили высшую награду РГО. Этим же годом датируется появление неофициальной приставки к фамилии – Полярный.

Во втором случае Колчак опубликовал самую значительную научную работу – «Лед Карского и Сибирского морей». Эта монография содержала серьезные научные открытия, по сей день она актуальна. Никого уже не удивлял тот факт, что новоиспеченный капитан 2-го ранга входит в комиссию Северного морского пути. Скорее, наоборот: было бы странно, если б Колчака в нее не пригласили. Столь же естественным выглядело приглашение начальника Главного гидрографического управления генерал-майора Андрея Вилькицкого в группу, готовившую Гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана (ГЭСЛО). Главной ее задачей было проложить Северный морской путь. Об этом мечтал генерал-полярник Вилькицкий, об

этом неоднократно размышлял капитан-полярник Колчак. Экспедицию запланировали провести на кораблях принципиально новой конструкции. И эту конструкцию разрабатывал Колчак. О том, что он являлся одним из создателей русского и советского ледокольного флота, долго замалчивалось. Не монтировался облик корабел-новатора со статусом лидера белых сил – Верховного правителя России.

Суть конструкции проста. Ее Колчак углядел, изучая чертежи «Фрама» в гостях у Нансена. Ведь это норвежец придумал яйцевидную форму корпуса своему судну. В полярных морях особую опасность представляют льды на зимовке. Они сдавливают корпус корабля с огромной силой, нередко – роковой. А после гибели судна команда почти наверняка обречена. Расколоть борта «Фрама» льдинам не удавалось по той причине, что они не упирались в них, а выталкивали судно, сходясь уже под ним. Этот принцип Колчак предложил внедрить при строительстве двух ледоколов. Но, в отличие от «Фрама»,

Лейтенант
А.В. Колчак
на охоте. Остров
Котельный.
1902 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и «Вайгач», и «Таймыр» имели металлический корпус. Крепкая сталь и форма корпуса позволяли им не резать лед, как это делали – не всегда успешно – ледоколы предыдущих конструкций, а наваливаться на него и продавливать. «Вайгач» прожил короткую жизнь. Спущененный на воду в 1909-м, он в 1918-м потерпел аварию в Енисейском заливе и пошел на «иголки» в 1924-м. А вот «Таймыр» давил лед вплоть до начала 50-х годов XX века.

Ледоколы построили очень быстро. Они числились за военным флотом, и Колчак по справедливости стал командиром «Вайгача». На нем и отправился в поход ГЭСЛО. Однако пройти Северным морским путем Колчаку не довелось. Его служба на «Вайгаче» ограничилась только первым этапом, в ходе которого были проведены исследования в Беринговом море и на мысе Дежнёва. Кораблям предстояло перезимовать во Владивостоке, после чего отправиться в Ледовитый океан. Что они и сделали, Колчака же отозвали в Петербург – заниматься программой воссоздания военно-морского флота. Той самой, которую несколькими годами ранее раскритиковали в Думе и которую теперь поддержал премьер-министр Петр Столыпин. С этого момента Колчака в полярных морях представлял только остров в Таймырском заливе Карского моря, названный бароном Толлем его именем. В советское время, понятное дело, название изменили, первоначальное вернули только в 2005-м. Но с неточностью. Было – остров Колчак, стало – остров Колчака. А вот мыс Софьи на юго-востоке острова Беннетта не тронули. Хотя знали, что имя ему дал сам Колчак в честь ставшей впоследствии его женой Софьи Омировой...

Да, вода и лед были если не постоянными, то довольно частыми спутниками Александра Колчака. Были они с ним и в последние минуты жизни. 7 февраля 1920 года. У крещенской купели на притоке Ангары – реке Ушаковке, что течет севернее старого Иркутска... ●

В.С. Свяров.
И.П. Каляев
бросает бомбу
в карету
великого
князя Сергея
Александровича
в Москве
в 1905 году.
1926 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

БЛЕДНЕЕ БЕЛОГО КОНЯ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

«НЕ ОТВЕРГАЮ ТОГО, ЧТО СЕГО ЧИСЛА Я ЗАДЕРЖАН
С МЕТАТЕЛЬНЫМ СНАРЯДОМ... С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ
Я ИМЕЛ ЭТОТ СНАРЯД, ОТ КОГО, КОГДА И ГДЕ ПОЛУЧИЛ
ТАКОВОЙ, Я В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ОБЪЯСНЯТЬ
НЕ ЖЕЛАЮ...» – ЗАЯВИЛ НА СУДЕ ВЕСНОЙ 1887 ГОДА
НАРОДОВОЛЕЦ ВАСИЛИЙ ОСИПАНОВ. В МАРТЕ ЕГО
ВМЕСТЕ С ПАХОМОМ АНДРЕЮШКИНЫМ И ВАСИЛИЕМ
ГЕНЕРАЛОВЫМ ЗАДЕРЖАЛИ С ПОЛИЧНЫМ
НА НЕВСКОМ ПРОСПЕКТЕ. «ПОЛИЧНЫМ» ОКАЗАЛИСЬ
САМОДЕЛЬНЫЕ БОМБЫ.

БОЕВАЯ ТРОЙКА СТУ-
дентов охотилась за
императором Алек-
сандром III, решив до-
вершить начатое Александром
Ульяновым и его «Террористи-
ческой фракцией». Государь,
в отличие от отца, Александра II, сентиментальностью об-
ременен не был. Суд завершил
работу быстро. В мае солдат-
ский сын Осипанов, крестья-
нин Андреюшkin и донской ка-
зак Генералов были повешены
в Шлиссельбургской крепости.

Окончание. Начало см.:
«Русский мир.ru» №3 за 2017 год.

ТЕРРОР КАК ПРИНЦИП

«Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это – одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения... Мы далеки от мысли отрицать всякое значение за отдельными героическими ударами, но наш долг – со всей энергией предостеречь от увлечения террором, от признания его главным и основным средством борьбы, к чему так сильно склоняются в настоящее время очень и очень многие». Это строки из статьи «С чего начать?», опубликованной в мае 1901 года в четвертом номере газеты «Искра». Статья не подписана, но все, кому нужно, знали, что ее автором являлся Владимир Ульянов. Псевдонимом Ленин появился в печати только в декабре 1901-го. Для того чтобы ни у кого не возникало сомнений, чью позицию безоговорочно поддерживает новое издание, в левом углу «шапки» значилось: «Российская социал-демократическая рабочая партия». Смысл ле-

Сторонникам террора в России пришлось взять тайм-аут. В террористы более никто не записывался. Жандармы и полиция действовали умело и напористо. Вплоть до 1901 года политические убийства прекратились. Землевольцами и народовольцами были убиты 70 человек. Это те, кто был занесен в мартыролог официально. Сколько случайного народу погибло от шальных пуль, осколков, катастроф – неизвестно. Но в 1901-м началось такое, что эти десятки погубленных душ кажутся не более чем эпизодом в истории. Счет жертв пошел на тысячи.

нинских тезисов по части терроризма прост и циничен. Он не считал террор чем-то аморальным и по этой причине неприемлемым для создаваемой партии эсдеков. Мораль и борьба за власть – «две вещи несовместные». Ульянов был убежден, что индивидуальный террор как единственный инструмент борьбы не приведет к необходимому результату. А ему был нужен результат вместо подвигов самопожертвования. На II съезде РСДРП в Брюсселе и Лондоне летом 1903 года в партии произошел раскол. Появились меньшевики и большевики. Последние в официальной резолюции заявили о своем отказе от индивидуального террора. Сие вовсе не означает, что впоследствии от их рук не страдало государство и не гибли люди. Но об этом позже. Хотя бы потому, что лидеры созданной в 1902 году Партии социалистов-революционеров рассуждали совершенно иначе. Равно как и лидеры, особенно местечковые, образовавшейся в 1897 году партии Бунд – Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России. Роль этой политической силы в первые годы XX века искусственно сведена в советское время к реплике «кушать подано». На деле же в западных губерниях империи – на землях Белоруссии, русской Польши, Литвы, Украины, где во многих городах и местечках основу населения составляли евреи, – Бунд был значительно влиятельнее остальных. И что удивляется тому, что в 1899 году в Шклове местные жители, наусканые бундовцами, до полусмерти избили нескольких русских солдат, вышедших в город в увольнительную. Соотношение иудеев и христиан в этом городе составляло 9 к 1. Бунд отказался от тактики террора в 1903 году, приняв соответствующую резолюцию на своем V съезде в Цюрихе. Но прежде успел отметиться весьма энергичными действиями.

Делегаты
II съезда РСДРП.
1903 год

Петр Владимирович Карпович (1874–1917), член РСДРП, убийца министра народного просвещения Богоявленского

ЗАСТРЕЛЬЩИК КАРПОВИЧ

Заслуженный профессор Николай Богоявленский принял Министерство народного просвещения в конце 1898 года. Будущий премьер-министр Сергей Витте характеризовал его как консерватора, более того – реакционера. Вполне естественная для Николая Павловича позиция. Специалист по римскому праву, зять князя Ливена, ректор Московского университета в царствование Александра III... Хорошо знакомый с психологи-

ей русского студента Богоявленского на министерском посту начал с того, что ввел так называемые «временные правила». Согласно им, администрации университетов и прочих высших учебных заведений получили право отправлять радикально настроенных студентов в армию «за дерзкое поведение, за грубое неповиновение начальству, за подготовление беспорядков или производство их скопом в стенах заведений и вне оных». Если смотреть на деятельность нового министра просвещения шире, то можно сказать, что он поставил перед собой сверхзадачу – уберечь студенчество от революционной и либерально-масонской заразы. Сверхзадача не только трудно выполнимую, но и опасную. Эта самая опасность материализовалась в некоем господине Карповиче. Сам по себе совершенный им теракт явился инициативой одиночки. Но привел к таким последствиям, о которых сам Петр Карпович не смел и мечтать.

Кем же был первый русский террорист XX века? В большинстве ссылок перепеваются одни и те же ошибки. Например, такая: Карпович вступил в партию эсеров в 1900 году. При всем желании этого не мог сделать ни Карпович, ни кто-либо другой. Партия возникла лишь

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

двумя годами позже. До 1902 года существовали лишь локальные партийные группы социалистов-революционеров. Также убийце приписывают членство в РСДРП, что еще менее вероятно, так как партия эсдеков начала активную работу после совершенного Карповичем теракта. Формально она возникла в 1898 году, но в работе I съезда, в Минске, приняли участие только 9 человек, которых вскоре арестовали. Наконец, Карповичу в связи с якобы его национальностью приписывают отношения с Бундом. Но нашелся человек, который изучил первоисточники. Доктор исторических наук Юрий Львинин пишет, что по метрическим книгам мальчик родился в 1874 году в Пинском уезде Минской губернии в дворянской православной семье и на третий день крещен под именем Петр. Более того, если верить мемуарам Веры Фигнер, доброй знакомой террориста по Шлиссельбургской крепости, и воспоминаниям сестры Карповича Любови Москвичевой, отец его вовсе не Владимир Карпович, а помещик, владелец хутора Воронова-Гута Александр Савельев, который, в свою очередь, родился от побочной дочери Екатерины II и князя Александра Безбородко. И выходит, что Карпович – правнук Екатерины II и внук Безбородко. Сидела ли в тюрьме Любовь Москвичева – неведомо. А вот двадцать лет, проведенные Фигнер в шлиссельбургской камере, вполне могли оказаться на... качестве памяти несгибаемой террористки. Екатерине бездоказательно приписывают внебрачную дочь от Григория Потемкина – Елизавету Темкину. Но даже если согласиться с этой версией, Елизавета Григорьевна вышла замуж за Ивана Калагеорги 18 лет от роду и родила от него десятерых детей. Многие отмечали, что жившая в Малороссии семья была на редкость дружной. У Безбородко была внебрачная дочь – Наталья Верещакая. Ее произвела на свет

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Николай
Павлович
Боголупов
(1846–1901),
министр
народного
просвещения
в 1898–1901 годах

знаменитая балерина Ольга Карагыгина, которая дочерью Екатерины II не имела чести быть. А вот Наталья действительно вышла замуж за полковника лейб-гвардии Семеновского полка Якова Савельева. Однако же имение Савельевых находилось далековато от Пинского уезда. А именно – в Тамбовской губернии. Петр Карпович – из вечных студентов. Его изгнали из Московского университета, затем – из Юрьевского (Тарту). Он продал отцовский дом и уехал в Германию – учиться в Берлинском университете. Но всюду нелег-

кая заносила студента в компании, где обсуждали беды русской жизни. Мысль убить ministra пришла Карповичу в голову после того, как он узнал, что 183 киевских студента и два десятка питерских забрали в солдаты. Он приехал в Петербург, явился на прием к Боголупову и смертельно ранил его в шею. Сзади. При задержании не сопротивлялся. Был уверен, что приговором будет смертная казнь. Но к всеобщему удивлению, Карповича судил не военный суд и не Особое присутствие Сената, а гражданская Судебная палата. От политической составляющей отказалось, следовали Уголовному кодексу. В результате вместо петли Карпович получил двадцать лет каторги. Попал под две амнистии и отсидел шесть лет, почти все – в Шлиссельбурге. Бежал, очутился в Европе, где прибыл к Российской организации эсеров. Но долго в ней не задержался, так как ее лидер Азеф был разоблачен товарищами по оружию как агент Охранного отделения. Разочаровавшись в революции, переквалифицировался в бандиты-массажисты. Когда Карпович узнал о Февральском перевороте, тут же выехал в Россию. Но добраться не удалось. Пароход «Зара» получил в Северном море в борт германскую торпеду.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Руководители
партии эсеров
Г.А. Гершунин
и М.А. Спиридонова в Академии

БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Эсеры и их лидер Виктор Чернов были вполне согласны с тем, что лодку власти надо раскачивать разными способами. И газеты пригодятся, и забастовки, и митинги. Но прежде всего стрельба и взрывы приведут к цели быстро. Власть не только испугается, но и озлобится. Начнет отвечать. И тогда разгневанный народ могучей волной перевернет эту лодку и отправит на дно. Медлить не стали, и уже весной некто Григорий Гершунин создал внутри партии эсеров специальный отдел – Боевую организацию. Отец-основатель сформулировал ее задачи так: «Боевая организация не только совершает акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы».

Первой жертвой БО стал министр внутренних дел Дмитрий Сипягин. Назначенный главой Особого отдела Департамента полиции в конце 1902 года мастер политического сыска Сергей Зубатов неслучайно писал о Гершунин как о «художнике в деле террора». Дебютное «художество» Гершунин запланировал создать несколькими крупными мазками. Помимо Сипягина должны были расстаться с жизнью обер-прокурор Святейшего Синода Константин Победоносцев и петербургский градоначальник Николай Клейгельс. Троє – в три дня. С 15 по 18 апреля 1902 года. Чем не угодили – понятно. Министр внутренних дел по определению враг. Даже такой безликий и несамостоятельный, каким был Сипягин. Обер-прокурор был врагом идеяным, принципиальным. Победоносцева считали, и совершили справедливо, одним из авторов «контрреформ» Александра III, олицетворением реакции. Опять-таки, с Федором Достоевским приятельствовал.

К слову, БО только пыталась организовать покушение на Победоносцева, а вот террорист-индивидуал Николай Лаговский его осуществил еще в марте 1901 года. Пули угодили в потолок кабинета, а Лаговский – на шесть

Дмитрий Сергеевич
Сипягин (1853–1902),
министр внутренних дел
в 1900–1902 годах

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лет в каторгу на Нерчинские рудники. На суде он признался, что сочувствует идеям социалистов-революционеров. Николай Клейгельс в качестве жертвы тоже был выбран Гершунин не случайно. Питерский градоначальник неоднократно предотвращал студенческие выступления, наладил подготовку полицейских кадров, вплоть до городовых. Именно Николай Васильевич в 1895–1896 годах круто разобрался с только что народившимся прототипом РСДРП – «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Среди прочих «борцов» арестовали и Владимира

Памятник-крест,
сооруженный
на месте
убийства
великого
князя Сергея
Александровича,
на Сенатской
площади
в Кремле

Ульянова, в результате чего он оказался в Шушенском.

План Гершунин реализовался частично. 21-летний уроженец Архангельска, революционер во втором поколении Степан Балмашёв, переодетый в форму офицера фельдъегерской связи, проник в Мариинский дворец, где в упор расстрелял министра Сипягина. Бежать с места преступления бывший студент не собирался. После смертного приговора, вынесенного военным трибуналом, отказался подать прошение о помиловании. Несмотря на уговоры матери, священника, товарища (заместителя) министра внутренних дел Петра Дурново и директора Департамента полиции Сергея Зволянского. Было в этом что-то неестественное: убийцу министра, идейного врача власти важные государственные деятели уговаривают, чуть ли не упрашивают покаяться!

Похожая ситуация сложилась и с убийцей главнокомандующего войсками Московского военного округа великого князя Сергея Александровича, дяди Николая II. 28-летний варшавянин Иван Каляев, сын околоточного надзирателя, начинал с Ульяновым, в 1903-м вступил в БО и в следующем году участвовал в убийстве министра внутренних дел Вячеслава Плеве. В операции

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иван
Платонович
Каляев
(1877–1905),
террорист, эсер,
поэт

«Поход на Плеве» был резервным метателем бомбы. Не пригодился, так как министр погиб при взрыве первой бомбы, брошенной студентом Егором Созоновым. Зато Каляев выполнил миссию 17 февраля 1905 года. В самом центре Москвы, в Кремле, у Никольской башни, бомба огромной мощи разворотила экипаж великого князя, сам он был разорван на части, кучер смертельно ранен. Приговоренного к смерти террориста тоже разные важные люди уговаривали написать государю прошение о помиловании, говорила о смягчении наказания и посетившая Каляева вдова великого князя Елизавета Федоровна. Сейчас активно распространяется версия, что этот визит был вовсе не актом христианской любви к ближнему, продиктованным желанием простить убийцу. Мол, встреча была спланирована полицией, дабы с помощью великой княгини «расслабить» преступника и добиться от него прошения, которое автоматически явилось бы признанием Каляевым собственной неправоты. По той же причине обрабатывали и Балмашёва. Цель проста: предъявить обществу раскаявшихся преступников, а власть, простив и подарив жизнь, будет выглядеть гуманной. В итоге тысячи революционно настроенных молодых людей, понурив голову от осознания своих заблуждений, отправятся в университетские аудитории и начнут наконец учиться.

Если даже так, то можно констатировать: план не сработал. И Балмашёв, и Каляев, который к тому же был воцерковленным человеком, признали, что террор – вещь жестокая. Но в сложившихся условиях – необходимая. И что они поступили правильно. Оба убийцы в сознании многих людей в России превратились в мучеников и героев. А вместе с ними и те члены БО, кто убивал Плеве, уфимского губернатора Николая Богдановича, московского градоначальника графа Павла Шувалова и петербургского – Владимира фон Ланцица, командира лейб-гвардии

Толпы любопытных перед Варшавским вокзалом после покушения Е.С. Созонова на министра внутренних дел В.К. Плеве. 28 июля 1904 года. Фото К. Буллы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Семеновского полка генерал-майора Георгия Мина, главного военного прокурора Владимира Павлова, священника Георгия Гапона, покушался на харьковского губернатора князя Ивана Оболенского и московского – адмирала Федора Дубасова, кто планировал десятки «казней». Так меж собой эсеры БО называли индивидуальные террористические акты.

Кем же были эти террористы? Все до одного убежденные бойцы? А ведь через БО за десять лет «работы» прошло более 90 человек... О не слишком убежденных и тех, кто увидел в революции опасную, но при этом хорошо оплачи- ваемую профессию, чуть позже.

Пока же – общая статистика. В БО состояли преимущественно мужчины. Почти половина террористов были молоды – две трети до 30 лет. Происхождение – из всех сословий: дворянского, крестьянского, мещанского, купеческого. Были люди из семей почетных граждан и священнослужителей. Больше других – из мещан, примерно треть. Убийцы могли похвастаться высоким уровнем образования: 40 человек имели высшее и неоконченное высшее, 32 – окончили гимназию. Теперь о национальностях и географии. Две трети – русские, почти третья – евреи, всего семь чело-

Вячеслав Константинович Плеве (1846–1904), министр внутренних дел в 1902–1904 годах

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Лейба (Шимель-Лейба) Вульфович Сикорский (1884–1927), участник убийства министра внутренних дел В.К. Плеве

го Акатуя» не случилось. В 1906-м ему организовали побег в бочке из-под капусты. Но вернуться к делу жизни Гершунин не смог, помешала саркома легкого. Из швейцарского санатория террорист уже не вышел.

На его место заступил Азеф. Человек был, похоже, запредельным подлецом. Но подлецом талантливым. Это он – родоначальник «эпохи динамита» в БО. Теперь все реже стреляли, все чаще грохотали бомбы. А значит, появился побочный эффект – погибшие и раненые ни в чем не повинные люди. Это Азеф, в отличие от Гершунин, отказался от импровизации и перешел к системной подготовке каждой «казни». Это Азеф навел порядок в организации, четко распределив обязанности, ответственность и деньги между боевиками, «химикиами» и «холуями» (наблюдателями и курьерами). Наконец, это Азеф верой и правдой служил... секретным сотрудником Департамента полиции начиная с 1892 года. Тогда его жалованье составляло 50 рублей в месяц, в 1906-м уже 1000.

Штирлицу даже не снилось, что ему для достижения главной задачи наши могут позволить вести в бой танковую дивизию СС или слить Шелленбергу стратегические секреты советского атомного проекта. А Азефу разрешалось проводить результативные теракты. Даже против его самого главного начальника – министра внутренних дел. Лишь бы никто в партии эсеров не догадался, что срывы многих других планов, в частности покушений на Николая II, следствие пения «гродненского стукача». О том, что Азеф уже пятнадцать лет дружит с полицией, в ПСР узнали случайно. Приговорили к смерти. Нашли кого! Азеф предусмотрительно обезопасил себя документами на имя некоего Александра Ноймайра и скрылся. Во время Первой мировой войны был арестован в Берлине как сотрудник русской полиции. Вышел на свободу в 1917-м, а в следующий год помер. Прелестную характеристику

век – представители остальных этносов. Очень много выходцев из городов в западных губерниях. Киев, Ковна, Смоленск, Гродно, Полтава, Херсон, Варшава, Гомель, Вильна...

Теперь – о профессионалах. Прежде всего, ими были все трое руководителей БО: Герш-Исаак Гершунин, Евно Азеф и Борис Савинков. Как уже сказано, идеологом и создателем БО был Гершунин, который пришел в революцию уже взрослым, 29-летним человеком, имевшим вполне кормящую профессию – провизора. За каких-то два-три года он прошел путь от новичка до участника совещания в Женеве, на котором было принято решение создать партию эсеров. Успел познакомиться с тюрьмой, когда в 1900 году полиция накрыла организованную им нелегальную типографию. Еще один парадокс, никак не вяжущийся с версией о циничной власти, занимавшейся дегероизацией образа революционеров. По мне, так слишком гуманное законодательство и излишнее мягкое сердечие силовиков. Спохватывались, но, как правило, с существенным опозданием. Как в Москве в 1905-м, когда пришлось вводить войска. Или в марте 1917-го, когда вводить войска уже не имело смысла. А в 1900-м Гершунин отпустили через пару-тройку недель.

Второй раз его арестовали в мае 1903-го. На сей раз церемониться не стали, так как знали, кто винен в смерти Сипягина и Богдановича, а также кто направлял руку простака из рабочих Фомы Качуры в харьковском парке «Тиволи» при покушении на Оболленского. Качура-то и сдал. И Гершунин получил пожизненную каторгу.

Междудающим, Фома был не единственной кадровой промашкой Гершунин. Товарищи по партии и противники в полиции отмечали многие его сильные качества. Умение нестандартно мыслить, быстро принимать решения, не чураться личного контроля в сложных ситуациях, смелость, фантазию. Но вот кадры – это было не его. На чем и погорел. Правда, «пожизненно-

террористический акт в Петербурге. 1906 год. Фото К. Буллы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Евно Фишелевич (Евгений Филиппович) Азеф (1869–1918), революционер-провокатор, руководитель партии эсеров и одновременно агент царской охранки в этой партии

стику дал ему в мемуарах генерал-майор Отдельного корпуса жандармов Александр Спиридович: «Азеф – это беспричинный и корыстолюбивый эгоист, работавший на пользу иногда правительства, иногда революции... действовавший не только как осведомитель правительства, но и как провокатор в действительном значении этого слова, то есть самолично учинявший преступления и выдававший их затем частично правительству, корысти ради»...

Так вышло, что «демоном терроризма» в России стал Борис Савинков, дворянин, рожденный в семье товарища прокурора окружного военного суда в Варшаве. Кстати, папенька умер в 1905 году в психиатрической клинике. Савинков и сам по-усердствовал своей популярности, так как единственный из лидеров БО оставил мемуары. На деле же в период, когда боевики стреляли и взрывали направо и налево, Савинков был сначала членом БО, затем – заместителем Азефа, обладавшим опытом трех кратковременных отсидок за пусть и революционную, но все-таки мирную деятельность. К не- скольким убийствам он имел прямое отношение только начиная с 1903 года, но в 1906-м был арестован в Севастополе при подготовке атаки на командующего Черноморским флотом адмирала Григория Чухнина. Приговоренный к смертной казни, умудрился сбежать, скрывался за границей и возглавил БО только после разоблачения Азефа, в 1909 году. Организация просуществовала еще два года и была распущена, не совершив более никаких значковых злодействий. Причин тому несколько. Руководство партии наконец сообразило, что избранная метода себя не оправдывает. После завершения Первой русской революции силовики сильно завинтили гайки. В БО начали стремиться люди с весьма сомнительными мотивами. Да и деньги в ее кассу почти перестали поступать. Видимо, и благотворители осознали, что их средства идут на дела пакостные.

Дмитрий
Григорьевич
(Мордко
Гершкович)
Богров
(1887–1911).
Снимки
из полицейского
досье

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МЕДВЕДЬ, БОГРОВ И ФРУНЗЕ

В эпоху индивидуального террора, длившуюся в России более сорока лет, жертвами самых громких убийств стали два человека. Тот, с которого начался кровавый гон – Александр II, и тот, которым он закончился – Петр Столыпин. По одним данным, на премьера покушались десять раз, по другим – до восемнадцати. Правильнее, наверное, говорить не о собственно покушениях, а о попытках их организовать. Но как минимум две попытки привели к реальным результатам. Первую осуществили эсеры-максималисты. Речь об отколовшейся от ПСР в 1906 году группе товарищей, создавав-

ших движение эсеров-максималистов и считавших, что террор, экспроприации и всеобщее восстание максимально приблизят социалистическую революцию. Внутри этой структуры была создана Боевая организация. Отсюда название, отсюда и тактика. БО «максов», как называли их в среде революционеров, просуществовала менее года. В конце 1906-го ее лидеров выдал провокатор Соломон Рысс. Товарищей быстро переловили, в том числе и главного «макса» – Михаила Соколова по кличке Медведь. На этом могучем 26-летнем крестьянском сыне, как выяснилось, все и держалось. Медведя повесили в декабре, а уже в апреле 1907-го БО самораспустилась. Но шуму наделать успела. В первую голову – взрывом дачи премьер-министра Столыпина на Аптекарском острове в Петербурге. Операцию провели нагло. Для Петра Аркадьевича все могло закончиться куда хуже, не прояви бдительность его начальник охраны генерал-майор Александр Замятин. Он обратил внимание, что на головах двух посетителей с пузатыми портфелями жандармские каски устаревшего образца. По поведению генерала стало ясно, что у него к «жандармам» возник большой вопрос. И те, не мешкая, взорвали 6 кило динамита. К слову, бомба была изготовлена в мастерской, принадлежащей большевистской партии. Погибли террористы, погиб генерал, потеряли жизни еще 30 человек.

Семья Петра
Аркадьевича
Столыпина.
В центре,
между отцом
и матерью, –
старшая дочь,
Наталья,
пострадавшая
при взрыве
на Аптекарском
острове
25 августа
1906 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Тяжело ранило дочь Столыпина – 12-летнюю Наташу, получил травму 3-летний сын Аркадий. На Столыпине, сидевшем в кабинете, ни царапины. Только весь залит чернилами из чернильницы, сорванной со стола взрывной волной и пролетевшей над головой.

Убить Столыпина спустя пять лет удалось не эсерам, не «максам», а анархисту Мордко Богрову – по совместительству сотруднику киевской охранки с агентурной кличкой Аленский. По поводу политической природы выстрелов, прозвучавших в киевском театре в антракте оперы «Сказка о царе Салтане» и унесших жизнь Столыпина, гадают до сих пор. Исполнитель известен и повешен на Лысой горе в Киеве. А вот кто заказчик? Анархисты или охранка? Или избалованный юноша из богатой семьи и с излишне нежной психикой просто захотел славы?

Пик анархистской активности пришелся на 1905–1907 годы. Но сказать, что анархистами двигала какая-то осмысленная стратегия, нельзя. Группы возникали в городах спонтанно, имелись бы в наличии два-три пассионарных гражданина, убежденных в правоте анархических идей. Хлебовольцы, чернознаменцы, безнадельцы, махаевцы, рэкетиры Нестора Махно... Петербург, Киев, Белосток, Варшава, Одесса, Вильна, Киев, Екатеринослав, Гуляйполе... всюду террор, массовый и бессмысленный. Нападали, бросали бомбы, убивали средней руки буржуа, офицеров, полицейских, бюрократов местного уровня. Все это получило говорящее название «безмотивный террор». Только в Екатеринославе в этот период было совершено около 70 актов. И сами, понятно, гибли сотнями. После «взрыва на Аптекарском» Столыпин распорядился ввести чрезвычайное положение во многих губерниях, заработали военно-полевые суды ускоренного производства. Так, в Варшаве в 1906 году военный губернатор Георгий Скалон без суда и следствия прика-

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Последствия взрыва дачи
П.А. Столыпина

зал расстрелять 16 анархистов из группы «Международовка» за изготовление бомб.

Ну а что по поводу террористической войны, развязанной эсерами и поддержанной анархистами, думали эсдеки? Меньшевики официально отрицали террор как метод политической борьбы. Но уследить за всеми не могли. Членом партии в Сормове был убит бомбой казак. В Баку товарищ, известный как Володя Маленький, приступил к индивидуальной программе по «отстреле» местных полицейских. В Киеве боевая организация меньшевиков чуть ли не в промышленных масштабах изготавливала бомбы, которые использовались членами других партий в терактах. В Тифлисе в январе 1906-го меньшевики убили начальника штаба Кавказского военного округа генерала Федора Грязнова. Бомбу бросил рабочий Арсен Георгиашвили.

На набережной
у дачи
Столыпина.
Розыск частей
тела убитых
и отнесенных
силой взрыва
на набережную.
Внизу корзина
с частями тела.
На дереве части
одежды одного
из убитых.
Фото К. Буллы

Карета,
пострадавшая
от взрыва
на даче
П.А. Столыпина
на Аптекарском
острове

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Радикально изменилась и позиция большевиков, которую озвучил Ульянов. Его призывы к активизации были откровены и прямолинейны. Оуществлять контроль руководству РСДРП(б) из европейского далека возможности не было. И на местах началось. На представителей высокой питерской власти не покушались. Хотя был момент, когда планировали. Но эсеры цыкнули – их территория. Ваша правда, дорого и опасно. Куда проще кидать бомбы в трактиры, где собирался консервативно настроенный люд, симпатизировавший «Союзу Михаила Архангела», и отлавливать по Екатеринбургу черносотенцев, чем занимался Яков Свердлов со своими боевиками. Или забить до смерти великого грузинского поэта Илью Чавчавадзе. К нему в Грузии прислушивались, а он в речах и публикациях большевистскую программу не щадил. Будущий полководец Михаил Фрунзе на пару с Павлом Гусевым убили урядника, проходившего мимо избы, где большевики проводили совещание. За то, что проходил мимо. Фрунзе обвинялся еще в двух покушениях на убийство, за что и отправился на каторгу. А на Первой мировой войне полководец, кстати говоря, не воевал ни дня. Вопреки расхожему мнению.

...Никто никогда не сможет с точностью до человека подсчитать, во сколько жизней обошлось России самоутверждение революционеров от Каракозова до Богрова с помощью бомб и револьверов. Всадник на бледном коне не спешил покинуть наши пределы.

«ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ БЛЮМОЧКА»

АВТОР

СЕРГЕЙ ХОЛОДОВ

ОСЕНЬЮ 1929 ГОДА КОЛЛЕГИЯ ОГПУ ВЫНЕСЛА СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР В ОТНОШЕНИИ ЯКОВА БЛЮМКИНА, ОДНОГО ИЗ САМЫХ ЗАГАДОЧНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦСЛУЖБ. ФОРМУЛИРОВКА ЗВУЧАЛА ВЕСЬМА НЕСТАНДАРТНО: «ЗА ПОВТОРНУЮ ИЗМЕНУ ДЕЛУ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ». ВПРОЧЕМ, В ЖИЗНИ ЯКОВА БЛЮМКИНА НЕСТАНДАРТНЫМ БЫЛ НЕ ТОЛЬКО ПРИГОВОР...

НАЧНЕМ С ТОГО, ЧТО достоверных фактов о жизни Блюмкина крайне мало, зато легенд и мифов более чем достаточно. И некий ореол таинственности, которым было окутано имя Блюмкина, ему самому очень нравился. Он даже свою внешность умудрялся менять до такой степени, что разные люди впоследствии описывали Якова то «мордатым и низкорослым», то «аскетичным и тонким», то «довольно высоким, но рано оплывшим юношем». Самое удивительное заключается в том, что все эти разношерстные описания относятся к началу 1920-х годов, когда Блюмкину едва перевалило за двадцать. Также не совсем понятно, где и когда этот «низкорослый высокий юноша» родился. По одним данным, это произошло в марте 1898 года в Одессе, по другим – весной 1900 года в местечке Сосница Черниговской губернии. Нет полной ясности и с его отчеством. Считается, что папашу Блюмкина звали Герш, в русской огласовке – Григорий. Однако многие из тех, кто знал Блюмкина лично, уверяют, что его отца звали Наум.

Как бы там ни было, Блюмкин-старший, служивший приказчиком в одном из одесских магазинов, прочил торговое будущее и для своего сынишки. Тем более что тот явно отличался изворотливостью ума и проницательностью – качествами, которые у торгаши всегда ценились превыше всего. Известно, к примеру, что в 15-летнем возрасте Блюмкин, работая у весьма влиятельного в те годы одесского дельца Пермена, умудрился подставить своего хозяина. Дело было так.

В конце 1914 года Яша наловчился подделывать документы, дававшие освобождение от призыва в действующую армию. Услуга пользовалась спросом, от заказов не было отбоя. А когда махинации всплыли и дело дошло до суда, Яков заявил, что организатором аферы был Пермен. И суд, как ни странно, поверил. Позже выяснилось, что судья, который вел

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Феликс
Дзержинский.
1917 год

это дело и слыл неподкупным, получил конверт с деньгами и запаской якобы от господина Пермена. Конвертик судье подбросил Яша... Неизвестно, каких бы высот добился Яков на коммерческом по-прище, но тут в России грянула революция. Для авантюристов всех мастей открылись поистине безграничные возможности. Блюмкин быстро сообразил, какие гешефты можно делать в обстановке всеобщего хаоса, в который погрузилась страна, и тут же примкнул к революционному движению. Поскольку самой влиятельной и популярной в народе политической силой на тот период была партия эсеров, Блюмкин вступил в нее и довольно быстро выдвинулся на первые роли. Так, уже в январе 1918 года Блюмкин был в числе тех, кто устанавливал советскую власть в Одессе. А в апреле того же года именно Блюмкин по поручению украинских эсеров отправился в Киев изымать золото из отделения государственного банка.

С поручением Яков справился блестяще, экспроприировав для нужд революции 4 миллиона рублей золотом, из которых значительную сумму умыкнул лично для себя. А еще через два месяца Яков Блюмкин по рекомендации ЦК партии эсеров перебирается в Москву и устраивается на работу в ЧК. При этом молодой человек так понравился председателю ВЧК Феликсу Дзержинскому, что тот поручает свежеиспеченному сотруднику операцию особой важности: организовать убийство германского посла.

Одесса. 1918 год

Здание
страхового
общества
«Якорь»
на Большой
Лубянке. После
революции в нем
разместилась
ВЧК и там был
кабинет Ф. Дзер-
жинского. Фото
1910-х годов

БОМБА ДЛЯ ГРАФА

Считается, что немецкого посла к смерти приговорил ЦК партии левых эсеров. Это вполне в духе социалистов-революционеров, которые, как известно, изрядно поднаторели в терроре. Устраивать взрывы и стрелять в представителей власти эсеры умели лучше кого бы то ни было. И вот летом 1918 года в поле зрения террористов попал германский посол в Москве граф Вильгельм фон Мирбах. К убийству Мирбаха эсеры подталкивали агенты английской разведки в Москве во главе с Робертом Локартом. Англичанам было крайне выгодно, чтобы отношения между Советской Россией и Германией испортились. И желательно до такой степени, чтобы снова начались военные действия. Таким образом,

втянув Германию в войну на два фронта, британцы рассчитывали на скорый крах своего главного противника на континенте.

Примерно так же рассуждали и левые эсеры. С той лишь разницей, что вступление Германии в войну с Россией должно было по замыслу эсеров привести к взрыву народного возмущения как в самой Германии, так и в соседних странах. А там и до вожделенной мировой революции недалеко. Впрочем, в убийстве германского посла были заинтересованы не только левые эсеры и англичане, но и большевики, давно искавшие формальный предлог для окончательного разрыва со своими недавними политическими союзниками. Убийство германского посла, за которым

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Интерьер особняка С.П. Берга. В этом доме 6 июля 1918 года был застрелен германский посол Мирбах

неизбежно последует осложнение советско-германских отношений, должно было стать отличным поводом для обвинения левых эсеров в предательстве дела революции. Так оно и получилось. И осуществил эту провокацию Яша Блюмкин, метнувший бомбу в посла 6 июля 1918 года. Известно, что мандат для посещения германского посольства Блюмкину выписал лично зампред ВЧК Вячеслав Александров.

В пользу версии о чекистской провокации говорит и тот факт, что после убийства посла Блюмкин в очередной раз удивитель-

Граф Вильгельм фон Мирбах, с апреля 1918 года посол Германской империи при правительстве РСФСР в Москве

Встреча Блюмкина и Мирбаха. Кадр из советского фильма «Шестое июля». 1968 год

ным образом избежал какого-либо наказания. Хотя формально в отношении Блюмкина и было начато следствие, это не помешало ему спокойно уехать на Украину и отсидеться там, пока в Москве не утихли страсти. Уже в мае 1919 года по рекомендации Дзержинского Блюмкин был амнистирован и вернулся к работе в ЧК. Вскоре его переводят в только что созданный Иностранный отдел (ИНО) – предшественник будущей внешней разведки. А через год Блюмкин в качестве сотрудника ИНО отправляется в свою первую заграничную командировку – помогать иранским трудящимся строить социализм.

Чем конкретно занимался Блюмкин в Иране – тайна за семью печатями. Но, судя по тому, что после возвращения в Москву его награждают орденом Красного Знамени и зачисляют в Академию Генерального штаба РККА, помочь иранским трудящимся была оказана неоценимая.

«МОНГОЛЬСКИЙ ЛАМА» С ЧЕКИСТСКИМ МАНДАТОМ

Давно замечено, что в периоды великих социальных катаклизмов в обществе резко возрастает интерес к разного рода оккультным теориям. Первые годы советской власти – не исключение. В середине 1920-х годов умами многих видных большевиков овладела идея экспедиции в Гималаи для поисков легендарной страны Шамбалы. Той самой, которая, по преданию, уцелела после Всемирного потопа и в которой якобы жили монахи, обладавшие «тайнами бессмертия и управления временем и пространством».

При всей иллюзорности идея такой экспедиции в середине 1920-х годов не лишена некой pragmatичности. Дело в том, что к тому времени даже самые фанатичные революционеры поняли: мечты о мировой революции лопнули как мыльный пузырь. Европа постепенно приходила в себя после потрясений и явно не желала в обозримом будущем следовать примеру Советской России. Так вот, любители легенд о загадочной стране, в которой, дескать, таятся секреты мирового господства, сумели убедить даже отъявленных скептиков вроде Дзержинского в том, что экспедиция в Гималаи поможет нашупать пути расширения мировой революции. В результате глава ОГПУ дал добро на это пред-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Н.К. Рерих
во время
экспедиции.
Монголия.
1927 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Н.К. Рерих
с танкой
Шамбалы
(священного
буддийского
изображения).
Монголия.
1927 год

1925 года, известно лишь со слов самого Якова, который любил в узком кругу прихвастнуть своими подвигами, а также из описаний художника Николая Рериха. Почти достоверно установлено, что в сентябре 1925 года Блюмкин под видом монгольского ламы прибыл в столицу княжества Ладакх – город Лех (ныне это территория Индии. – Прим. авт.). Там и состоялась встреча Блюмкина с Николаем Рерихом. Блюмкин и здесь умудрился продемонстрировать свои недюжинные артистические способности. Во всяком случае, как признавался впоследствии сам Рерих, он не сразу распознал в «монгольском ламе» сотрудника ОГПУ, особо приближенного к самому Дзержинскому. Известно, что результаты экспедиции были обстоятельно изложены в отчете Якова Блюмкина. Но этот отчет был либо уничтожен, либо так глубоко засекречен, что детали и результаты гималайской эпопеи по-прежнему остаются белым пятном в истории советских спецслужб.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Город Яффа,
в котором
нелегально
работал
Я. Блюмкин.
Палестина.
1920-е годы

приятие. Однако поставил условие, что возглавить экспедицию должен Яков Блюмкин. Так, благодаря вмешательству Железного Феликса, Блюмкин снова оказался в центре событий, хотя кандидатов на эту роль было предостаточно. Ведь на гималайскую авантюру из бюджета СССР выделялось 600 тысяч долларов – немалая по тем временам сумма, «распилить» которую тут же нашлось немало желающих. Гималайская экспедиция Блюмкина, как и многое другое, связанное с его именем, окутана плотной завесой таинственности. О том, что происходило в далеких Гималах осенью

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

По воспоминаниям современников, Яков Блюмкин обладал многими талантами. Он неплохо знал несколько восточных языков и считался в ОГПУ большим специалистом по Ближнему Востоку. Блюмкин был в отличной физической форме, увлекался гимнастикой и мог запросто сделать двойное сальто. О незаурядных артистических способностях выше уже шла речь. Но, пожалуй, главное его достоинство – это поразительное умение выпутываться из самых, казалось бы, безнадежных жизненных ситуаций.

Чего стоит, например, череда покушений на Блюмкина осенью 1918 года! Организовали их бывшие партийные соратники Якова, не простиавшие ему убийства германского посла, за которым последовали репрессии в отношении членов эсеровской партии. Несколько раз в Блюмкина стреляли, бросали бомбу в больничную палату, где Яша лежал после операции, – безрезультатно. Как-то раз в Киеве, на Крещатике, эсеровские боевики разрядили в Блюмкина две обоймы. Но Яков выжил. Впоследствии Блюмкин не без гордости повторял в кругу знакомых, что в общей сложности пережил восемь покушений!

И уж совсем фантастической выглядит история чудесного спасения Блюмкина из петлюровского плена. По всем законам жанра еврея Блюмкина украинские националисты должны были шлепнуть как первого врага «незалежной». Однако почему-то не шлепнули. А затем, как ни в чем не бывало, он вернулся в Москву и продолжил работу в центральном аппарате ВЧК.

Как и многие «джентльмены удачи», сделавшие карьеру в мутные революционные годы, Блюмкин обожал красивую жизнь. В 1920-е годы он жил в четырехкомнатной квартире в Денежном переулке. Его соседями по дому были Анатолий Луначарский и другие видные большевики. О страсти Блюмкина к старинной мебели по Москве ходили легенды.

Татьяна Файнерман, жена Я. Блюмкина. Начало 1920-х годов. Вырезано, предположительно, изображение Я. Блюмкина

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Анатолий Луначарский и его жена Наталья Розенель, соседи Я. Блюмкина по дому в Денежном переулке

каких обстоятельствах Блюмкин приобретал эти сокровища – точно неизвестно. Однако о каждом произведении искусства и предмете антиквариата Блюмкин был готов рассказывать часами.

Человек общительный и не лишенный обаяния, Блюмкин ворил дружбу со многими известными людьми того времени, в том числе и с корифеями русской литературы. Блюмкина хорошо знали и частенько бывали у него дома Мандельштам и Гумилев, Маяковский и Есенин. Маяковский даже подарил Блюмкину одну из своих книг, оставив на обложке трогательную надпись: «Дорогому товарищу Блюмочке от Вл. Маяковского». В Блюмкина регулярно влюблялись начинающие поэтессы и театральные актрисы. А одна из таких экзальтированных дамочек, Татьяна Файнерман, в течение пяти лет была его женой.

Блюмкин и сам писал стихи, и, по отзывам современников, получалось у него это весьма недурно. Но главное, что так привлекало в Блюмкине окружающих, это удивительная манера рассказывать о своих похождениях. В изложении Блюмкина служебная командировка куда-нибудь в Палестину или в монгольские степи выглядела словно древнегреческий эпос – настолько причудливо переплелись в нем реальные события и безудержная фантазия автора.

Это пристрастие Блюмкина к словесному эпатажу, немыслимое для профессионального разведчика, в конце концов сыграло с ним злую шутку. На заре советской власти руководство спецслужб закрывало глаза на чрезмерную болтливость некоторых своих агентов. Но по мере того, как в политике революционный романтизм сменился трезвым государственным расчетом, такие люди, как Яков Блюмкин, с их авантюрными наклонностями и длинным языком, становились ненужными и даже опасными.

ТУЧИ НАД ЯШЕЙ

Тучи над Блюмкиным стали густеть в конце 1920-х годов, после высылки Троцкого из страны. И тому есть вполне прозаические причины. Во-первых, зафиксированы случаи, когда Блюмкин лично встречался с опальным Троцким. Например, в Стамбуле в 1929 году. Возможно, во время этой встречи Блюмкин подробно рассказал Льву Давидовичу о результатах своей поездки в Гималаи на поиски таинственной Шамбалы. А через окружение Троцкого, в свою очередь, об этом позднее узнали и нацисты, дюже охочие до мистики и оккультных тайн.

А во-вторых, до руководства ОГПУ стали доходить упорные слухи о том, что Блюмкин собирается эмигрировать за кордон или не вернуться в СССР после очередной заграничной командировки. Такое в те годы не прощалось. В структуре ИНО для физического устранения предателей и перебежчиков даже был создан специальный отдел во главе с Яковом Серебрянским. Работали ребята виртуозно, не оставляя следов. На их счету — не один десяток искусно подстроенных автомобильных катастроф и несчастных случаев. Масла в огонь подлил и родственник Блюмкина — некто Аркадий Биргер, или Максимов, как он сам себя называл.

Этот Биргер-Максимов был типичным авантюристом, коих

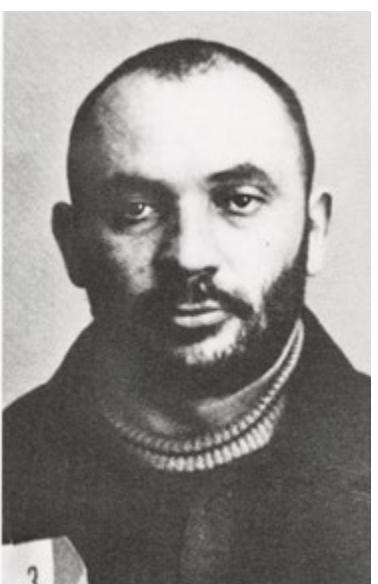
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Я.Г. Блюмкин.
Около 1925 года

после февраля 1917-го развелось слишком много. В отличие от идейных революционеров эти товарищи руководствовались только соображениями личной выгоды. Им было все равно, где и кому служить, лишь бы иметь доступ к кормушке. Известно, к примеру, что Биргер во время Гражданской войны не плохо устроился начальником

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Яков Блюмкин.
Фото из
следственного
дела. Октябрь
1929 года

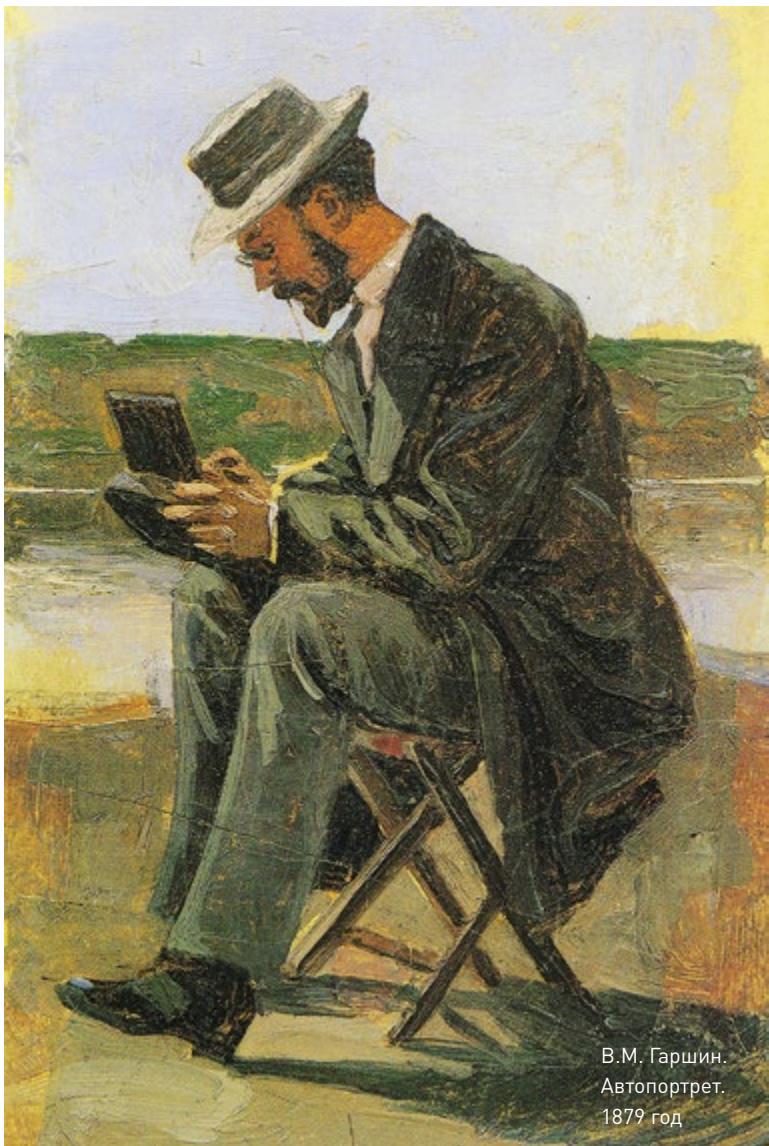
хозяйства армии. За годы братоубийственной бойни завхоз Биргер наворовал столько, что был уволен с должности и едва не предстал перед суровым пролетарским судом.

От заслуженного наказания Биргера спас Яков Блюмкин, занимавший в то время ответственный пост в ВЧК. Поскольку проворовавшийся авантюрист Биргер приходился Блюмкину двоюродным братом, тот пристроил его в свое ведомство.

Впрочем, долго на ниве государственной безопасности Биргер не прослужил и уже в январе 1928 года сбежал сначала в Персию, а затем во Францию. ОГПУ устроило настоящую охоту за своим бывшим сотрудником. Несколько бригад специально обученных людей пытались ликвидировать перебежчика. В конце концов это им удалось: в 1935 году Биргер при загадочных обстоятельствах упал с Эйфелевой башни. Французские полицейские поспешили квалифицировать это как несчастный случай и быстренько закрыли дело.

Измена Биргера бросила тень на карьеру Якова Блюмкина. Ему тут же припомнили все его прошлые грехи. Тем более что покровитель Блюмкина Феликс Дзержинский к тому времени уже почил вечным сном и заступаться за Яшу было некому. В 1929 году Блюмкин был отозван из Стамбула в Москву и вскоре по приезде арестован. Судила Блюмкина так называемая «тройка», в состав которой входили председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский, зампред ОГПУ Генрих Ягода и начальник ИНО Меер Трилиссер. По настоению Ягоды Блюмкину дали вышку. В начале ноября 1929 года приговор был приведен в исполнение.

Вину Якова Блюмкина перед Родиной следователи ОГПУ сформулировали так: «За повторную измену делу пролетарской революции». Первая измена, как мы помним, это членство в партии эсеров и убийство германского посла. ●

В.М. Гаршин.
Автопортрет.
1879 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВСЁ БОЛЬНО

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ВСЕВОЛОД ГАРШИН, БОЛЬНАЯ СОВЕСТЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, УСПЕЛ СДЕЛАТЬ СОВСЕМ НЕМНОГО: ВСЕ ИМ НАПИСАННОЕ МОЖНО УМЕСТИТЬ В ОДНУ КНИЖКУ И ПРОЧИТАТЬ ЗА ПАРУ ДНЕЙ. А ДЛЯ СОВРЕМЕННИКОВ ОН СТАЛ СИМВОЛОМ ЭПОХИ, ХОТЯ НЕ БЫЛО В ЕГО ЖИЗНИ, КРОМЕ УЧАСТИЯ В КРАТКОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ, НИКАКИХ ВЫДАЮЩИХСЯ СОБЫТИЙ. ОН НЕ ЖЕРТВА РЕЖИМА, ЕГО СМЕРТЬ – НЕ АКТ ПРОТЕСТА, А ТРАГИЧЕСКИЙ ВЫХОД ДЛЯ ИЗМУЧЕННОГО ДУШЕВНОЙ БОЛЬЮ ЧЕЛОВЕКА. Но, кажется, СТОН ДУШЕВНОЙ БОЛИ – ЭТО И ЕСТЬ ОСНОВНАЯ НОТА ЭПОХИ, И ГАРШИН – ЕЕ КАМЕРТОН.

Он был третьим сыном в семье ротмистра Михаила Егоровича Гаршина и его жены Екатерины Степановны. Отец будущего писателя успел два года поучиться в Московском университете на юридическом факультете, потом ушел в армию, дослужился до ротмистра. Солдат не был, с крестьянами вел себя прогрессивно, активно участвовал в обсуждении крестьянской реформы. Со своей женой Михаил Егорович познакомился, когда его полк стоял в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. Она была дочерью местного помещика Степана Акимова, который в голодный год закупал и раздавал крестьянам хлеб. Молодые люди обвенчались в 1847 году и следующие девять лет жили кочевой жизнью офицерской семьи. 2 февраля 1855 года Всеволод Гаршин появился на свет в имении бабушки Приятная Долина. О раннем детстве он писал: «Как сквозь сон помню полковую обстановку, огромных рыжих коней и огромных людей в латах, белых с голубым колетом и волосатых касках». Одним из первых воспитателей мальчика был отставной солдат Жуков. Рассказы солдата и сказки няньки о богатырях так поразили маленького Всеволода, что он однажды собрал узелок и пошел к маме прощаться: «Ухожу на войну». Его уговорили остаться, но через некоторое время он снова собрался в поход против неведомого зла.

После смерти отца в 1858 году Михаилу Егоровичу досталось в наследство маленькое имение в Старобельском уезде Воронежской области и 70 душ. Он вышел в отставку, купил дом в Старобельске и стал заниматься хозяйством. Но сельская идиллия длилась недолго. Екатерина Гаршина полюбила домашнего учителя Петра Завадского, члена харьковского революционного кружка, и убежала с ним из дома, когда Всеволоду не исполнилось

и 5 лет. Михаил Егорович пришел в ярость, написал в харьковское жандармское управление, что жена сбежала с «политическим»; Завадского и весь его кружок арестовали, он провел несколько месяцев в Петропавловской крепости, а затем был сослан в Петрозаводск. Всеволода родители никак не могли поделить, в результате ребенок мотался между Харьковом, Одессой, Старобельском. В итоге он остался у отца и вынужден был скрывать от родителей, что любит их обоих. Другим источником бесконечного мучения стало острое переживание несправедливости в человеческих отношениях: почему одни люди бьют других? Ему всегда хотелось исправить эту жизнь, избавить ее от зла. Он с детства был удивительно красив какой-то иконописной красотой – бледное лицо с огромными черными глазами, печальными и кроткими. Рейнгард, друг его матери, вспоминал, что у 12-летнего Гаршина был страдальческий взгляд, какой бывает «у людей, чрезвычайно несчастных, но никогда не жаловавшихся на свою судьбу, в особенности у женщин, которым довольно часто выходит удел нести тяжелый крест жизни». Те, кто помнил Гаршина в детстве, говорили, что это был добрый и отзывчивый ребенок с оригинальным складом ума.

Всеволод
Гаршин –
гимназист

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

РАДИ СЧАСТЬЯ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Когда Всеволоду было 9 лет, мать забрала его в Петербург, где уже учились старшие братья, и отдала в 7-ю гимназию. Он скучал, учился плохо, любил только словесность и естественные науки. Каникулы проводил в провинции, в имениях у родственников; бродил по лесам и оврагам, изучая жучков, ящериц и лягушек, собирая травы для гербария, читал.

Когда мальчику исполнилось 11, мать переехала в Харьков, где подрабатывала частными уроками, а сыновей оставила в Петербурге. Всеволод жил в гимназическом пансионе или в семье товарища по гимназии Афанасьева. Мать зарабатывала мало,

Вид
Старобельска
в начале XX века

с трудом выкраивала деньги для сыновей. Отец платил за учебу и пансион нерегулярно. Всеволод мучительно переживал постоянную угрозу отчисления и положение терпимого из милости в чужой семье. Вечно голодный и одинокий, маме он писал, что ни в чем не нуждается. «Начиная с 4 класса я начал принимать участие (количественно, впрочем, весьма слабое) в гимназической литературе, которая одно время у нас пышно цвела, – писал он в воспоминаниях. – Одно из изданий, «Вечерняя Газета», выходило еженедельно, аккуратно в течение целого года. Сколько помню, фельетоны мои (за подпись «Агасфер») пользовались успехом. Тогда же под влиянием «Илиады» я сочинил поэму (гекзаметром) в несколько сот стихов, в которой описывался наш гимназический быт, преимущественно драки». В гимназии он учился до 18 лет: два года проболел, один раз остался на второй год.

Чем старше он становился, тем острее чувствовал несправедливость мира. Гимназический приятель писал, что уже тогда «с уст его срывались замечания о том, что необходимо бороться с социальным злом, и высказывались подчас очень странные взгляды, как устроить счастье всего человечества». Устроение счастья человечества и борьба со всемирным злом – это была главная его забота, главная мысль – она стала и основным содержанием его болезненного бреда, когда наследственное безумие дало о себе знать.

Современные исследователи говорят, что, вероятней всего, у Гаршина было биполярное аффективное расстройство, или, по-старому, маниакально-депрессивный психоз. В самом деле, иногда он был так возбужден, что мог целыми днями скакать верхом, проповедуя крестьянам любовь и ненасилие, а иногда – так подавлен, что с трудом вставал с постели. Впервые болезнь

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

всерьез проявилась, когда ему было 17 лет, – в 1872 году. Он устроил дома у брата Виктора лабораторию для химических опытов, в колossalной важности которых для счастья человечества пытался убедить всех окружающих. Окружающие не понимали, Гаршин злился... Кончилось это психиатрической лечебницей. И сами лечебницы в те времена больше походили на тюрьмы, и методы лечения душевнобольных были чудовищны. Принудительных купаний, шпанских мушек, связывания и унижений Гаршину досталось сполна. В 1873 году его перевезли в частную лечебницу доктора Фрея, где он стал приходить в себя. К лету Гаршин вышел из больницы. Пока он там был, покончил с собой его старший брат, Виктор.

Лето Всеволод провел в Старобельске, где познакомился с милой девушкой Раисой Александровой; несколько лет между ними длился роман в письмах. Осенью он вернулся в гимназию. Ее в этот год превратили в реальное училище. А выпускники реального училища не имели права поступать в университет, так что Гаршин не мог связать свою жизнь ни с медициной, ни с биологией, ни со словесностью – ни с чем из того, что любил. На учебу в Европе у семьи не было денег, а в России он мог получить только техническое образование. Он выбрал Горный институт.

Интересно, кстати, что инженером он мог быть хорошим: изобретательская жилка в нем была. Однажды он, почти шутя, придумал для конкурса проект приспособления к вагонам, перевозящим зерно, – и этот проект, доведенный до ума другими людьми, выиграл конкурс. Гаршину досталось около 800 рублей премии. Но и работе, и учебе его постоянно мешали приступы болезни.

Он поступил в Горный институт в 1874 году – в самый разгар студенческих волнений и хождений в народ. Он близко

Санкт-Петербург.
Здание Горного
института.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

к сердцу принимал политическую жизнь студенчества, горячо негодовал по поводу казенных институтских порядков и мучительно задумывался о том, как изменить общество. Уже в студенчестве он стал писать первые рассказы. Но первой его публикацией стал очерк «История Н-ского земского собрания», где он делился ироническим взглядом на преформенную жизнь провинциальной России. Он пытался зарабатывать на жизнь уроками. Первые уроки его оплачивались не деньгами, а обедами. В студенчестве Гаршин увлекся музыкой и живописью, постоянно ходил на концерты и выставки. Нервный и впечатлительный, он очень остро воспринимал и звуки, и краски. Огромное впечатление на него произвела выставка Верещагина; Гаршин даже посвятил ей гневные стихи, в которых обличал публику, равнодуш-

В.М. Гаршин. Этюд работы
И.Е. Репина. 1883 год

ную к страстной проповеди художника и замечавшую только его мастерство. Война, так яростно и страшно изображенная Верещагиным, – для Гаршина воплощенное зло. Именно его поразительная способность воспринимать чужую боль как свою, несправедливость – как личное оскорбление и погнала его потом на Балканы воевать с турками. В споре апологетов чистого искусства со сторонниками общественной пользы Гаршин однозначно занимал позицию «искусство должно быть социально». Об этом его рассказ «Художники». Главный герой Рябинин пишет картину, изображающую рабочего, занятого

И.Е. Репин.
Рябинин
и Дедов.
Рисунок
к рассказу
В.М. Гаршина
«Художники».
1888 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

го тяжелым трудом (сюжет картины явно навеян знаменитым «Кочегаром» Ярошенко), но в конце концов разочаровывается и в живописи, и в ее способности бороться с мировым злом – бросает искусство и уходит в учительскую семинарию. Гаршин позировал великому Репину: с него художник пи-

сал лицо ссыльного для знаменитой картины «Не ждали», он же вошел в число моделей, с которых Репин писал образ царевича для полотна «Иван Грозный убивает своего сына». Художник говорил, что у Гаршина в лице была обреченность – то, что нужно для этой картины.

И. Е. Репин.
Не ждали.
Последний
вариант картины.
1888 год

Эпизод русско-турецкой войны
на Балканах.
Гравюра
1879 года

ЯСНО РАЗЛИЧИМОЕ ЗЛО

Когда началась война на Балканах, Гаршин рвался в сербскую армию, куда отправлялись русские добровольцы. Ему не дали разрешения на выезд как человеку призывающего возраста. Он очень мучился своей бесполезностью: «Зачем не могу я делать, что хочу, не могу быть там, где я сознавал бы, что приношу хоть каплю пользы хоть кровью свою? А что здесь?» – жаловался в письме.

Однако горячему желанию Гаршина помочь братьям-славянам очень скоро суждено было сбыться. В апреле 1877 года Россия объявила Турции войну. Гаршин попросил у матери благословения отправиться на фронт: «...я не могу прятаться за стенами заведения, когда мои сверстники лбы и груди подставляют под пули». Мать прислала благословение телеграммой.

Уже в начале мая 1877 года Гаршин стал рядовым 138-го Болховского полка, 5 мая выступившего из Кишинева в поход.

Пеший переход был для новобранцев очень трудным, но Гаршин не жаловался. Полк шел из Кишинева в Бухарест, проходя в день иногда по 40–50 верст по летней жаре. Удивительно, что столичный студент с тонкой нервной организацией и хрупкой психикой оказался в этой компании стойким и сильным солдатом. Может быть, дело в том, что сейчас он чувствовал себя абсолютно в своей тарелке, жил в полном согласии со своим желанием – бороться с мировым злом, которое сейчас было таким ясно различимым.

В июле батальон, где он служил, в бой не попал, потому что стоял в резерве; Гаршину, однако, довелось увидеть солдата, раненного в ноги, который несколько дней пролежал на жаре среди трупов, ожидая помощи, и только потом был обнаружен своими. Из этого случая вырос жуткий рассказ «Четыре дня», один из самых страшных в русской литературе.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ре рассказов о жестокой бесмысленности войны.

В августе и сам Гаршин попал в бой и, догоняя отступающих турок, получил ранение: «Только что мы их погнали, меня хватило по всему телу что-то огромное, и я упал. Впрочем, я скоро опомнился, сел, затянул себе платком ногу выше колена и пополз. Шагов сто спустя меня подняли – наш барабанщик и унтер-офицер – и дотащили до носилок. Через два часа я уже ехал с перевязочного пункта в дивизионный лазарет». Пуля пробила мышцу, не задев кость; такие раны не опасны, но заживают долго. Гаршин пробыл в лазарете в Болгарии, потом месяц ехал до Харькова, к родным. Там он долечивался и закончил рассказ «Четыре дня». Опубликованный в петербургских «Отечественных записках» рассказ этот принес автору всероссийскую славу и был переведен на несколько иностранных языков.

Гаршин был представлен к производству в офицеры и к Георгиевскому кресту за храбрость. Представление к награде делалось дважды, но не было утверждено.

Вскоре он отправился в Петербург, где появился в редакции «Отечественных записок» и некоторых других журналов; везде его привечали. Он вошел в литературу триумфально. Редакции наперебой предлагали ему сотрудничество. Он не торопился печататься: всегда был критичен к себе и отдавал в печать только то, что сам считал достойным публикации.

Эпизод русско-турецкой войны на Балканах.
Гравюра
1878 года

В.М. Гаршин
после возвраще-
ния с войны.
1877 год

В «Стрекозе» он опубликовал рассказ «Очень коротенький роман» – в самом деле, конспект романа о юноше, который уходит на фронт, услышав от возлюбленной, что должен на словах доказать свою смелость, возвращается без ноги, девушка выходит за другого, ему приходится быть шафером у них на свадьбе...

Гаршин, кажется, совершенно разочаровался и в войне, и в борьбе за счастье других народов. Война – зло и бессмыслица, враг, которого ты убиваешь в бою, такой же человек, как и твои друзья-солдаты...

Ожидая производства в офицеры, Гаршин не строил никаких иллюзий по поводу военной карьеры. Другу своему Афанасьеву писал по поводу возможной отправки в полк, что с его состоянием нервов это верная смерть. Он подал в отставку, сославшись на раненую ногу. Ему пришлось полежать в госпитале для освидетельствования, там он подружился с курсисткой-практиканткой Надеждой Золотиловой, будущим врачом. А вот с Раисой Александровой он порвал – писал, что всегда любил ее, а она его обманывала.

После госпиталя он написал рассказ «Встреча» (о двух однокурсниках-инженерах, один из которых беден, а второй сколотил себе состояние казнокрадством) и сказку Attalea princeps – знаменитую историю о пальме-бунтовщице, которая хотела увидеть небо без оранжерейных решеток. И рассказ, и сказку отнес в «Отечественные записки». Салтыков-Щедрин рассказал похвалил и взял в журнал, а сказку отверг, разочарованный пессимистическим финалом, в котором пальму срубают: «Читатель не поймет и плюнет на все». Сказка вышла в «Русском богатстве». Читающая публика восприняла ее как историю об обреченности революционера в среде, не готовой к свободе.

Гаршин, однако, в лучших своих вещах никогда не прямоли-

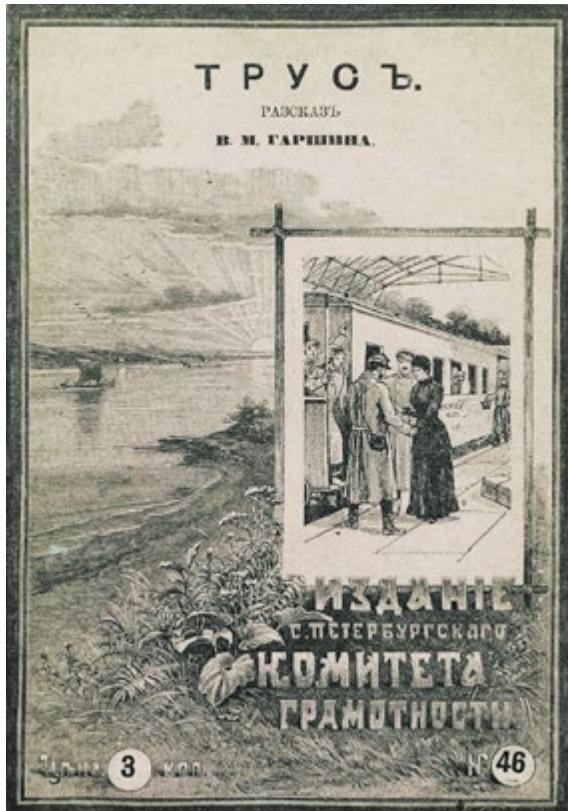
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

неен, не позволяет прямых социальных трактовок: под ними всегда есть метафизическая глубина. Особенно, пожалуй, это видно в более позднем рассказе «То, чего не было», где в жаркий июльский день букашки, ящерица и старый рабочий конь на полянке беседуют о смысле жизни, а потом приходит кучер Антон, уводит коня и, не глядя, давит всю философствующую компанию сапожищем. Современники воспринимали это как намек на реакцию Александра III, но смысл сказки куда глубже сиюминутных политических намеков.

ПРОПОВЕДЬ ДОБРА

К осени 1879 года Гаршину снова стало худо; им овладела глубокая тоска. В письмах матери он постоянно жалуется на чудовищную лень, которая не дает ему взяться за дело, но это не лень, конечно, а болезненный, связанный с глубокой депрессией паралич воли. Его изводили тоска и бессонница, он почти ничего не мог делать – только беспорядочно читать старые журналы.

Но совершенно его выбило из колеи дело Млодецкого. Млодецкий покушался на графа Лорис-Меликова, назначенного главным начальником Верховной распорядительной комиссии вскоре после взрыва в Зимнем дворце, произведенного Степаном Халтуринским. Лорис-Меликов остался жив и невредим, а Млодецкого суд приговорил к повешению. Узнав об этом, Гаршин едва не помешался от ужаса. Его друг Малышев писал: «Жить, есть, спать, ходить с мыслью, что вот рядом готовится петля, он не мог». Гаршин решил идти к Лорис-Меликову, умолять его о прощении Млодецкого и помиловании. Он действительно попал к чиновнику – того даже разбудили специально. Долго говорил с ним, стоял на коленях – ушел, кажется, довольный разговором и убежденный, что Млодецкого помилуют, но на следующий день видел, как

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

с Семеновского плаца увозят тело казненного.

Состояние его было таково, что друзья думали, что он вновь сходит с ума. Сам он решительно отвергал это предположение и писал своему другу Александру Герду: «Господи! да поймут ли, наконец, люди, что все болезни происходят от одной и той же причины, которая будет существовать всегда, пока существует невежество! Причина эта – неудовлетворенная

Обложка
рассказа
В.М. Гаршина
«Трусъ». 1894 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Надежда
Михайловна
Золотилова.
1880 год

потребность. Потребность умственной работы, потребность чувства, физической любви, потребность претерпеть, потребность спать, пить, есть и так далее. Все болезни, А.Я., решительно все, и «социализм» в том числе, и гнет в том числе, и кровавый бунт вроде пугачевщины в том числе».

Не я болен, общество больно, утверждает Гаршин. Ему кажется, что он чувствует себя хорошо, но на самом деле, похоже, просто сменилась фаза болезни. Жажда деятельности погнала его в дорогу. Он поехал в Москву, затем в Рыбинск, затем снова в Москву, потом решил ехать в Харьков. Ему снова захотелось проповедовать милосердие власти; на сей раз он решил повидаться с московским обер-полицмейстером Козловым. Для этого был придуман удивительно нелепый план: Гаршин приехал в публичный дом, стал угощать проституток, но отказался платить по счету. Когда вызвали полицию и повезли его в участок – выбросил на дорогу 25 рублей. В участке стал требовать встречи с обер-полицмейстером и добился ее. Козлов выслушал странного задержанного, ничего не понял и отпустил его. Гаршин уехал в Тулу, оттуда отправился к Толстому в Ясную Поляну. Вот с Толстым разговор вполне удался: Лев Николаевич услышал созвучные ему мысли о том, что мир пронизан насилием, что войны отвратительны; он говорил, что счастье наступит тогда, когда каждый откажется от насилия и склонит к тому же других людей. Гаршин воспринял сочувствие Толстого как одобрение его плана добиться всемирного счастья людей. Наутро он купил у крестьянина лошадь и отправился по Тульской губернии проповедовать любовь и прощение как способ уничтожить зло.

Затем он собрался к родным в Харьков, но не доехал. Его стали искать, заявили в полицию; младший брат нашел его, совершенно больного, у какого-

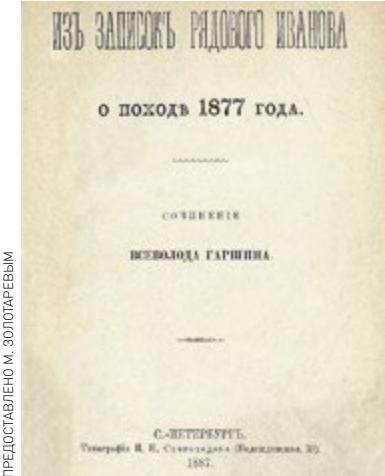
то орловского помещика. Гаршина привезли в Харьков. Он сердился на окружающих, считавших его помешанным; ему казалось, что с ним все прекрасно. Настроение отличное, он работал над новой повестью, «Люди и война». Из Харькова он скоро уехал, и родные нашли его в орловской лечебнице для душевнобольных, связанного. В Харькове его пришлось везти тоже связанным, в отдельном купе: его отвезли на Сабурову дачу – в психиатрическую больницу.

Сабурова дача в деталях изображена в знаменитом гаршинском рассказе «Красный цветок» – о душевнобольном, для которого все зло мира сосредоточено в трех цветках мака на больничной клумбе. Последние душевые и физические силы он тратит на истребление этих цветков – и умирает, уверенный, что уничтожил мировое зло. И трагический личный опыт, ощущение надвигающегося безумия, и изобразительная мощь позволили Гаршину воссоздать двоящийся мир душевнобольного и заставить читателя почувствовать остроту его мук. Удивительно, кстати, что чуть не всякий раз, как Гаршин берет за основу реальное событие, он всегда приводит его к трагической развязке. Пишет ли он о гангрене – реальный его товарищ выздоровел, больной в рассказе «Трус» умер. Идет ли речь о ранении в ногу – его собственная нога загнила, а герой «Очень коротенького романа» лишился ноги и потерял невесту. Сам он вышел с Сабуровой дачи с улучшением самочувствия, но герой скончался... Кажется, он раз за разом проживает в прозе собственное крушение надежд и репетирует собственную смерть.

Он попросил невесту, Надежду Золотилову, приехать к нему в Харьков. Она приехала, но состояние его было так плохо, что ее к нему не пустили. Осенью 1880 года его выписали из клиники и отправили долечи-

Всеволод
Михайлович
и Надежда
Михайловна
Гаршины.
Фото середины
1880-х годов

Титульный лист книги В.М. Гаршина
«Из записок рядового Иванова»

Гаршина, Владимир Акимов, забрал его к себе в деревню Ефимовку, где писатель провел полтора года. Здесь он почувствовал себя лучше – во всяком случае, в нем пробудился интерес к жизни. За эти полтора года он написал только крошечный рассказ. Родные спрашивали, когда же он снова начнет писать. Расспросы эти были для него мучительны: он боялся, что работоспособность к нему вовсе не вернется, он не понимал, чем будет зарабатывать на жизнь.

ваться в Петербург. Маниакальное возбуждение сменилось депрессивной фазой: Гаршин был печален, работать не мог, часто плакал. С невестой почти не разговаривал, она решила, что он ее разлюбил. Дядя

Обложка сказки
В.М. Гаршина
«Лягушка-путешественница»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МАЛЕНЬКИЙ ЧИНОВНИК, БОЛЬШОЙ ПИСАТЕЛЬ

Весной 1882 года он вернулся в Петербург, возобновил отношения с невестой, стал хлопотать об издании книги. Мать Гаршина написала Тургеневу в Париж с просьбой о предисловии для этой книги. Тургенев согласился: он очень ценил талант молодого писателя и даже называл Гаршина своим литературным наследником. Он собирался на лето в Россию и позвал Гаршина к себе в Спасское-Лутовиново. Это лето было для Гаршина спокойным и безмятежным, в имени Тургенева он написал один из лучших своих рассказов, «Из воспоминаний рядового Иванова» – историю ушедшего на войну интеллигента, который, по выражению В. Порудоминского,

«по-толстовски кротко примирялся с фатальной неизбежностью кровавой бойни, но не смог примириться с тем, что офицеры бьют по лицу солдат». Осенью Гаршин устроился конторщиком на бумажный склад, потом стал секретарем постоянного съезда представителей железных дорог. Служба давала постоянный доход и оставляла возможность писать. Гаршин теперь смог жениться на Надежде Золотиловой. Жена ухаживала за ним и удерживала его в жизни. Он смог закончить крупную повесть «Надежда Николаевна». Интересно, что клинический безумец Гаршин в прозе – совершеннейший реалист, наблюдательный, с ясным рассудком. Чуковский в своей нашумевшей лекции, а затем и статье о Гаршине в 1909 году заметил, что у него в душе «палата мер и весов»: Гаршин всегда точен в деталях, с дотошностью приводит цифры и факты, будто спасаясь в них от безумия.

В 80-е годы Гаршина очень занимала толстовская теория непротивления злу насилием. Соглашаясь с Толстым в том, что насилие – зло, он категорически не был согласен с идеей непротивления злу. В 1885 году специально ездил к Толстому спорить о его учении; в этой поездке сошелся с издательством «Посредник», которое распространяло идеи Толстого, и стал писать для народного чтения. Написал среди прочего сказку «Гордый Агей» – о царе, который наказан нищетой и унижением. Гордый царь раскаивается. Когда срок наказания кончается, он больше не хочет быть царем, уходит к нищим и становится поводырем слепцов – не нищим даже, а слугой нищих. Толстой сам хотел пересказать эту легенду, но не стал, прочитав, как это сделал Гаршин.

В середине 80-х болезнь Гаршина приняла циклический характер: зимой он был работоспособен, весной начиналась бессонница и тоска, и только к осени он снова приходил в себя. Каждое его публичное чтение

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Всеволод
Михайлович
Гаршин
(1855–1888).
Фото С. Левиц-
кого. 1870-е годы

было триумфальным – с воссторгами, овациями, ношением на руках. Умение Гаршина чувствовать чужую боль, искренний протест против насилия и несправедливости, ясное ощущение фундаментальной трагичности жизни – и при этом готовность бороться со злом – все это было близко читателям 80-х. Весной 1887 года Гаршин ездил в Крым. Может быть, новые счастливые впечатления несколько отодвинули болезнь: в

Могила
В.М. Гаршина в
Санкт-Петербурге
на Волковском
кладбище
(на Литераторских
мостках).
Фото конца
XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ту весну он чувствовал себя хорошо. В Петербург он вернулся полный новых замыслов, собирался писать роман о Петре Великом. Но летом ему стало так плохо, что работать он уже не мог. Осенью стало еще хуже: Гаршин все чаще говорил о том, что он в тягость родным, что мечтает о том, чтобы кто-то из друзей убил его, когда он сойдет с ума, – это стало такой навязчивой идеей, что жена вынуждена была пообещать ему, что сделает это. Состояние его усугубилось тяжелой семейной драмой, которая завершилась тем, что Гаршина прокляла его мать.

Весной 1888 года, предвидя ухудшение своего состояния, Гаршин стал собираться в Кисловодск, но... Накануне отъезда он бросился в лестничный пролет своего дома. Высота была небольшой; он упал на большую печь, попал ногой в щель между печью и стеной, не разбился, а только сломал ногу. Некоторые современные врачи считают, что, возможно, осталась незамеченной травма головы – иначе трудно объяснить то, что случилось потом. Жена нашла Гаршина в подъезде, позвала на помощь. Его отвезли в больницу, там он потерял сознание и через несколько дней умер, не приходя в себя.

На похороны его собралась, кажется, вся столичная интеллигенция. Гроб несли на руках. Над могилой читали стихи и произносили речи.

Очень скоро для одних Гаршин стал символической жертвой мрачной эпохи, для других – жертвой безумия, безвременно стубившего талант. Но здесь невозможно никакое «или – или»; как Блок позднее сказал о героине своей «Железной дороги» – «любовью, грязью или колесами она раздавлена – всё больно» – так и Гаршин, что бы его ни раздавило, умер от боли. От своей способности остро чувствовать любую человеческую боль – и откликаться на нее собственной болью, с которой ни сам он не умел справиться, ни искусство, ни наука.

НА ОЩУПЬ

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ТЕМНОТА ВЫЗЫВАЕТ СТРАХ. ПОНАЧАЛУ, ПОКА НЕ ПРИВЫКНЕШЬ. ВЕДЬ ОБЫЧНЫЕ ЛЮДИ ВОСПРИНИМАЮТ ЗРЕНИЕ КАК НЕЧТО САМО СОБОЙ РАЗУМЕЮЩЕЕСЯ И НЕОБХОДИМОЕ, А ЕГО ПОТЕРЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ НЕСОВМЕСТИМОЙ С «НОРМАЛЬНОЙ» ЖИЗНЬЮ. НО ТАК ЛИ ЭТО? КТО-ТО С РОЖДЕНИЯ ЛИШЕН ЗРЕНИЯ, А КТО-ТО УЧИТСЯ ОБХОДИТЬСЯ БЕЗ НЕГО УЖЕ ВО ВЗРОСЛОМ ВОЗРАСТЕ. И МЫСЛИ О ПОДОБНОЙ ПОТЕРЕ ВЫЗЫВАЮТ УЖАС, КАК И ПЕРВЫЕ ОЩУЩЕНИЯ, КОГДА ПЫТАЕШЬСЯ ВСТАТЬ НА МЕСТО СЛЕПОГО НА ЭКСКУРСИИ В ИНТЕРАКТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ «МИР НА ОЩУПЬ».

Т

ОРГОВЫЙ ЦЕНТР НА севере Петербурга. Суббота, середина дня. Несколько человек собираются на экскурсию проекта «Мир на ощупь». Им выдают трости и запускают в темноту. Гида они не видят, только слышат его голос.

– Же-е-е-есть! – делится впечатлениями Александр, когда группа заходит в темную комнату. Александру нет и сорока, он пышет здоровьем и гордостью, ведь он пришел на экскурсию поддержать свою даму, бабушка которой была слепой. Темнота выискивает суть: кто-то ведущий, кто-то ведомый. Александр, например, теряется без поводыря и подруги.

Мрак – это страх. Без гида чувствуешь себя беспомощным.

– Скажите, голова у многих кружится? – Собственный голос ка-

Юлия Рябкова, гид в тактильном музее проекта, знакомит экскурсантов с достопримечательностями Петербурга

жется неприятно громким, но гид Алексей утешает:

– Да, но через десять минут все пройдет, привыкнете.

Эти слова гасят зреющую панику. Полтора часа без света: для зрячих – квест с приливом адреналина, для незрячих – обыч-

ная жизнь. И правда, не сразу, но к темноте привыкаешь.

Жилая комната, рынок, улица, парк, кафе – все это надо пройти, включив осязание и слух, не привыкшие работать в обостренном режиме. Нос откazyвается узнавать знакомые запахи, а пальцы – «читать» название улицы. Вот мы в «парке», нащупываю каменные крылья. Значит, это ангел. А рядом что?

– Это вот нога, а это – грудь! – Наш поводырь терпеливо объ-

ясняет, по каким частям тела статуи мы неловко и бездумно шарим.

Наконец, щурясь, выходим на свет и смотрим на фото: как все просто, но на самом деле сложно, и грудь вот у статуи не признали...

Во время экскурсии Алексей Загороднюк рассказал о себе, в сотый раз отвечая на банальные вопросы. В Петербург приехал из Сланцев. Ему 30 лет, потерял зрение шесть лет назад. Попал в автомобильную аварию, а спустя два месяца ослеп.

– Я открыл глаза – и ничего не увидел... Попросил маму включить свет. Свет не зажегся. Я мог дома заблудиться, расшибал лицо. Помню безнадежность, безысходность... Не знал, что

На проекте кипит жизнь: можно в темноте приготовить салат, послушать концерт, посидеть за школьной партой, познакомиться со шрифтом Брайля

делать, жить не хотелось, – вспоминает Алексей.

Парня поддержали мама и друзья. Мама сказала: «В твоей жизни столько всего было. Значит, и это переборешь – встанешь и пойдешь!» Она знала, о чем и кому говорила. Алексей примерным поведением не отличался, впрочем, характер это закалило у обоих: и у матери, и у сына. Окончив девять классов, Алексей освоил ремесло сварщика, работал менеджером, жил для себя.

Резкое взросление случилось после потери зрения. Парень понимал: всегда за ручку близкие водить не будут. Нужно научиться жить без зрения. Он выучил шрифт Брайля, в родных Сланцах с тростью один стал выходить на улицу, стал ходить быстро, даже отправлялся в клубы на танцы. Алексей говорит, что люди на улице помогают часто, но надо надеяться только на себя. Он съездил в центр реабилитации слепых в Волоколамске. Общение с коллегами по несчастью его шокировало. Алексея раздражает образ мученика и возмущает, когда другие ему пытаются навязать мысль об ущербности. Его возмутила спекуляция на недуге и желание повесить на себя ярлык, за который удобно прятаться. Себя Алексей инвалидом не считает и не хочет, чтобы в нем видели «бедолагу».

– Посмотрел я на этих «чудиков» в Волоколамске и подумал: удобно жить, когда тебя жалеют, но я так не хочу. Да, я с вами в одном строю, но я никогда не буду таким. Слово «слепой» меня не обижает. Я и есть слепой! Но нормальный человек, просто не вижу, – улыбается Алексей.

Съездил в московский институт «Реакомп» (это учреждение Всероссийского общества слепых в области комплексной реабилитации инвалидов по зрению, научно-методической работе и информационным технологиям. – Прим. авт.). Прошел обучение на ПК, освоил аранжировку на компьютере. Приехал в 2013-м в Питер, обрадовался, что здесь в метро есть тактильная полоса. В родном городе

Собрания гидов с директором проводятся регулярно на обеих площадках

ориентироваться несложно, но и Питер не чужой – парень был там часто. Алексей поступил в медтехникум учиться на массажиста. В это же время к нему обратились из проекта «Мир на ощупь», и Алексей с энтузиазмом принял приглашение работать гидом.

– Идея проекта понравилась, захотелось показать, что незрячих не надо бояться. А то на нас смотрят как на инопланетян. Кто-то приходит развлечься, но, побывав на экскурсии, думает иначе. Я понимаю: мы вместе переживем эти полтора часа – страх, настороженность. И все изменится. Это так здорово – слушать людей после экскурсии!

Алексей вспоминает разное. Както пришли четыре девушки. Он спросил: «Вы коллеги?» На что одна из них ответила: «Хорошо, что коллеги, а не калеки!» Иногда приходится объяснять зравившимся экскурсантам, что гид не аниматор. Как-то пришел мужчина с двумя маленькими дочками и заявил во время экскурсии, что детям скучно.

Недуг не помешал Алексею устроить личную жизнь. Уже будучи незрячим, он встретил Александру, у пары подрастает маленький Никита. Правда, с семьей в Сланцах Алексей видится редко – учеба и работа в Петербурге занимают все время. Дома бывает пару дней в месяц. Планирует пойти на вторую работу и устроиться массажистом. Алексей говорит, что трудоголиком стал после потери зрения. Он кандидат в мастера спорта по спортивной гимнастике, любит прыгать в воду с трамплина, сокрушается, что после травмы с моста еще не прыгал, но с тарзанок – было. Свободного времени у Алексея практически нет. Слушает лекции по массажу, но и о художественной литературе не забывает: «Шантарам» впечатлил, как и «Похороните меня за плинтусом».

Напоследок Алексей замечает: люди думают, в комнате хоть что-то видно, но это не так, потому столь важен голос поводыря. Темнота сближает...

Алексей Загороднюк говорит, что после потери зрения он стал другим человеком – целеустремленным, спокойным и взрослым

МЕЖДУ ОБЛОМОВЫМ И ШТОЛЬЦЕМ

С 25-летним тенором Олегом Крикуном мы встретились на второй площадке «Мира на ощупь», на Петроградской стороне, за несколько часов до его концерта. Он признался, что подготовку выступления, панику, а также праздник после лю-

бит ничуть не меньше самого выступления. Олег общителен и чахнет без внимания. Он родился в станице Северской недалеко от Краснодара, окончил консерваторию в Ростове-на-Дону. У него с детства остаточное зрение, потому мир он видит как абстрактную живопись: мазки и пятна. Когда Олег учился на втором курсе, его пригласили на шоу талантов «Минута славы» на Первый канал. Он заколебался, обдумывая, подходит ли он под параметры формата: непрофессионалом Олег не был, а шоу ориентировано именно на них. Все же согласился и выступил. Месяц учился вокалу в Милане, жил там с сестрой. Но уверяет, что сейчас не растерялся бы в чужой стране и один. Олег немного говорит по-итальянски и по-английски.

– Я фантазер и очень ленивый! – смеется Олег. – Сам себя я бы назвал Обломовым. У меня есть идеи, но не всегда есть силы их реализовать. Вот недавно шел по улице и придумал частную музыкальную школу, до мелочей все представил и посчитал – от аренды до зарплаты педагогам. Вслух. Прожившие периодически пытались направить меня куда-то. Я гуманист, но с бизнес-жилкой. Организовывать мне нравится

Олег Крикун на репетиции перед концертом

больше, чем исполнять. Еще в консерватории я пытался организовывать концерты. Вот такой симбиоз Обломова и Штольца. О качествах второго говорят замечательные математические способности Олега. Он обожает логические задачи. За новостями Олег не следит, живет в своем мире. За голосом обладатель дивного тенора тоже не следит, но хочет выступать чаще. Говорит, у организаторов появилась идея проводить три концерта в месяц в темноте. Сегодня второй концерт на новой площадке. Ариям Олег предпочитает романсы, любимый – «Есть одна хорошая песня у соловушки» Свиридова. Олег цитирует Есенина, но признается: стихи не читает, поэзию узнает через романсы.

Когда Олег окончил консерваторию, решил круто изменить жизнь, что и было исполнено. Полтора года назад он приехал в Петербург, где вместе с двоюродной сестрой снимает квартиру. Поначалу внимание, открытость и отзывчивость прохожих удивляли, а потом Олег привык, но не переста-

ет удивляться отзывчивости петербуржцев:

– Спрашиваю на улице, как пройти туда-то, а мне отвечают: «Давайте я прогуляюсь с вами и расскажу о достопримечательностях». Слушаю и думаю: как стыдно, что не знаю истории города, но как здорово, что есть такие люди!

В проект Олега привела забавная цепочка событий. На улице познакомился с девушкой, выяснилось, что ее сестра – незрячая. Она-то и рассказала Олегу о проекте «Мир на ощупь». Правда, парень поначалу решил, что это ему не подходит, ведь в плахах была музыка. Но на собеседование все же пошел.

– Как только я познакомился с будущим шефом, смущение прошло. Весь вечер бегал и говорил: «Мы», «мы скоро откроемся». Сестра удивлялась. Я боялся оказаться в среде незрячих, ведь я учился не в интернате, а в обычной школе для детей с нарушениями зрения. И мы не чувствовали себя инвалидами. Но в проекте стираются границы, хотя о многих проблемах я никогда не догадывался, пока

Пальцы
у незрячего
человека
особенно чуткие,
у музыканта –
тем более

не стал общаться с другими незрячими.

Олег опасался попасть в среду, в которой люди заиклены именно на своем недуге. Незрячих друзей у него немногих, а с теми, что есть, объединяют иные интересы, а не недуг. Олег абстрагируется от слепых местом именем «они» – не хочет быть инаковым по здоровью. Он часто подщипывает над собой, напоминая, что его особенность точно не в зрении. Говорит, гиперопека не докучает, потому что у новых знакомых она быстро проходит. И через пару недель человек перестает «считать ступеньки» для незрячего друга. Свою «минутную» славу Олег не преувеличивает и не считает, что люди приходят посмотреть на него как на экзотический персонаж. Он водил экскурсии, а сейчас планирует сосредоточиться на музыке. Собирается выступать на второй площадке «Мира на ощупь», готовится вести мастер-классы ораторского мастерства в темноте и хочет стать репетитором по вокалу. Благодаря проекту Олег полюбил детей, хотя они поедают съедобный реквизит. Молодому человеку очень нравится, что на экскурсии родители «теряют власть над детьми» – в темноте все одинаково беспомощны и зависят от гида. Детям он позволяет громко кричать, смеяться. О собственной семье Олег мечтает...

Олега ждет последняя репетиция и выступление, а гостей – концерт-сюрприз. В полном мраке звуки воспринимаются острее и душевнее, а мелодии знакомых песен кажутся новыми. Праздничный репертуар Олег Крикун составил сам. Песни разные – от «Битлз» до русских романсов. Технические накладки сбили стройность программы, но Олег не растерялся – импровизировал по ходу выступления: он и пел, и играл на синтезаторе, и был сам себе конферансье. Справился, хотя дивному сильному голосу артиста было явно тесно в маленькой комнате.

ТРОСТЬ И КОСМЕТИКА

Мы встретились с Юлией Рябковой перед ее экскурсией. Пока посетители собирались, она рассказала о себе. Юлия родилась в Ленинграде. Из-за аутоиммунного заболевания с детства она начала терять зрение. Сегодня девушке 29 лет, она не видит.

Юлия – девушка современная: аккуратный макияж, яркий маникюр. Светлые тени позволяют немного ошибаться. От косметических нововведений Юлия не шарахается, наоборот, интересуется ими с большим энтузиазмом. Подруга Юлии слабовидящая, она выстроила методику «тактильного макияжа», которой и пользуется моя собеседница. Девушка, разработавшая технику макияжа для незрячих, даже подавала заявку на грант. Юлия пользуется косметикой на ощупь по памяти: подруге объяснила последовательность действий. Потому выглядит Юлия лучезарно и ухоженно. – То, что незрячий человек не ухаживает за собой – миф, – смеется Юлия. – Я хожу в салон красоты. Сама ногти накрасить не могу: либо мастер красит, либо мама. У незрячих есть ограничения, но они главным образом в голове. Мы живем, как и все: ходим в кино, театры, на выставки. Мы не увидим, но нам опишут, а мы представим или можем скачать приложение на смартфон и смотреть фильм с тифлокомментариями. Недавно смотрела фильм о незрячем человеке – под большим впечатлением!

У Юлии на запястье красная нить, говорит, «буддийский оберег», причем модный. К буддизму она относится с интересом, бывает в дацане.

Юлия окончила специализированную школу для незрячих, потом поступила в Институт внешнеэкономических связей, экономики и права. Во время поступления и учебы сложностей не было, относились к нестандартной студентке тепло, появились друзья. Контрольные работы сдавала устно, а курсовики и диплом как все – письменно, лекции записывала на диктофон.

Алексей
Загороднюк
шрифт Брайля
изучил за месяц,
но это вовсе
не значит,
что дело это
легкое и быстрое

тофон, потом стала писать по Брайлю. Преподаватели ставили ее в пример: девушке тяжелее писать, но ничего, справляется. Окончив вуз с красным дипломом, Юлия устроилась помощником адвоката, правда, работала как фрилансер, потому заключала договор с каждым клиентом. Поначалу очень боялась не справиться. Большинство клиентов слепоту юриста воспринимали спокойно, только один смутился: как к этому отнесется судья? Но это исключение, большинство звонили ей снова, когда требовалась новая консультация.

Юлия прошла стажировку в обществе слепых, но устроиться там по специальности не удалось. В прошлом году она победила на конкурсе «Путь к карьере» для людей с инвалидностью. Нужно было уметь презентовать себя как работника потенциаль-

ному работодателю, и, если повезет, был шанс устроиться в компанию. Юлия объясняет: в Европе, Америке брать на работу людей с инвалидностью – сложившаяся практика. В России пока все сложнее. Победительницу конкурса приглашали на несколько собеседований, но предложений она не получила. Юлия говорит, белая трость пугает.

– Люди с инвалидностью сильнее мотивированы на работу, ведь им ее сложнее найти, но работодатель об этом не думает, – считает Юлия. – Хотелось бы работать в небольшой компании, с небольшим документооборотом, чтобы была возможность ознакомиться с документами дома. Их можно отсканировать, а позже программа озвучит файл. Я могу быть юристом, сопровождать клиентов в суде. Друзья Юлии, работающие гидами в «Мире на ощупь», расска-

Планов у
Анатолия
Мовшовича,
генерального
директора
проекта
«Мир на ощупь»,
множество

зали ей о проекте, теперь и она здесь работает. Водит экскурсии в тактильном музее: посетители на ощупь знакомятся со скульптурами и рельефными картинами с достопримечательностями Санкт-Петербурга, «читают» карту города. Юлия говорит, что скульптуры «разглядеть» экскурсантам удается, с картинами – сложнее. Впрочем, каменный эльф с карманом на попе озадачил даже саму Юлию.

Услышав вопрос про тренинги, девушка воодушевляется: тема ей явно близка и интересна. Юлия провела несколько пробных тренингов публичных выступлений, естественно, в темноте. В планах – бизнес-тренинги, в зависимости от целей заказчиков. Сама Юлия читает литературу по менеджменту, ей хочется найти работу по специальности и совмещать ее с занятостью в проекте.

Поскольку Юлия не слепорожденная, представлять окружающий мир ей проще. Вспоминает, как с одноклассниками ходила в музей. Школа договаривалась с Эрмитажем, выключали сигнализацию, чтобы ребята могли потрогать экспонаты. Малахитовая ваза Юлию поразила. Она вспоминает, как нашупала часы – и заорала сигнализация. Забыли отключить.

Она открыта и общительна. Любит путешествовать, а слепота и незнание языков ей в этом не помеха: Шри-Ланка, Кипр, Италия, Польша... Путешествовала с мамой, потом с подругой, тоже незрячей. Говорит, путешествие незрячего человека – это проверка себя. Юлия справилась. Боязно, конечно, было. Воды она не боится, в море плавает смело.

Собеседница моя впечатлительна, потому смущенно признается, что смотреть новости ей жутко: услышав про больных детей, плачет, шлет эсэмэски. И признается, что иногда рада не видеть уродств окружающего мира... Семья Юлии – родители и брат, все живут вместе. О личном девушка говорит так:

– Конечно, я хочу замуж. Я встречалась с мужчиной из другого го-

рода, но не сложилось. Он слабовидящий. Мне сложно найти пару. Знакомлюсь в Интернете, через друзей, часто подходят в метро. По дому я делаю все, кроме мытья окон, родные дома вообще уборкой не занимаются. В школе нас учили готовить, а перекусов не справиться одной у меня никогда не было. Не надо нас жалеть, как убогих, это унизительно. Вот помочь – да. У нас есть особенности, сложности, но всему можно научиться. Я такая же, как все, так зачем жалеть?

ОТ НАИВНОГО К ПОЗИТИВНОМУ

– Наша цель – развитие толерантности, – говорит Анатолий Мовшович, генеральный директор проекта «Мир на ощупь». – Проект в первую очередь создан для незрячих: им нужна социализация. Когда я начинал, не знал, что такое трудоустройство инвалидов. А это проблема. Мы даем возможности для самореализации сотрудникам. Совместно с комитетом по труду проводим семинары для компаний по трудоустройству инвалидов. Школьники приходят к нам на занятия и

экскурсию в рамках инклюзивного образования. Я приучаю работодателей не злоупотреблять гиперопекой. Сам стал относиться к незрячим как к обычным людям, которым нужно помогать, как любому другому человеку. Проект – это моя жизнь на многие десятилетия вперед.

Анатолий говорит, что на этапе создания проекта и мысли не допускал об «экзотизации инвалидов» и упреках в том, что незрячие становятся «объектами игры». Основные критерии отбора гидов, объясняет он, чтобы человек был... слабым, таким, которому нужна помощь и социализация. С гидами занимались психологи, их учили презентовать себя, вести группы, ориентироваться в пространстве, уметь отвечать на вопросы. Рабочий день гида стоит 1,5–2 тысячи рублей. Основная аудитория проекта – школьники с 5-го по 11-й класс и группы от 18 до 45 лет. Ежемесячно «Мир на ощупь» исследуют от 4 до 7 тысяч человек. Открываются новые площадки в разных городах России. Интерактивные пространства проекта «Мир на ощупь» расположены на двух площадках: на севере Петербурга и на Петроградской стороне. Экскурсанты проходят условный город с незрячим гидом, им выдают белые трости.

Здесь проводят и мастер-классы: можно в темноте приготовить салат, послушать концерт, побывать в тактильном музее, научиться писать и читать по шрифту Брайля.

«Мир на ощупь» стартовал в 2015 году и был признан «Лучшим социальным проектом». А сама идея проекта родилась в Израиле, где восемь лет назад учился Анатолий Мовшович. Там он познакомился с незрячим ровесником, который не был слепым с рождения. До этой встречи Анатолий был убежден, что все незрячие не видят с детства. История слепого парня настолько его поразила, что захотелось рассказать о незрячих так, чтобы люди ценили то, что имеют.

РЕВОЛЮЦИИ ДАЛИ СЛОВО

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

«А МАССЫ ПУСТЬ ЗА СЦЕНОЙ СТОЛКНУТСЯ», – ПРИЗЫВАЛ СПИСАННЫЙ СО СТАНИСЛАВСКОГО ГЕРОЙ БУЛГАКОВСКОГО «ТЕАТРАЛЬНОГО РОМАНА», НЕ ТЕРПЯЩИЙ ВЫСТРЕЛОВ И КРИКОВ НА ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОДМОСТКАХ. И СОВРЕМЕННЫЕ РЕЖИССЕРЫ ВНЯЛИ ЕГО ПРИЗЫВУ: В ЮБИЛЕЙНОМ ГОДУ БРАТЬ ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ НЕ БУДУТ, А БЕЛЫЕ С КРАСНЫМИ ВОЗДЕРЖАТСЯ ОТ ПЕРЕСТРЕЛОК.

100-

ЛЕТИЕ РУССКОЙ революции не осталось не замеченным в театральной среде. Десятки российских театров поставили либо хорошо подзабытые, либо вовсе не известные произведения, рассказывающие о событиях 1917 года.

В большинстве театральных премьер революция предстает поводом для вдумчивого разбора – что это было? А посему наиболее востребованными оказались произведения, богатые содержанием и скучные на оценки. «История нас рассудит», – произносят персонажи по обе стороны баррикад. Авторы современных спектаклей о революции, с кем нам удалось побе-

седовать, убеждены в том, что общество созрело для беспристрастного разговора о драматичных событиях 1917-го и их влиянии на жизнь страны. Так это или нет – покажет время.

ГОРОД РЕВОЛЮЦИЙ И ПРЕМЬЕР

Санкт-Петербург, как ему и положено исторически, стал столицей революционной театральной афиши. Практически каждый крупный театр города трех революций счел необходимым воскресить на сцене события столетней давности. Причем для одних пролетарский переворот стал поводом ужаснуться, а для других – посмеяться.

«Губернатор», поставленный режиссером Андреем Могучим на сцене БДТ им. Товстоногова по рассказу Леонида Андреева, еще до премьеры считался одной из самых мощных заявок на большой театральный разговор о революции. У Андреева рассказы

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТЕАТРОМ «МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК» (Г. ИХЕВОК)

Режиссеры
увидели
в революции
отличную тему
для абстрактного
театра

ПРЕДОСТАВЛЕНО ТЕАТРОМ «МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК» Г. ИЖЕВСКИ

и костюмов, которые шили по выкройкам из журналов 1920-х годов, происходящее поразительно напоминает наше время. «Баня» встретилась в петербургской театральной афише с другой комедией Владимира Маяковского – «Клоп», поставленной в прошлом году на сцене Театра Эстрады им. Аркадия Райкина. Режиссер Илья Мощицкий рассказал свою историю о Присыпкине, который решил после тягот и лишений пожить для себя, но оказался замороженным и очнулся спустя много лет в новом обществе. По Маяковскому, Присыпкин оказался в эпохе коммунизма и смог найти для себя место лишь в зоологическом саду. По Мощицкому, герой тоже ощущает себя чужим в новом для себя мире, но идеальным это общество, состоящее из серых обезличенных людей, не назовешь.

Маяковский в год 100-летия революции предстает сатириком, гоняющим клопов и высмеивающим мещанство. Зато поэт Есенин выходит на авансцену в непривычном для себя качестве – историка русской революции. В Рязанском театре драмы поставили не самое известное произведение земляка – драматическую поэму «Страна негодяев». В спектакле сталкиваются комиссар Чекистов и бандит Номах – и у каждого из них своя правда. Режиссер постановки Урсула Макарова рассказала о том, что старалась избегать однозначности и оценочности.

«Есенина всегда ставят в ряд с аграрными поэтами, но он гораздо более разнообразен и глубок, – говорит она. – Выбор пьесы обусловлен тем, что хотелось немного поколебать этот стереотип, познакомить зрителя с неизвестным Есениным. Для меня важно, чтобы зритель уходил со спектакля с пониманием того, что время, о котором рассказываетя в «Стране негодяев» – это страшная, голодная, неуютная и жуткая эпоха, в которую люди жили, выживали, бились и погибали. И что в этой смуте не было победителей».

вается о революции 1905 года, но поставленные вопросы актуальны и для Октябрьской. Главное действующее лицо постановки – градоначальник, отдавший приказ о расстреле толпы бастующих рабочих и испытывающий после этого муки совести. По сути, спектакль представляет собой тяжелый и откровенный диалог губернатора с самим собой. О том, можно ли купить собственное спокойствие жизнями других людей и работают ли библейские заповеди во времена исторических переломов. Губернатор ждет отмщения, и именно это ожидание разит его безжалостнее любого эсера-бомбиста. Внутренний монолог главного героя не делает спектакль камерным, перед зрителями проходит череда действующих лиц всех сословий предреволюционной России: дворяне, чиновники, рабочие, солдаты, студенты и гимназисты. В спектакле занято более 50 актеров.

В новом спектакле Александринского театра «Баня» по поводу революций уже не переживают, но с наслаждением пожинают их плоды. Пьесу Владимира Маяковского о буро-крате Победоносикове в последние четверть века почти не ставили. Впрочем, такую судьбу своему детищу предсказал сам

автор, ведь по его замыслу главных героев давит «чертовым колесом времени». Режиссер Александринки Николай Рошин разыскал в письмах и бумагах Маяковского призыв к будущим постановщикам «Бани»: мол, меняйте сценарий в соответствии с временем и актуальностью, вносите новое. И воспользовался разрешением автора – сделал собственную сценическую редакцию текста и вывел самого Маяковского на сцену. Нового и актуального в спектакле немало, и вместо сатиры на бурократов на сцене предстает эпоха НЭПа, во всей ее красоте и уродстве. И хотя художники Александринки трепетны в отношении декораций

АНАСТАСИЯ ШУЛЬГИНА

Гайдаровскую сказку про Кибальчиша в Ижевске посвятили юным жертвам войны

В Рязани поставили драматическую поэму Сергея Есенина о Гражданской войне

ПОНЯТЬ ШАРИКОВА?

Автор инсценировки булгаковской повести «Собачье сердце» Анатолий Королев, приехав на премьеру в Рыбинский драмтеатр, задумался о сходстве Шарикова и местного Рыбинского водохранилища. И герой, и водоем создавались вопреки законам природы, и эксперимент обернулся ненужными жертвами.

«Когда я вижу у современной молодежи смартфоны и прочие гаджеты, которые они не выпускают из рук, я вспоминаю «Собачье сердце», – рассказал Анатолий Королев, московский писатель, драматург и литературовед. – В начале прошлого века была в ходу идея медицинского усовершенствования человека, и профессор Преображенский этим занят. А сейчас подобную идею воплощает в жизнь технический прогресс, который невероятно расширил возможности людей. Но вспомним «Собачье сердце»: переделка человека может иметь побочный эффект. Также мне было важно показать, что увлечение нашей интеллигенции новыми идеями по улучшению окружающего мира чревато неожиданностями, если торопить события и не учитывать множество составляющих».

По мнению писателя, «если мы сможем правильно понять истоки революции и выучим преподанные ею уроки, это положительно скажется на нашей настоящей и будущей жизни. Мы должны помнить все наши победы и ошибки не забывать». Победам, ошибкам и урокам революции Красноярский драматический театр им. Пушкина посвятил большой театрально-литературный проект «Мы повернули историю в бег». Первой постановкой в рамках проекта стала драма по пьесе Леонида Андреева «Дни нашей жизни». История о влюбленных студентах и трагедии первой любви приобретает иной смысл и звучание в преддверии слома эпохи. Поступь революции ощущается как в пьесе, так и в спектакле Олега Рыбкина, который ввел в постановку сюжетные линии

ПРЕДОСТАВЛЕНО РЫБИНСКИМ ДРАМТЕАТРОМ

Такого количества кожаных курток мастерские Рыбинского драмтеатра давно не шили

и мотивы более позднего творчества Андреева. Чудится, будто страшная катастрофа вот-вот выйдет из-за кулис и сметет со сцены старую жизнь. В спектакле утверждается, что перелом в жизни страны начинается с потери способности ее жителей понимать друг друга. Уходит любовь, рвется дружба, разрушаются семейные связи.

«Мы сознательно избегаем каких-либо политических оценок, мы не историки, – заявил режиссер. – Для нас важно воскресить эпоху и события, сопоставить разные точки зрения, дав возможность зрителям самим определять, кто прав, а кто виноват. Наш проект, скорее, культурологический и в какой-то степени образовательный, он связан с культурой России того времени, с Серебряным веком русской поэзии и драматургии». По словам Олега Рыбкина, вторая часть проекта будет носить название «Пути Октября» и будет напрямую связана с общественной жизнью первых революционных лет. «Есть прекрасный сборник «Забытые пьесы 1920–1930-х годов», составленный доктором искусствоведения Виолеттой Гудковой, – рассказал режиссер. – Собранные там произведения будут ставиться на большой сцене, попадут в режиссерские ла-

боратории. Мы надеемся заинтересовать молодых режиссеров этой интересной и многогранной темой».

Пьеса, написанных первым наркомом просвещения Советской России, Анатолием Луначарским, в сборнике Гудковой нет. В Русском драматическом театре Севастополя не забыли о том, что театр носит имя наркома, и поставили его пьесу «Королевский брадобрей» о событиях в выдуманном феодальном государстве. Центральная тема пьесы – губительность неограниченной власти, которая может развратить самого честного человека.

Российские театры вывели на сцену и других активных деятелей революции. Например, личность Сталина заинтересовала театры Ростова-на-Дону и Санкт-Петербурга. В Ростовском театре драмы им. Максима Горького в феврале сыграли премьеру «Сталин. Часовщик»: по сюжету, перед глазами умирающего вождя проносятся события его долгой жизни. Кроме того, худрук Александринского театра Валерий Фокин объявил о том, что в этом году поставит спектакль о Сталине. По ходу действия пожилой и молодой Сталин будут встречаться и спорить. Обе пьесы о вожде написаны современными авторами и поставлены впервые.

ПРЕДОСТАВЛЕНО РЫБИНСКИМ ДРАМТЕАТРОМ

СОВЕТСКИЙ ВОДЕВИЛЬ, КРАСНОАРМЕЙСКИЙ МЮЗИКЛ

Революция и Гражданская война и без юбилеев оставались популярной темой для музыкальных комедий и даже детских постановок. Эта эпоха, как всякое смутное время, богата на невероятные сюжеты. Постановщики зачастую объясняют выбор темы ностальгией и вспоминают, как детими рубили крапиву деревянными саблями в шитой мамой буденновке, прикрывавшей стрижку «под Котовского».

Постановщик оперетты «Свадьба в Малиновке» на сцене московского Театра сатиры Юрий Васильев рассказал о том, что взялся за «Свадьбу...», чтобы порадовать зрителей светлыми воспоминаниями. Никаким дуализмом и историческими изысками легкий жанр не перегружали. Здесь всё, как в оперетте, и в одноименном фильме, – красавцы и лихие красноармейцы боятся против малосимпатичных и неряшлиевых бандитов. По словам Васильева, постановщики сознательно создали на сцене ностальгический лубок на события Гражданской войны. Тот же подход принес успех режиссерам мюзикла «Веселые ребята», который идет в Екате-

ринбурге на сцене Театра музыкальной комедии, и авторам водевиля «Квадратура круга» Казанского русского драмтеатра им. Качалова. Последние рассказали историю о жизни молодежи 20-х и 30-х годов. Спектакль был поставлен еще к 90-летию революции и с тех пор продолжает собирать полный зал.

«Сам автор назвал пьесу водевилем, и это, пожалуй, самое верное определение, – убежден ассистент режиссера «Квадратуры...» и исполнитель одной из главных ролей, Илья Славутский. – Пьеса написана по всем канонам классического русского водевиля. В ней много юмора, иронии, искренности и, конечно, ностальгии по временам непростым, но очень красивым. Почему наш спектакль живет так дол-

«Собачье сердце» предстает драмой о неудачной попытке улучшения человека

В Красноярске 100-летию революции посвятили большой театральный проект

КРИСТИНА ТУРКОВА

го? Как бы ни менялось время, люди в нашей стране либо сами жили в СССР, либо являются потомками советских людей, а поэтому наивная и трогательная история о том, как молодые герои ищут свою любовь, преодолевая все догмы и концепции, трогает зрителей. Спектакль живет уже десять лет, и зал на нем всегда полон. Уверен, эта замечательная пьеса будет радовать еще не одно поколение зрителей».

Ижевский театр «Молодой человек» вовлек в дискуссию о революционных героях детишек, поставив сказку Аркадия Гайдара «Мальчиш-Кибальчиш». Спектакль рассказывает о выборе жизненного пути, который делает каждый, и о поиске истины.

«Я еще успел побывать октябренком, а в детском саду, читая о Кибальчише, сопереживал ему, как и многие советские дети, – рассказывает ижевский режиссер Андрей Опарин. – Но эта сказка меня ужаснула, когда перечитал ее в 25 лет. Чему она учит? Разве не испытываем мы желания отомстить «проклятому» буржуину? Посему наш спектакль не о мальчике-герое, а о трагедии войны, в мясорубку которой попадают дети. И не важно, Гражданская это война или Отечественная – она отвратительна. Гайдар сам же был таким мальчиком, лишенным детства, очень рано ушедшем на фронт. Мне прежде всего хотелось как-то простить и оплакать судьбу самого Гайдара и многих-многих Кибальчишей всего мира».

По словам режиссера, детям спектакль пришелся по душе. «Жалеют Кибальчиша, конечно, но, как мне кажется, им мальчика жалко, а не героя, отдавшего жизнь за идею», – говорит режиссер. – Слышал, что наш спектакль становится для маленьких зрителей поводом для разговоров об истории и революции со своими родителями, дедушками и бабушками».

Беседа за семейным столом – чем не место для первой дискуссии в жизни ребенка? ●

КОСТРОМСКОЙ РЯД

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МИТРОФАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ПРАКТИЧЕСКИ В КАЖДОМ РУССКОМ ГОРОДЕ ИМЕЮТСЯ СТАРИННЫЕ ТОРГОВЫЕ РЯДЫ. У НИХ ЕСТЬ АДРЕС – УЛИЦА И НОМЕР ДОМА. ВСЕ КАК НАДО. ИСКЛЮЧЕНИЕ – КОСТРОМА. ТАМ ТОЖЕ ЕСТЬ ТОРГОВЫЕ РЯДЫ, НО АДРЕСА, В ПРИВЫЧНОМ ПОНИМАНИИ ЭТОГО СЛОВА, ОНИ НЕ ИМЕЮТ. ЗДЕШНИЕ РЯДЫ – НЕ ОТДЕЛЬНО СТОЯЩЕЕ ЗДАНИЕ, А ЦЕЛЫЙ ГОРОД В САМОМ ЦЕНТРЕ КОСТРОМЫ. НА КАРТЕ ГОРОДА МЫ ВИДИМ УЛИЦУ КРАСНЫЕ РЯДЫ, УЛИЦУ ПРЯНИЧНЫЕ РЯДЫ, УЛИЦУ РЫБНЫЕ РЯДЫ, УЛИЦУ ТАБАЧНЫЕ РЯДЫ, УЛИЦУ МУЧНЫЕ РЯДЫ. ВСЕ ЭТО – УЛИЦЫ, КОТОРЫЕ НАХОДЯТСЯ НА ТЕРРИТОРИИ КОСТРОМСКИХ РЯДОВ. САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ, ЧТО ВСЕ ЭТО ВЕЛИКОЛЕПИЕ ФУНКЦИОНИРУЕТ ПО СЕЙ ДЕНЬ.

АК УЖ СЛОЖИЛОСЬ, что именно Кострома сделалась своего рода торговой столицей Верхнего Поволжья. Это притом, что рядом, всего лишь в 80 километрах, гораздо более крупный, живой и парадный Ярославль. А может, как раз в этом и дело. Для солидной, неспешной торговли нужна такая же солидная и неспешная, несколько сонная атмосфера. А то, понимаешь, какая торговля, если в городе действует Демидовский лицей – одно из престижнейших высших учебных заведений страны, первый в России театр, чуть ли не каждый день дают балы. Там человек в традиционном купеческом костюме – сапоги бутылками, спортук, картуз, – пожалуй, вызовет на улице насмешку. В Костроме же он прекрасным образом вписывается в ландшафт. Так и получилось, что в Ярославле развивалась жизнь общественная, а в Костроме – коммерческая, и оба этих города славно друг друга дополняли. Тихое провинциальное счастье.

Вид с колокольни церкви Спаса Всемилостивого (Спаса в Рядах) на Мелочные ряды и галерею Гостиного двора (Красных рядов)

РЯД ЗА РЯДОМ

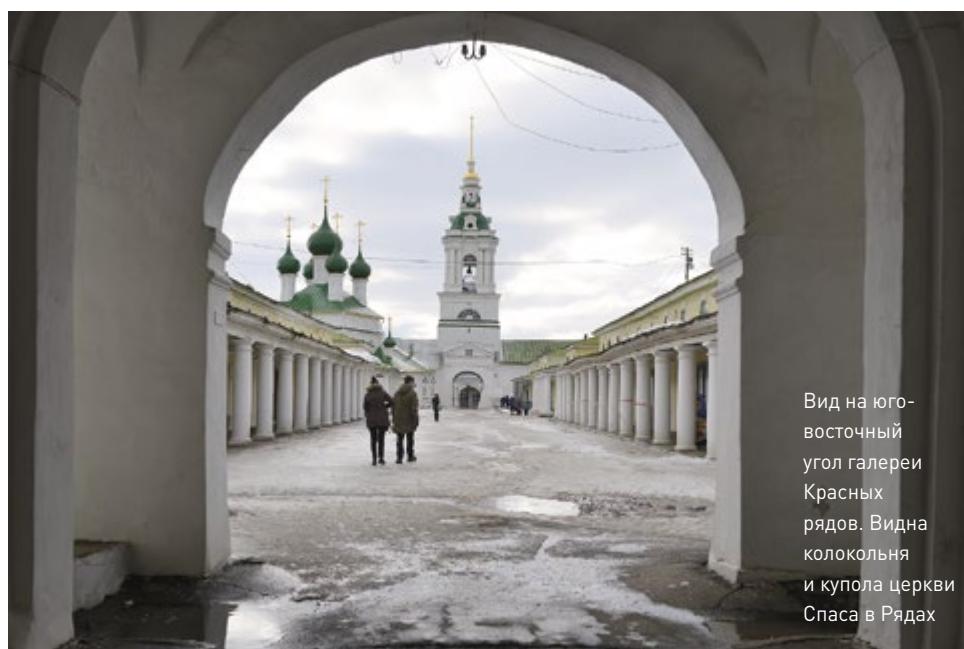
Измерить площадь костромских торговых рядов практически невозможно. Некоторые дома и не знаешь, как назвать – то ли это еще ряды, то ли уже нет. Да что там дома – целые улицы. Строительство этого уникального градостроительного памятника началось в 1775 году, после

большого пожара, и продолжается по сей день. Лучше бы уже остановиться, но, пока ряды используются по прямому назначению, это практически невозможно. Впрочем, подавляющая часть строительных работ – не бездумный передел в интересах нынешних торговцев, а вдумчивая научная реставрация. Всего –

Вид через
Северные ворота
Красных рядов
на Мелочные
ряды

около 20 протяженных корпусов, непохожих один на другой. Фотограф-любитель, попадая в этот невообразимый мир, находит в себе силы выбраться отсюда лишь через несколько часов. Автор образцового проекта – ярославский архитектор Карл фон Клер. В центре – самые масштабные ряды, Большие Мучные и Красные, то есть торгующие «красным», красивым товаром – тканями, книгами, изделиями из кожи и меха. Размеры первых – 163 на 122 метра, а вторых – 160 на 110. Размер лавки стандартный – 7 на 4,5 метра. Это соответствовало одному арочному пролету. На первом этаже велась торговля, в подвале и на втором этаже были оборудованы складские помещения. Там же располагалась обычно и контора.

При возведении торговых рядов удалось успешно решить нешуточную техническую задачу: полностью сохранить церковь Спаса в Рядах. Хотя в то время этот храм ни в коей мере не был историческим памятником – его строительство закончилось в 1766 году.

Вид на юго-
восточный
угол галереи
Красных
рядов. Видна
колокольня
и купола церкви
Спаса в Рядах

ХРУСТЫ И ШЫШЛИ

Приемы костромских торговцев часто не соответствовали современным представлениям о торговой этике. Например, чересчур смело действовал здешний магазин под названием «Конфессия». Что означало это слово, разумеется, мало кто из покупателей знал. А торговали здесь штанами. И как торговали!

Окна «Конфессии» были завешены образцами товара. В темное время суток зажигалась слабенькая керосиновая лампа с голубым стеклом. Таким образом, оценить качество товара и днем, и вечером было крайне сложно.

Целевой клиентурой «Конфессии» были растерянные, малообразованные крестьяне, которых в торговых рядах всегда было с избытком. Такого недотепу чуть ли не силой затаскивали в магазин, где сразу же два или три приказчика наскакивали на него с разных сторон и навязчиво совали ему товар. Отказаться было практически невозможно. Если же крестьянину все-таки удавалось высоколзнутуть из лавки, вся эта компания бросалась за ним следом, хватала за руки и тащила обратно.

Центр города в нулевой отметке с видом на здания пожарной каланчи (слева) и гауптвахты (справа) на Сусанинской площади

Во многих лавочках существовал свой тайный язык, с помощью которого торговцы прекрасно объяснялись между собой, в то время как клиент ничего не понимал. Хозяин, например, хотел сказать приказчику, что можно цену на товар снижать до 5 рублей, но так, чтобы клиент не услышал. «Пяндом хрустов!» – кричал он через весь амбар. И служитель все прекрасно понимал – в отличие от покупателя. Если же

надо было срочно соглашаться на предложение клиента, купец кричал: «Шышли салы!» И лавочник сразу останавливал торг.

Один был недостаток у этого метода – некоторые посетители, особенно богатые и из глубинки, думали, что продавцы таким оригинальным образом договариваются ограбить и убить денежного клиента. Такие паникеры убегали, так ничего и не купив.

Крепкие засовы для торговли всегда были важны

Гораздо безопаснее была система двойных ценников. На каждой табличке писались крупные цифры – первоначально запрашиваемая сумма, а рядом – мелкий набор букв и цифр.

Последние обозначали – в зашифрованном виде, конечно, – цену настоящую, до которой можно было уступать.

С шифром чаще всего не мудрили. Брали какое-нибудь десятибуквенное слово, где первой букве соответствовала цифра 1, второй – 2, третьей – 3 и так далее. Таким образом, если ключом было слово «Представил», то буквы РА-СЛ обозначали сумму 27 рублей 50 копеек...

А мимо торжественной посту

пный курьер из губернаторского дома. Он направлялся в сторону городской больницы, и по бокам у него висели две огромные бутылки из-под водки, на дне каждой из которых плескалась желтоватая жидкость. На

первой значилось: «Утренняя моча ея превосходительства госпожи костромской губернаторши», а на второй «Вечерняя моча ея превосходительства госпожи костромской губернаторши».

Что поделаешь, супруга губернатора Шидловского некстати захворала, консилиум докторов распорядился провести лабораторные исследования...

У подножия памятника Ивану Сусанину, возвышавшегося над городом в центре площа

Древний
торговый девайс

ди, прозванной за свою форму «Сковородкой», то и дело устраивали веселые ярмарки. Самой яркой была Федоровская ярмарка. Один из современников писал о ней: «Четырнадцатого марта ежегодно праздновался день Федоровской Божьей Матери, «явленная» икона которой помещалась в кафедральном соборе. В этот день открывалась Федоровская ярмарка. На Сусанинской площади, на «плац-параде» выстраивались легкие балаганы, покрытые от непогоды парусиной, и начинался торг, продолжавшийся несколько дней. Продавалось все для крестьянского хозяйства, вплоть до телег, много дешевой мануфактуры, обуви, фуражек. Обязательно была торговля Лопатина из Ярославля всяческими сладостями и дешевыми паточными карамелями; большим спросом пользовался постный сахар, изготавливавшийся для более успешной торговли всех цветов радуги. Большим спросом пользовались всевозможные свистульки, морские жители, опускавшиеся в банках при нажиме пальцем на специальное отверстие, покрытое резиной, а также умирающие черти и тещины языки. Все это визжало и свистело в большом количестве, нарушая великопостную тишину. Обычно в это время появлялись первые признаки весны, дороги чернели, днем на солнце немного таяло, прилетали жаворонки, в честь которых пекли их изображения в виде пряников с глазками из изюма. Вероятно, этот писк и шум был связан с далеким прошлым язычеством, отмечавшим радостное проявление первых шагов весны. А впоследствии христианство приспособило это к своим праздникам; аналогичное явление наблюдалось в Москве на Вербном базаре на Красной площади. Но вот ярмарка кончалась, балаганы разбирались, площадь пустела, оставляя до лета кучи грязи и шелухи от семечек, истреблявшихся в огромном количестве, исчеза-

Старинное
название улицы,
по которой
от волжской
пристани
поднимались
товары в ряды

ли свистульки и тещины языки, и снова воцарялась тишина. Только раздавался заунывный звон многочисленных церквей, призывавший верующих на великопостные вечерни и всенощные с чтением ирмосов, коленопреклонением при чтении молитвы Ефрема Сирина «Господи Владыко живота моего», и тянулись богомольные фигуры в черных одеждах по своим приходам. И так продолжалось до самой Пасхи».

КУПЕЧЕСКИЕ НРАВЫ

«Хавши утром в лавку, я обогнал одну даму, идущую по тротуару, очень прилично одетую и недурную собою, но так как она мне показалась новая личность, то ею заинтересовался. После обеда мы поехали в город втроем: я, Миша и Дмитрий Михайлович. Эта дама опять нам встретилась, долго вглядывалась в меня, я намеревался поклониться, но незнакомой dame я кланяться не решалось, а тем

Бывшая чайная
Общества
трезвости
и коммерческая
биржа

И на улице
в рядах тоже
идет торговля

более в кругу своих. Я тотчас же восторгнулся любопытством, кто она, и находчивость Миши решила мне, что это жена Игната Петровича Дружинина; видевши я ее раз в день брака, не мог запомнить хорошо, но только она мне показалась очень красивою».

Этот юноша с манерами застенчивого гимназиста – костромской купец Иван Михайлович Чумаков. В сравнении с жизнью столичной здесь все скромнее и трепетно. Незнакомкам не кланяются, инициативу в общении не проявляют. Спрашивают у родственника – кто такая? И все, на этом успокаиваются, замужних дам смущать не станут. Снова к амбарным книгам, счетам и безменам.

Показательна история, произошедшая с гостинодворским купцом Галаниным. Однажды после особенно выгодной сделки он поехал в ресторан – обмыть ее. Настроение было хорошее, познакомился с двумя девицами, заказывал шампанское и апельсины – кутил. А девицы утащили у купца бумажник, а в нем – 2 тысячи рублей. Через несколько дней тех девиц повязали – они сами расхвастались, деньги показывали. Так Галанин, когда

ему сообщили эту радостную новость, отказался признавать девиц. И в ресторане якобы он не был.

Воровок пришлось отпустить, притом со всеми украденными деньгами. Галанин бы и больше заплатил – только чтобы не надо было под присягой да при всем честном народе рассказывать о своих похождениях.

Тем не менее проявить свою куническую смекалку, обойти товарища на повороте считалось

делом вовсе не зазорным. Вот, например, случай, произошедший со здешним купцом Третьяковым. В 1877 году он прибыл в Нижний Новгород на ярмарку. Зашел в трактир, пьет чай. А за соседним столом два купца обсуждают дела. Дескать, идет война с Турцией, а значит, в ближайшее время медь должна сильно подняться в цене. А тут как раз пришли две барж с медью с Уральских гор. И эту медь надо бупить по дешевке –

В антикварном
отделе
ювелирной
лавки

И сейчас
в лавках торгуют
товарами,
сильно
похожими
на товары
тех давних
времен

пока продавец не узнал про грядущее подорожание.

На этих словах Третьяков вскочил, быстренько расплатился, добежал как мог до пристани, разбудил хозяина тех барж и предложил купить оптом всю медь. Не до конца продрав глаза, хозяин согласился – очень уж выгодной показалась цена. Ударили по рукам, Третьяков дал аванс и, покидая палубу, увидел двух своих соседей по нижегородской чайной. Они степенно приближались к барже, явно предвкушая выгодную сделку. Парочка, разумеется, ушла ни с чем. А Третьяков через несколько месяцев сделался одним из крупнейших в городе домовладельцем.

...А вечером все костромское общество перемещалось на городской бульвар.

Здесь обсуждались городские новости. Да и не только городские – политические, светские, даже литературные. Некто Нил Колюпанов так писал о Костроме середины XIX века: «В каждом доме, имеющем претензии на образование, получалась «Библиотека для чтения», книжка которой ожидалась с нетерпением и обходила целый кружок: Сенковский (О.И. Сенковский – ученый-востоковед, журналист, писатель. – Прим. ред.) отлично сумел приоровиться к требованию публики – все в журнале, и беллетристика, и критика, и даже научные статьи – изготовлено было на вкус людей, желающих веселиться. Серьезные журналы вроде «Телескопа», «Телеграфа» и позже «Отечественных записок» мало проникали в провинцию тридцатых и сороковых годов; ими интересовались там «ученые» по профессии или по личному вкусу, но последних было очень мало».

Следовало расслабиться и отдохнуть, набраться впечатлений, чтобы на следующий день, как следует выспавшись на жаркой пуховой перине, вновь приступить к трудам праведным в старом добром амбаре. ☺

СЕРПУХОВСКИЙ
КНЯЗЬ
ВЛАДИМИР
АНДРЕЕВИЧ
ХРАБРЫЙ

1353-1410

ГОРОД ЗАБЫТОЙ СЛАВЫ

АВТОР

ДМИТРИЙ РУДНЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

КОГДА-ТО ЗДЕСЬ, НА СЕРПУХОВСКОМ КРЕМЛЕВСКОМ ХОЛМЕ, РЕЯЛИ ГОРДЫЕ СТЯГИ ДРУЖИН, УХОДИВШИХ НА СУДЬБОНОСНУЮ ДЛЯ ВСЕЙ РУСИ КУЛИКОВСКУЮ БИТВУ. А СЕГОДНЯ НА ЭТО МЕСТО ТАРАЩАТСЯ ПУСТЫЕ ГЛАЗНИЦЫ ВЫБИТЫХ ОКОН ХЛОПЧАТОБУМАЖНОГО КОМБИНАТА «КРАСНЫЙ ТЕКСТИЛЬЩИК». МЫ В СЕРПУХОВЕ, ГОРОДЕ, ГДЕ РАЗРУХА XX СТОЛЕТИЯ КРЕПКО ПРИЛИПЛА К СЛАВЕ И СИЯНИЮ ПРЕЖНИХ ВЕКОВ.

ЕСТЬ СТАНДАРТНЫЙ туристический маршрут Серпухова: Высоцкий монастырь, икона Богородицы «Неупиваемая чаша», затем Владычный монастырь, чудотворный источник – и все... Любопытный турист, наверное, еще съездит посмотреть на памятники замечательному князю Владимиру Андреевичу Храброму и не менее знаменитому князю Святославу Игоревичу, которого скульптор снабдил сразу двумя мечами.

В обоих монастырях – красота и великолепие. Все чинно, чисто и достойно. У памятника Храброму тоже все прекрасно. Улица Советская, ведущая к нему, выглядит прилично и ухоженно. И, может быть, главе Серпуховского района и главе города Серпухова приятно добираться до работы по чистой и ухоженной Советской улице, но хотелось бы, чтобы ни чиновники, ни сами серпуховцы не забывали: прежде всех монастырей, прежде талантливого полководца Владимира Храброго в самом сердце Серпухова был холм. А на нем стоял кремль.

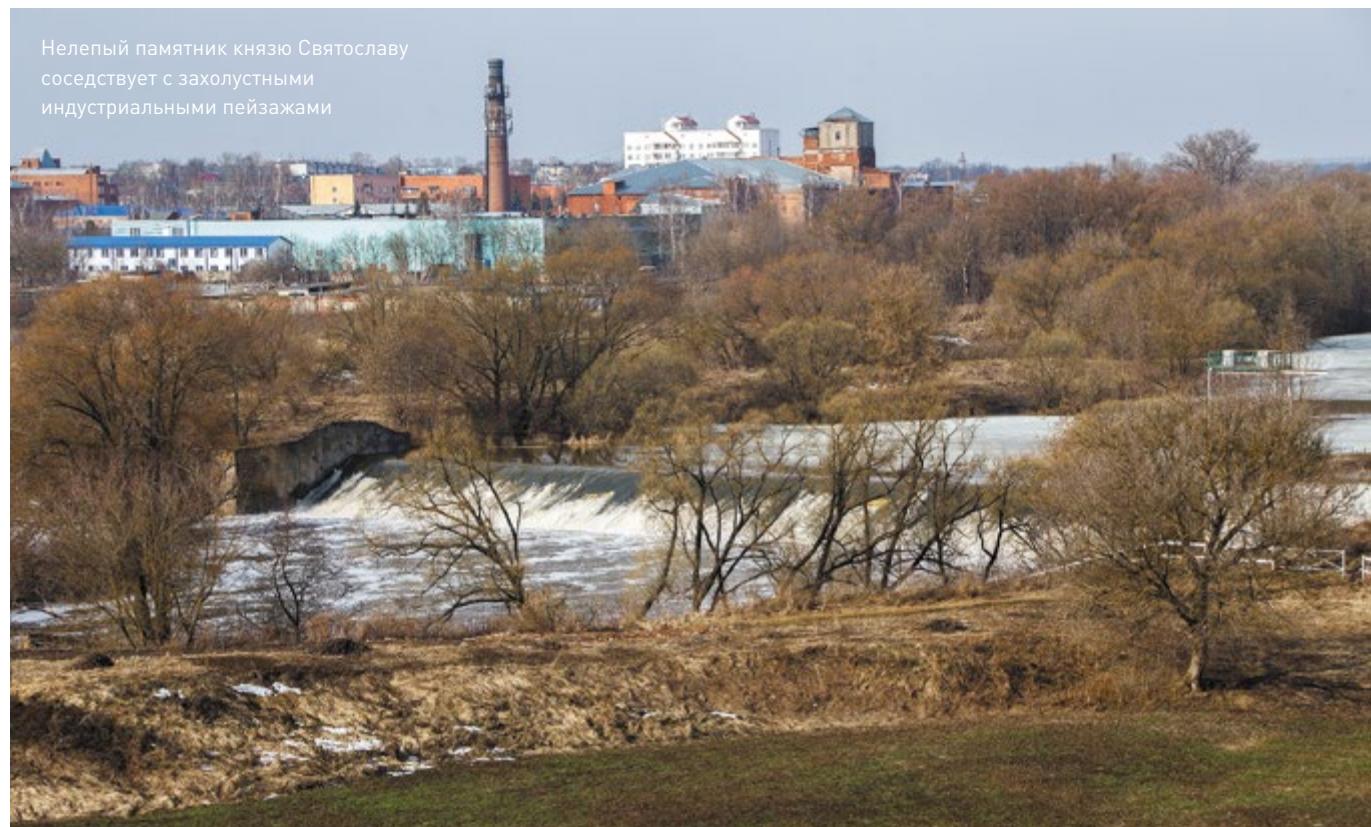

СЕДАЯ ДРЕВНОСТЬ

Конечно, несправедливо винить нынешнюю местную власть в бедах этой, фактически стертой с лица земли крепости. Но серпуховской кремлевский холм сегодня – место забытое. Достаточно просто обойти холм, чтобы убедиться в том, что пока здесь никто ничего восстанавливать не собирается.

Человеку, знакомому с фортификационной традицией Древней Руси, достаточно бросить взгляд на современную карту Серпухова, чтобы понять, что стоявшая здесь крепость была построена в традиционном для славян духе. Это классическое мысовое укрепление славян, возведенное на маленьком обрывистом плато, образованном рекой Нарой и речушкой Серпейкой.

Такому удобному месту должны были завидовать многие древнерусские города. Всего лишь в 3 километрах от кремля Нара впадает в полноводную Оку, а потому Серпухов был защищен от набегов степняков сразу двумя водными преградами. Если учесть, что реки во времена

Средневековья были транспортными магистралями, то получается, крепко защищенный водой Серпухов пользовался еще и близостью торговых путей.

Неудивительно, что самые ранние раскопки на кремлевском холме – а проводил их в 1926–1927 годах местный археолог Андрей Николаевич Воронков – показали, что первое славянское поселение на этом мысу появилось еще в X веке. В краеведческой литературе, описывающей находки Воронкова, сообщается, что на раннем этапе своего существования это селище на кремлевском, или, если называть его правильно, Красном, холме имело одну странность. Оно было маленьким,

а самая оконечность мыса, участок, где во всех иных известных случаях обычно располагается наиболее древняя укрепленная часть поселения, была отведена под... пашню.

Рискнем предположить, что такая странная планировка была вызвана тем, что в X веке автохтонным населением этих мест было балтское племя голядь. И славянская колонизация этих мест проходила, видимо, довольно бурно. Если с финно-уграми наши предки уживались легко, то с балтийскими племенами, родственными славянам, велась жесткая конкуренция. Недаром последний древнерусский князь, погибший в битве с голядью, это Михаил Хоробрит,

Когда-то Серпухов был городом храмов, отблеск былого благолепия сохранился до сих пор

родной брат Александра Невского. Пал он в сражении на реке Протве, устье которой расположено всего в 10 километрах от устья Нары. Между этим сражением и первым славянским поселением в Серпухове на Красной горе пролегают три столетия. И если в XIII веке местные балты были столь неуступчивы, что княжеские дружины выясняли с ними отношения на поле брани, то насколько грозными соперниками первых славянских колонизаторов они были в X веке? Может быть, судьба первых славян, поселившихся на Наре, висела на таком тоненьком волоске, что небольшой участок пашни, защищенный от местных племен частоколом, значительно увеличивал их шансы на выживание, поскольку остальные посевы регулярно и планомерно разорялись?

Так или иначе, но местная «литва», как называют голядь поздние русские летописи, была полностью ассимилирована. Произошло это, правда, довольно поздно, в XV веке, но племена голяди оставили нам массу гидронимов, таких как реки Лопенка и Лопасня, а также голубые глаза и белокурые волосы, столь типичные для исконных московитов.

Въезд на Красную гору. Когда-то здесь стоял «захаб» – узкий коридор между двумя стенами, затруднявший неприятелю штурм ворот крепости

ЗАГЛЯНЕМ В КОШЕЛЬКИ ПРЕДКОВ

Постепенно мысовое укрепление на Красной горе росло и богатело, вокруг города появлялись селения, люди кормились пахотой, охотой. Река давала им рыбу, а проезжающие мимо купцы в обмен на обычные, но столь ценимые любым путешественником бытовые услуги снабжали «серпуховчан» тем, что не могла дать им местная природа. Серпуховские земли в домонгольский период находились как бы на отшибе. Даже Батый во время своего грозного похода на Русь прошел мимо Серпухова: от Рязани к Зарайску, от Зарайска к Москве, а от Москвы – восточнее, во владимиро-суздальские земли.

Об обосабленности этих мест говорит также и то, что период курганов у вятичей Волго-Окского междуречья заканчивается в XII веке, а в Серпухове, точнее, в его окрестностях наши предки придерживались языческих обрядов аж до XIV века. Самые поздние курганы здесь датируются началом именно этого столетия.

Еще при жизни Андрея Воронкова двое рабочих, копая

Владычный монастырь. Бесподобная архитектура XVI века

А неподалеку от Красной горы – вот такая разруха. Георгиевский храм так и не стал одним из цехов хлопчатобумажного комбината

какую-то траншею, случайно нашли огромный клад, совокупный вес серебра в котором составлял почти 11 килограммов! Это был узелок, щедро обмотанный кожаным ремнем, который так и не дал развалиться «заначке», когда ткань полностью истлела. В узелке лежали настоящие сокровища: серебряные шейные гривны, височные кольца, браслеты, платежные гривны, пояс, обшитый серебряными бляхами, женское серебряное очелье. Позже в окрестностях Сер-

пухова были найдены еще два клада: на сей раз арабских дирхемов времен Аббасидских халифов. Как известно, дирхемы были самой ходовой монетой Древней Руси до середины XI века (впрочем, то же самое можно сказать почти про все государства Восточной и Западной Европы той эпохи. – **Прим. ред.**). Этот дирхем, кстати, согласно исследованиям академика Валентина Янина, лег в основу всей средневековой денежно-весовой системы с погрешностью в 0,01 грам-

ма, поскольку, доходя до Руси, арабские монеты теряли в весе, стираясь от частого употребления.

Так что денежки у «серпуховчан» в домонгольский период водились. Начало же «книжной» истории Серпухова – а началась она с «духовной грамоты» московского князя Ивана Калиты, завещавшего «Серпухов» своему младшему сыну, Андрею, – лишь подтверждает предположение о том, что край этот был не бедным.

Так, это удельное княжество должно было платить в казну Золотой Орды ежегодно 320 рублей. Рубль в те времена был половинным обрубком серебряной гривны. Гривна этого периода называлась «монетной», и ее вес равнялся 192 граммам. То есть «Серпухов» выплачивал в золотоордынскую казну почти 31 килограмм серебра. Для сравнения: огромный торговый город орды Хаджи-Тархан, ныне известный как Астрахань, выплачивал Орде 1800 рублей, то есть всего в 5,6 раза больше.

Примечательно, что до времен Ивана Калиты большие аппетиты Сарая в отношении

русских земель с лихвой компенсировались необязательностью выплат по ним. За это ордынские властители высыпали на Русь карательные отряды. И только московские великие князья поняли, что эти набеги гораздо губительнее, чем честная выплата положенных ханской администрации налогов. И как только все злостные неплательщики (например, тверские князья) были призваны к порядку, Русь стала оживать. И в первую очередь это относилось к Москве и ее сателлитам.

Троицкий собор на Красной горе. Его первое здание было освящено накануне Куликовской битвы

Сохранившиеся участки кремлевской стены едва держатся. Возможно, скоро будут потеряны и они

ХРАБРЫЙ КНЯЗЬ

Первый кремль на Красной горе строит сын Андрея Ивановича – Владимир. Если мы не собираемся посвятить остаток статьи личности этого удивительного человека, то даже не будем о нем ничего говорить, ограничившись только двумя моментами. Во-первых, только Владимир Храбрый и его двоюродный брат Дмитрий Иванович за подвиги в Куликовской битве удостоились чести носить титул Донской. Да-да, в русской истории два «Донских» князя, а вовсе не один, как считают большинство соотечественников. Во-вторых, абсолютное большинство исторических городов Подмосковья в ту эпоху так или иначе управлялись именно этим человеком.

Владимир Андреевич Храбрый, или, если называть его правильно, князь Владимир Донской, строит на Красной горе новый, дубовый кремль. Он убирает напольную, то есть обращенную в «поле», часть мыса, отсыпает обращенный в эту сторону вал, чем делает крепость еще более защищенной. Рельеф местности, а точнее, впадина между Успенской, Ильинской и Троицкой церквями как раз и есть след от бурной деятельности этого князя. Укрепления сразу делались внушительными, городу угрожали не только татары, но и Великое княжество Литовское, чьи владения начинались сразу за рекой Угрой. То есть практически за Калугой, от которой до Серпухова всего-то 80 километров.

Параллельно с этим почти в устье Нары Владимир Андреевич строит твердыню Высоцкого монастыря.

А несколько ранее на противоположном берегу Нары строится Введенский Владычный монастырь. Его основатель – митрополит Киевский Алексий (Бяконт), воспитатель как Дмитрия Донского, так и его кузена Владимира Храброго.

СЕНЬКИН БРОД

Таким образом, устье Нары за- пирают сразу три крепости. Такое прикрытие левого берега Оки в этом месте – не случайность. Всего в 30 километрах отсюда находится Сенькин брод – широкий и мелкий перекат на реке Оке. Через него часто переправлялись отряды кочевников, как во времена Орды, так и в более поздний период.

Но не только врагам Руси служили пески, намытые в русло Оки рекой Лопасней и сделавшие это место удобным для переправы.

...Русские войска, собравшиеся 15 августа 1380 года в Коломне, быстрым маршем подошли к Серпухову. Здесь они через Сенькин брод переправились на правый берег Оки и двинулись в сторону Дона. Сам по себе этот маневр воспринимался многими современниками как отчаянный шаг, граничивший с безрассудством. Переправа под Серпуховом через Оку впечатлила современников, в представлении которых логичнее было бы ждать войско Мамая на левом берегу реки. Но Дмитрию Донскому нужно было лишить золотоордынского темника возможности объединиться с литовским князем Ягайло и рязанским князем Олегом.

Форсирование Оки было воспринято как поход на верную смерть, а победа, которую наши предки одержали в Куликовской битве, воспринималась как победа над этой смертью.

Непосредственно накануне похода на Куликовскую битву в Серпухове произошло знаковое событие. В кремле был достроен и освящен Троицкий собор. Конечно, тот храм, что мы видим сегодня на Красной горе – перестройка XVII века, но своды нынешнего здания хранят память о том времени, когда молодая Россия, пока еще маленькими, но уже решительными шагами, выходила на мировую арену...

Распятский монастырь.
При советской власти в его соборе было общежитие техникума.
Примечательно, что здесь студентом жил схиархимандрит Илий (Ноздрин)

ГЕНИЙ ГРОЗНОГО ЦАРЯ

В самый разгар крымско-ногайских набегов на Русь, в 1556 году, Серпуховской кремль перестраивается. Один из самых сильных правителей нашего государства, царь Иван Васильевич IV Грозный, приказывает поставить кремль не из кирпича, как делал его отец Василий III в большинстве случаев, а из белого камня. Серпуховские посады царь приказывает защитить стенами острога. Так серпуховские укрепления становятся похожими

на деревянный щит, из которого торчит острый «тарч» белокаменного кремля, обращенный в сторону степей, в сторону неприятеля.

По всей видимости, Иван Васильевич очень гордился Серпуховской крепостью, поскольку в том же году провел здесь большой смотр служилых людей. Князья, бояре, дети боярские, вся военная аристократия Русского царства приехали под блистающие белизной стены Серпухова. И в этом был немаловажный смысл.

Владычный монастырь прекрасно отреставрирован не только снаружи, но и внутри. Восстановленный интерьер Введенского собора

Во-первых, русская поместная конница мало отличалась от других воинов всего остального мира, которые во все времена старались выглядеть как можно более щеголевато. Меха и парча, бархат и золочение зеркал (доспехов. – Прим. ред.), суровый блеск стали, боевые холопы, обряженные в разноцветные тегиляи (простейшие доспехи. – Прим. ред.), касимовские мурзы, гарцующие на ногайских жеребцах, стрелецкие кафтаны, притягивающие взгляды современников

своими цветами и единобразием. И все это на фоне новой, белоснежной крепости. Естественно, такая демонстрация должна была поднять боевой дух всего войска, восторженные рассказы участников смотра должны были донести эти картины до каждого, кому не посчастливилось увидеть все это воочию. Послание, которое царь хотел донести войску, было простым, а потому действенным: «Аще Бог с нами, никто же на ны?» («Если с нами Бог, то кто против нас?»).

Высоцкий монастырь, здесь находится знаменитый чудотворный образ Божией Матери «Неуиваемая чаша»

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ, ДА НЕСЧАСТЬЕ ПОМОГЛО

Однако молодое государство было еще очень уязвимо. В 1571 году крымский хан Девлет Гирей намеревался разорить окрестности Козельска, но, воспользовавшись тем, что переправы на Жиздре почти не охраняются, быстрым маршем пошел на Москву.

Разорив и спалив дотла ее предместья, Девлет Гирей повернулся в сторону Каширы и Рязани и, захватив огромное число пленных, предназначенных для продажи в рабство, вернулся в свою крымскую столицу Бахчисарай. В том же году Иван Грозный, учтя прошлые ошибки, озабочивается разработкой системы охраны государства. Документ, в котором были изложены ее новые принципы, называется «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». По сути, это первый устав пограничных сил России. В 1572 году царь приступает к реализации разработанной системы. Заключалась она в том, что все наличные силы, направленные на охрану южных границ, делились на пять полков: центральный, или Большой полк, полки правой и левой руки, передовой полк и полк, называвший

Интерьер Ильинской церкви Серпухова. Если вы хотите знать, как выглядели русские храмы до революции, вам – сюда. Ошеломляющее впечатление гарантировано

ся «Ертаул». Задача последнего заключалась в том, чтобы небольшими отрядами, загонами и станицами рассредоточиться по степи и таким образом оперативно заметить неприятеля. Далее в дело вступал передовой полк. Стоял он в Коломне. Его задача была четкой: быстро выдвинуться в сторону неприятеля и дать бой. Крымцы совершили набеги, а не воевали с Москвой. Угроза даже небольшого боя за-просто могла сорвать план всего набега, и татарское войско быстро разворачивалось и исчезало в степи.

Однако события могли развиваться и совсем по другому сценарию, и тогда защита от набега зависела от оставшихся полков. Полк правой руки стоял в Калуге, полк левой – в Кашире, а Большой полк – в Серпухове.

В том же, 1572 году Девлет Гирей решил добить еле живое, как ему казалось, Русское царство. Он собирает огромное войско, как минимум в 60 тысяч человек, и обходит Серпухов с двух сторон: по Сенъкиному броду и выше по течению, а также со стороны деревни Дракино. Уничтожив русские заслоны и отряд воеводы Никиты Одоевского, войска крымского хана форсировали реку и быстрым маршем двинулись на Москву. Тогда князь-воевода Михаил Воротынский, командовавший Большим полком, кидается им в след. Его главная задача сковать силы противника и навязать им бой.

Молодой, но прославившийся многими последующими победами воевода Дмитрий Хворостинин во главе небольшого летучего отряда догоняет татарский арьергард и наголову разбивает его. Крымский хан, авангард которого уже начал в этот момент переправляться через Пахру в окрестностях современного Подольска, решает устраниТЬ угрозу, возникшую в тылу, и разворачивает войско.

К Хворостинину подходят силы Большого полка. Князь Михаил Воротынский приказывает развернуть «гуляй-город» – мобильное укрепление, состоящее из

Город в тех местах, где не видно ран, нанесенных ему XX и XXI веками, безусловно, имеет свое очарование

сцепленных между собой повозок, укрепленных деревянными щитами.

Девлет Гирей подошел к русскому укреплению, в одночасье возникшему на берегу реки Рожай, 30 июля. Так началась судьбоносная для России, да, впрочем, и для Крымского ханства, битва при Молодях.

Три дня длилась кровавая сеча. «Гуляй-город» выдерживал штурм за штурмом. Особую надежду Девлет Гирей связывал с присланым ему османским султаном 7-тысячным янычарским корпусом. Однако не его присутствие на поле боя решило итог сражения. Когда битва довела

до исступления обе стороны, хан приказал своим подданным спешиться и атаковать русское укрепление вместе с янычарами. Воротынский вывел часть своего войска за «гуляй-город» со стороны, не видной неприятелю, провел отряд глубоким оврагом во фланг противника и быстрым ударом опрокинул все его войско.

Из янычарского корпуса не выжил никто. Солдаты, перед которыми трепетали даже неприступные стены Вены, оказались не такой уж и страшной силой для русских стрельцов и поместной конницы. Из подданных Девлет Гирея домой вернулась

Это не простой кот. Это кот – кремлевский, поскольку живет своей кошачьей жизнью на кремлевском холме города Серпухова

едва ли четверть от ушедших в этот поход. Таким образом, система обороны государственной границы, разработанная при Иване Грозном, центром которой почти на век стал Серпухов, доказала свою эффективность.

СУДЬБА ТВЕРДЫНИ

Белокаменный кремль, единственный белокаменный кремль, если не считать московского кремля Дмитрия Донского, устоял в вихре Смутного времени. Его стены видели Лжедмитрия и царя Василия Шуйского, Тушинского вора и попавшую в капкан собственного авантюризма Марину Мишек, Ваньку Болотни-

кова и слугу польского короля Владислава гетмана Сагайдачного.

Накануне Смутного времени, кстати, кремль горит, но быстро ремонтируется. Все потрясения начала XVII века встречает в перестроенном виде и переживает их, можно сказать, без потерь. Но уже через полвека Серпухов снова погибает в пожаре, огонь уничтожает перекрытия кремлевских башен, и они превращаются в груды камней. А вот стены устояли в той катастрофе. В XIX веке стены дважды реставрируют, хоть они и сохранились лишь фрагментарно. Новой, пришедшей в 1917 году власти

Трудно даже представить, что эти обломки, торчащие на гребне кремлевского вала, были когда-то блестящей гордой крепостью. Немой укор в адрес каждого из нас

Камни обрушившихся в XVII веке башен Серпуховского кремля как святыни хранятся в Троицком соборе. Сколько еще таких камней валяется по всей Руси великой?

кремлевский холм в Серпухове был неинтересен. Стены кремля попросту разобрали. Мы даже знаем, кого лично благодарить за этот «подарок». Разрушителем Серпуховского кремля был Лазарь Каганович, которому ну просто неоткуда было взять бутовый известняк, кроме как из стен русской крепости XVI века. Символично, что камень, который привезли на стройку московского метро, по параметрам не подошел строителям, и его раскидали по другим стройкам. Уничтожение Серпуховского кремля стало актом вандализма, предстающего перед нами во всей его бессмысленной и тупой злобе.

Проходишь по краю Красной горы, видишь оставшиеся на ее кромке ямы от фундамента стены, натыкаешься на обломки некогда белоснежной, а ныне почерневшей от грязи и копоти кладки, и сердце обливается кровью от невосполнимой утраты...

ВСЕ ДЛЯ ЛЮДЕЙ...

Сегодня в Серпухов приезжают толпы паломников. В Высоцком и Владычном монастырях хранятся почитающиеся чудотворными образы Пресвятой Богородицы «Неутиваемая чаша». Благочестивый ажиотаж вызван тем, что икона якобы избавляет от недуга пьянства.

Неизвестно, помогает ли икона приезжим алкоголикам, а вот местным – очень даже. Перед обоими монастырями они несут сидячую стражу ради «милостыни» от богомольцев. В короткое время пожертвования конвертируются в огненную воду.

«Ну а что с ними поделать», – по-ожмет плечами скептик... Да нет, друзья. Если в городе одни древние и славные святыни лежат в руинах, как кремль или Распятский монастырь, а другие, пусть даже и отчасти, служат утолению низменных потребностей деклассированных элементов, это просто катастрофа. И никакими фасадами Советской улицы эту беду не прикроешь.

СЕВЕРНЫЙ КРАЙ

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

14 ФЕВРАЛЯ 1910 ГОДА В СЕЛЕ СУРА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ИГРАЛИ СВАДЬБУ.

ВЕНЧАЛИСЬ В ЦЕРКВИ Николая Чудотворца «Пинежского уезда, Сурского лесничества, лесной кондуктор Павел Семенович Сидельников, православного вероисповедания, и учительница Сурской двухклассной церковно-приходской школы Людмила Евгеньевна Никифорова, православного вероисповедания. Лета жениха – 30. Лета невесты – 19. Таинство совершил священник Суровцев с дьяконом Ко-

носовым и псаломщиком Истоминым.

Поручителями со стороны жениха были лесной кондуктор Верхольского лесничества Евгений Щекин и учитель Михаил Осипов. Поручители со стороны невесты – лесной кондуктор Карпогорского лесничества Константин Акимов и учитель Александр Гойлев.

Это – выписка из метрической книги о бракосочетавшихся в 1910 году. Выдана причтом Сур-

ского прихода Пинежского уезда Архангельской епархии.

Серьезный документ: графы, печать, черные чернила, подписи, даже марка зеленая в уголке имеется. Почти все написанное от руки разобрать можно. Я его печатаю с сокращениями.

А вот письмо из Архангельска с благословением от отца Евгения Васильевича Никифорова перепечатать никак не могу. Сохранилось письмо отлично. Но уж больно почерк витиеватый. Не могу разобрать полностью. Благословение длинное, аж две страницы!

Короче говоря, именно в Суре мои бабушка и дедушка вступили в законный брак. На самых

северных просторах Российской империи.

Это родители моей мамы.

А вот посажёнными родителями молодых было семейство Войчаль, Иосиф и Серафима. Иосиф Войчаль, фигура уже тогда известная на Севере, непререкаемый авторитет в лесном деле, выпускник Санкт-Петербургского лесного института. В молодости, работая в Кутаисском лесничестве, он познакомился с отцом будущего поэта Владимира Маяковского – Владимиром Константиновичем. Володю же знал мальчиком, в пяти-шестилетнем возрасте. Войчали и Маяковские дружили всю жизнь. Можно предположить, что для Павла Сидельникова Иосиф Станиславович Войчаль был не только старшим другом, но и учителем, наставником в профессии. А профессии лесничего, лесного ревизора, лесного кондуктора, помощника лесничего весьма ценились в России, а на Русском Севере – тем более.

Согласно закону о довольствии администрации леса от 1913 года, лесничий получал в год 1760 рублей, помощник лесничего – 800, лесной кондуктор – 700. Выдавались им и не-подотчетные 50 рублей в год дорожных денег. По всей стране существовали так называемые двухгодичные лесные школы, где изучение основ лесоводства сопровождалось практикой и экзаменом на должность лесного кондуктора. Со временем екатерининских формировавшихся в стране корпус лесных устроителей, знатоков леса. Удивляться тут нечему – лес играл важнейшую роль в экономике страны.

Мой дед, Павел Семенович Сидельников, как раз и окончил лесную школу в родном Великом Устюге. Учился «по способностям за городские деньги», семья бедствовала, оставшись без кормильца. Отец Павла Семёновича умер от великой русской болезни – белой горячки. Помогали учиться и родственни-

ки, успешные мещане. Мещанско-е сословие Великого Устюга было самым большим в городе – кустари, торговцы, ремесленники, служащие, владельцы мелких лавок и магазинчиков... С каждой зарплаты лесной кондуктор Сидельников отсыпал домой, матери, десять рублей. Гимназию он окончил экстерном. Участвовал в русско-японской войне, служил в инженерных войсках. Получил звание прапорщика и революционным духом, судя по всему, вовсе не пропитался.

Вернулся в родные края, где никогда не существовало крепостного права, взялся горячо за освоение профессии, встретил молодую, белолицую учительницу Людмилу Никифорову, женился по обоюдной любви.

Если на карте соединить с помощью карандаша и линейки три точки – Архангельск, Великий Устюг и Суру, то получится почти равнобедренный треугольник. От Архангельска до Суры – четыреста верст. От Суры до Великого Устюга – пожалуй, все шестьсот. Лесные края, тропы нехоженые, болота, озера. Главный путь – река Северная Двина, короткая летняя навигация. Лишь в 1897 году Архангельск соединят с Вологдой железной дорогой, и, как отмечают учёные мужи в начале века – «торговое значение железных дорог здесь пока еще не велико».

Сура – село особенное. Родина Иоанна Кронштадтского. Много трудов и денег вложил пре-подобный в Суру. Монастырь, церкви, школы, аптека, читальня, больница, собственный монастырский пароход, лесопильня, лавка с десятитысячным годовым доходом, мельница, мастерские, заводики... Отец Иоанн скончался в 1908 году, но Сура развивалась, притягивала.

В Архангельске было устроено монастырское подворье Сурского монастыря. Красивое многоэтажное кирпичное здание. Не оттуда ли начался путь Людмилы Никифоровой в Суру?

Ведь это поступок для девушки тех лет – оставить отчий дом и уплыть по Двине в далекую Суру – учительствовать и жить независимо. Что было главным в таком выборе? И от кого взято больше: от веры и проповедей отца Иоанна или от путаных учений графа Льва Николаевича Толстого и его знаменитых книг? Вопросы, разумеется, риторические.

Счастливо жить им пришлось недолго. Про несчастья, как всегда, хочется сказать коротко. И, как всегда, это редко удается. В 1914 году началась Первая мировая война.

В 1915 году в семье Сидельниковых уже четверо детей: Женя, Лева, Сима и Петя. Все – мальчики. Зимой Сидельниковые жили в Архангельске. Снимали второй этаж в деревянном купеческом доме. Платили за наем 30 рублей в месяц. Держали няньку. Посещали театр и каток. Читали газеты и книги. Летом – основные работы по лесоустройству, письма, дальние дороги, встречи и расставания.

И вот тут Павла Сидельникова вновь призвали на войну. На этот раз – с немцами. Его снова определяют в инженерные войска. Пришлось Людмиле Евгеньевне возвращаться в школу. Учить детишек окрестных деревень. А заодно и обшивать их – за продукты, которые стали вдруг исчезать в городе, как стали исчезать и наличные деньги. Прямой товарообмен становился нормой. Приданое – швейная машинка «Зингер» – очень пригодилось тогда моей бабушке Люсе.

Россия тем временем потихоньку сходила с ума. И в 1917-м – сошла окончательно.

Революционные события в Архангельске в целом типичны. С поправкой на северный, выдержаный характер. На общую малочисленность края. На удаленность губернии от главных военных и революционных центров.

Проще говоря, в эпоху революции, интервенции и Гражданской войны здесь было пролито сравнительно мало крови. Здесь и героев с обеих сторон оказалось маловато. Здесь было меньше ожесточения и одичания масс. Северный край... Видимо, сама природа здесь – против смертоубийства.

Дед мой возвращается в город в 1918 году. Где и как он воевал – мы, увы, не знаем. В Архангельске – интервенты. Англичане и американцы. Ведут себя нагловато. Пьют, грабят и озоруют. Дерутся даже с местной милицией. Правительство во главе с меньшевиком Николаем Чайковским не ставят ни во что. Зато устраивают первый в России концентрационный лагерь – на острове Мудьюг, что в Двинском заливе Белого моря. Туда отправляют попавших в плен красных, большевиков и сочувствующих, тех, кто принял сторону Советов. В том числе и бывших царских офицеров, мичманов, моряков. Советы сбежали заблаговременно. До высадки бывших союзников. Никакой битвы за город не было и в помине. Оккупанты пришли, Советы ушли. Действует городская управа и вся администрация города. Работают театры. Выходят газеты. Есть попытки организовать в городе Белое дело. Возникает Владимир Марушевский, спешно назначенный командующим Северной белой армией. Армии как таковой пока нет, вот и начинается набор в белую армию. Позже военную власть передадут Евгению Миллеру. С начала 1919 года он пышно именуется генерал-губернатором Северной области. Тоже пытается создать армию и тоже неудачно. Не помогают и жесткие приказы. И разжалования в рядовые. И стоны про офицерскую честь. Никто не хочет воевать. Тем более после расстрела царя. Неизвестно многим – за кого, собственно, воевать. И с кем. И против кого.

Недавние союзники, они же интервенты, воевать на чужбине совсем не стремятся, помочь белым не рвутся и в сентябре 1919 года покидают город. Уплывало от русской северной земли чуть более 40 тысяч иностранных солдат и офицеров. С ними уехало всего-то 6 тысяч 535 жителей Севера. Свободные места на уходивших из Архангельска пароходах были, были и приглашения уехать. Интервенты ушли, красные пришли. Белые разбежались. Без особого сопротивления в феврале 1920 года Красная армия вступила в Архангельск. Теперь уже навсегда. Начался набор в Красную армию. Не Киев, конечно. Жидковато, просто, в сравнении со знаменитым булгаковским тезисом: «Меня мобилизовала пятая по счету власть...»

Между прочим, в эту Красную армию записывается в срочном порядке будущий классик советской литературы Леонид Леонов. Ранее Леонов немножко послужил в белой армии. Леонову тогда – 21 год, о мировоззрении, наверное, говорить рановато. Зато вопрос жизни и смерти стоит очень остро. Леонов под псевдонимом Лапоть будет писать красноармейские агитки под Перекопом, когда про него вспомнит архангельская ГубЧека... В 50-х Леонов напишет роман – из северной жизни. Он назовет его – «Русский лес». Главные его герои – лесоустроители.

Для жителей города, далеких от политики обывателей, эти годы запомнились голодом, испанкой (так называли грипп), косившей всех подряд, и лихорадочной сменой денег, которых на руках все равно было мало.

Людмила Евгеньевна должна была не просто выжить, а спасти от голодной смерти своих сыновей. Хлеб, вспоминала она, пекли в деревнях из соломы, он был красив на вид, но невкусный и даже опасный для желудка.

От испанки умерла родная сестра – Александра Евгеньевна, тоже учительница. Это от нее перешла по наследству в нашей семье фраза: «Крым? Только в ссылку». Так она характеризовала выезд к Черному морю, устроенный для архангельских учителей царским министерством образования. Не понравилось ей в Крыму, слишком жарко и пыльно. Кстати сказать, эта оценка недалека от оценок Чехова про татарско-парфюмерную Ялту.

Умирали от гриппа те, кто использовал русскую баню как средство лечения.

Питались в городе кониной. Мыла не было, очень плохо было с табаком. Круп в продаже не было никаких. Не помогал ни скучный английский паек, ни вводимые правительством карточки. Выручала рыба.

И все же детей они выходили, уберегли. Более того, в 21-м году в семье Сидельниковых родился пятый сын – Сергей.

Про деньги Архангельска той поры написаны целые исследования. Дело в том, что наличных денег в городе и губернии не стало хватать еще со времен войны. Финансовая политика Временного правительства ситуацию не изменила. В «керенки» – купюры в 20 и 40 рублей – не верили, но их было мало. Царские деньги хранили, откладывали. Советская власть успела отпечатать «моржовки». Они были названы так потому, что талантливый художник Сергей Чехонин, ученик Репина, умудрился на чеке номиналом 25 рублей уместить картинки, характерные для Севера – снег, торосы, белый медведь, морж, рыболовные сети. Однако большую часть городской кассы большевики прихватили с собой, покидая город в начале 1918 года.

Затем были «чайковки», облигации добровольного займа, вынужденно перепрофилированные в деньги, затем пришли «северные рубли». Вот эти

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

последние были отпечатаны в Англии и считались твердой валютой. 40 северных рублей поначалу равнялись 1 фунту стерлингов. Был создан особый фонд в Английском банке под обеспечение проекта. Северные рубли быстро стали популярными и мигом разошлись среди архангелогородцев.

Скорее всего, именно в северные рубли и вложил мой дедушка семейные накопления. Вложился и проиграл! Ну нет у нас в роду коммерческого дара... Северные рубли были отменены сразу после ухода англичан и американцев из Архангельска. А уж Советская власть попросту преследовала их владельцев. Вот почему и гуляет в нашем роду невеселая легенда про то, что «Англия нам должна».

Сижу, перелистываю паспортную книжку моего деда. Выдана в 1919 году, значит, при англичанах и при правитель-

стве Чайковского. Выдана на пять лет.

Она носит явные свидетельства переходной эпохи. Так, отрывки из царских указов перечеркнуты вертикально крупным штампом – ОТМЕНЕНО, – но слово это напечатано еще по старой, именно царской орографии. Вот так примерно: ОТМЪНЕНО.

«Выдана Архангельским Управлением Государственных имуществ тысяча девятьсот девяностодцатого года марта месяца 6 дня Павлу Семеновичу Сидельникову

...2. Звание: Лесничий Конецгорского лесничества

3. Время рождения или возраст: 4 января 1880 года».

(Эх, карьера-то удавалась деду. В 39 лет оклад – 1700 рублей в год. Царские министры получали чуть более 2 тысяч... Да вот где они теперь – эти оклады да министры...)

...5. Род занятий: Государственная служба

6. Состоит ли в браке: женат

7. Отношение к отбыванию воинской повинности: Прапорщик Инженерных войск».

Но вот я нахожу в архивах спичечек белого воинства Северной области по старшинству и вижу, что осенью 1919 года Павел Сидельников произведен в поручики. Именно в сентябре произведен, как раз тогда, когда англичане оставили город.

И теперь-то, с присвоением этого звания, нет никаких сомнений в причинах бегства, или, лучше сказать – исхода, нашей большой семьи из Архангельска.

С 1920 года чекистский пулемет в Архангельске стрелял все чаще и чаще, а расстрельные списки становились все длиннее... «Тройки особого совещания» шутить не любили, и концлагерь союзников на острове Мудьюг стал вскоре детской забавой, историческим пустяком, отправной точкой для победителей.

ПО ТРАКТУ, ПО ШИРОКОЙ ДОРОГЕ...

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ТРОЙКИ – УНИКАЛЬНОЙ ЗАПРЯЖКИ ЛОШАДЕЙ – НАСЧИТЫВАЕТ БОЛЕЕ ДВУХСОТ ЛЕТ. УЖЕ НЕ РАЗ ТРОЙКА ОКАЗЫВАЛАСЬ НА ГРАНИ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ, КАЗАЛОСЬ, ЕЩЕ НЕМНОГО – И ОНА КАНЕТ В НЕБЫТИЕ. НО КАЖДЫЙ РАЗ НАХОДИЛСЬ ЭНТУЗИАСТЫ, СПАСАВШИЕ РУССКУЮ ТРОЙКУ ОТ ЗАБВЕНИЯ...

— В

НАСТОЯЩЕЙ
тройке должны
быть лошади од-
ной масти! Если

коренник гнедой, то и все гне-
дые. Вороной – так все вороные.
А у Морозова разномастные ло-
шади! Как Морозов может вы-
играть? Красоты-то нет! Да еще
двух коренников привез! – кип-
пятится наездник из Воронежа

Алексей Добросокин.
У самого Добросокина трой-
ка орловских рысаков – серых
в яблоках. Наездник из Костро-
мы Евгений Морозов отвечает
коллеге, что разница в масти не
имеет значения: об этом в пра-

вилах турнира не говорится.
И насчет смены коренника в
тройке запрета в правилах тоже
нет. Пристяжные-то у него одни
и те же. Ну привез второго ко-
ренника. Получается, две трой-
ки... Дальше Морозову объяс-
няться не хочется. Он смотрит
на медленно падающие сне-
жинки и говорит, что снег будет
налипать на копыта. Может,
придется расковывать лошадей,
чтоб им легче было выступать.
Но Алексей не дает увести раз-
говор в сторону:

— Твой коренник Беркут тем-
но-гнедой, а пристяжные –
вороные!

Алексей
Добросокин
уверенно
правит своей
серой в яблоках
тройкой

Эта дама
в амазонке
словно сошла
с живописного
полотна XVIII–XIX
веков...

— Ну и что? Темные они. Не разберешь, — отшучивается Морозов. — Тут нет такого, чтобы однотонные все были! Хоть пегих запрягай. Тут в правилах не написано! Про разномастных...

— Тут в правилах!.. — возмущенно кричит Добросокин. — Мне не разрешают коренника во второй раз перепрячь, а Морозову — можно! Морозов его спрашивает, а есть ли у него второй коренник. Второго коренника Добросокин не привез.

— Тебе положение о турнире прислали. Ты бы заявлял заранее второго коренника. А не в день соревнований. У меня коренники Беркут и Купидон заявлены заранее, — объясняет Морозов. — И что ты ко мне пристал? Иди к судьям! Добросокин вертит в руках хлыст и обиженно глядит на широкую спину Морозова, который исчезает в воротах конюшни. Оставшись без оппонента, Добросокин оглядывается (я, к несчастью, оказываюсь рядом), дергает меня за рукав и напускается:

— Чего рот раскрыл?! Смотри, чтобы не задавили. Ногу оттопчут — не заметишь!

КРАСОТА НАСТОЯЩЕЙ ТРОЙКИ

...Уши закладывает от несмолкаемого звона бубенцов и скрипа полозьев по снегу. Вокруг — тройки! Разукрашенные дуги. Нагрудники в сверкающих бляхах, роскошные кисти... Движение как на оживленном перекрестке! Это наездники вывели лошадей на проминку...

Как известно, тройка — это единственная в мире разноаллюрная запряжка. Коренник (лошадь в центре) должен идти рысью, пристяжные — скакать галопом. Тройка может развить скорость до 50–60 километров в час. Считается, что она красивее и «правильнее», когда в нее запряжены лошади одной масти. Так что Добросокин формально прав, критикуя костромского коллегу насчет масти. Но у каждого турнира свои правила. Еще и не такие споры на зимнем фестивале экипажной езды «Кубок губернатора Владимирской области для русских троек. Большой Владимирский тракт. По Золотому кольцу» можно было услышать.

Ну, вот, к примеру, Леонид Шевченко из Москвы, представляющий Музей орловского рысака и русской тройки. Сани

у него старинные – почти музейный экспонат. Покрывает он их ковром. Остальные наездники ходят в высоких валенках-чесанках, а Леонид щеголяет в начищенных сапогах. Весь предыдущий вечер Леонид грохотал сапожищами по деревянному настилу конюшни и громко требовал от организаторов принести в денник, где стоят его лошади, чистые и сухие опилки, убрав промокшие и грязные. Он ни за что не будет выступать, если на его серебристо-серых красавцах будет хоть одно желтое пятнышко! Бросит все и уедет. «А к опилкам и стружки надо! – кричал он председателю оргкомитета турнира Марине Великановой. – Я не кляч приехал показать людям, а красоту настоящей русской тройки!»

Никуда он не уехал, конечно. И сейчас на плацу, где участники демонстрируют фигурную езду, выступает парадная тройка орловских рысаков Леонида Шевченко. Наездник в синем кафтане, подпоясанном кушаком, правит стоя. Серые орловцы то разгоняются, то, сделав разворот, застывают, изящно выгнув шеи. Облаками вздымаются снежная пыль. Каким чудом сани не опрокидываются,

Настоящую нежность ни с чем не спутаешь

Перед выступлением Леонид Шевченко шепчется с орловским рысаком Скобарем, коренником своей тройки

публика не понимает, но ахает от восторга. «Леонид Шевченко – поэт орловского рысака!» – слышится комментарий ведущей турнира Марины Великановой, той самой, которую он вчера чуть до слез не довел. Но за такую красивую езду она готова терпеть его несносный характер. Она так и говорит: «Выступление Леонида – это праздник!» А еще слышно, как наездник горланит песню! Это фирменный знак Леонида Шевченко: править тройкой, распевая песню.

Публика в восторге, но знатоки машут рукой. «Выкрутали Лени Шевченко нам известны. Заносы он делает эффектно, но лошади на каждом шагу меняют ноги, так как наездник постоянно дергает за удила. Коренник у него сильный, вот и получается публику аффектировать!» – комментирует знаменитый наездник Виктор Лапоников из Государственного комплекса «Завидово». Он вздыхает. Ему жаль, что свою тройку привезти не получилось.

– Это только кажется, что запряжены все тройки одинаково. Здесь на турнире присутствует несколько школ троичной езды: костромская, вологодская,

воронежская. Отдельно надо назвать фоминскую, – объясняет наездник из Москвы Андрей Корчагин, который готовится к фигурной езде. Фоминская езда (соответственно, и упряжь) названа так в честь Владимира Ивановича Фомина. Имя этого человека, жившего во Владимире и возродившего русскую тройку, многократного победителя и рекордсмена чемпионатов русских троек, на турнире произносится с почтением. Вот тот же Алексей Добросокин, к примеру, учился езде у Виктора Мишина в Пензе. А тот ездил

В образе ямщика почтовой тройки Алексей Добросокин

По-разному заплетают и украшают гривы и хвосты лошадей в тройках, но такие косички только на рысаках из Воронежа

вместе с самим Владимиром Фоминым. Друзья они были. Мишин свою тройку оставлял на городской улице непривязанной. Только вожжи на облучок наматывал. И тройка стояла около двери чайной как вкопанная. Добросокин подражает своему учителю. «Не та тройка хорошая, которая умеет бежать, а та, которая умеет стоять! – покрикивает Алексей на тех, кто привязал коренника к забору. – Стыдься!»

Не критикует Алексей только Андрея Корчагина, девятикратного чемпиона России в езде на русских тройках. Если Добросокин учился у друга Фомина, то Корчагин – у самого Фомина. Андрей ездит на тройках с 1987 года. В трудные 1990-е, когда интерес к тройкам угас, лошади распродавались, а наездники по большей части пересели в седла жокеев, Корчагин русскую тройку не предал.

– Я тоже грешен. Изменил тройкам. Потом вернулся, – признается Алексей Добросокин. – Мы все изменили. А он – нет. Правда, когда Корчагин отворачивается, Алексей по секрету сообщает, что кореннику корчагинской тройки, ворононому орловцу Жучку, уже 12 лет и у него все копыта «клееные-переклееные». А самый лучший коренник, который присутствует на турнире, конечно, в тройке Добросокина. Серый орловский рысак в яблоках Интересный. Подковы на нем шведские, и в них вставлены шипы с победитовыми наконечниками...

СОПЕРНИКИ

О том, что не стоит удивляться пикировкам троекников друг с другом, меня заранее предупредила Марина Великанова. Да и нынешним фестивалем троекники не во всем довольны. Турнир русских троек «Владимирский тракт» включает в себя два этапа. В первый день в фигурной езде троекники, демонстрируя искусство управления упряжкой, делают развороты, волты и другие фигуры. На второй день назначен паркур: езда на тройках по маршруту с препятствиями. Венцом турнира должны стать бега троек взапуски в чистом поле. Но объявляли турнир как праздник троек, а тут, оказывается, и в «фигурке», и в паркуре вперед надо пропустить и одиночки, и пары. А тройки, как гвоздь программы, оставлены на финал фестиваля. Поэтому наездники троек, ожидая очереди, в нетерпении бродят по конюшне. Разглядывают чужих лошадей, сани, упряжь, дают намеренно заниженные оценки, чтобы сбить с конкурентов гонор. Все они знакомы не один десяток лет, давно конкурируют на ипподромах страны. Добросокин и Морозов – тоже давние соперники. Оба они троекники, а какие

Полтора века назад такой выезд никого бы не заставил даже оглянуться, а теперь эту редкую картину только на фестивале экипажной езды и увидишь

разные! У Добросокина сбруя хранится в брезентовом мешке, который он ставит у столба в конюшне. У Евгения Морозова сбруя спрятана в большом сундуке с железными углами. Морозов бережно достает сбрую, ворча насчет Добросокина: «У друга Фомина он учился! А меня сам Фомин учил запрягать тройку!»

Морозов в молодости был тренером верховой езды в Костроме. Тройку видел только со стороны. Когда ему поручили сесть на тройку, то вручили старую сбрую, которая уже была собрана. Собранную сбрую на

тройку надеть несложно. А когда поехал в Москву на фестиваль «Русская зима», который проходил на ВДНХ, то ему дали новую сбрую. А ее нужно собирать по ремешкам. Он растерялся, но за спиной новичка встал сам Фомин и стал показывать, что и куда пристегивать. Атмосферу фестиваля «Русская зима» хорошо помнит и Алексей Гриценко, который участвует во «Владимирском тракте» с тройкой владимирских тяжеловозов. Застал те времена и Леонид Шевченко, начинавший карьеру троекника на конюшнях павильонов ВДНХ. Был он тогда совсем мальчишкой. Но со знаменитыми троекниками по молодости лет горячо спорил. «Глупый был! Мне бы слушать их...» – бьет он себя в грудь кулаком, когда с Гриценко и Морозовым вспоминает то золотое для троек время. И получается, что сюда они приезжают не только за призами, но и пообщаться, поглядеть друг на друга. «Вот только Леха Добросокин хочет нам что-то доказать!» – подсмеиваются они над воронежцем, который уже надел тулуп и отправляется запрягать лошадей, так как раздалась команда готовиться его тройке. «А я вам предлагал съехать. Мне отдать приз.

Наездник тройки владимирских тяжеловозов Алексей Гриценко

Только Леонид Шевченко своей тройки укрывает дорогим ковром

Чтобы не позориться!» – смеется в ответ Добросокин. Хоть в январе нынешнего года он и занял второе место в фигурной езде на Московском ипподроме, Добросокин в этом виде соревнований все-таки дебютант. Сидя на облучке с папирской, он становится серьезным и собранным. На голове Алексей папаха. Жена Ольга потуже затягивает ему кушак на тулупе. Алексей сжимает в кулаках вожжи и трогает. «Пошла, холера!» – кричат вслед его тройке и тут же начинают обсуждать лошадей Алексея. Пусть его тройка и подобрана в одну масть, но пристяжные чуть мелковаты для такого коренника. И зря он их лентами разукрасил. И зачем кистей навешал? Они летом хороши – мух отгонять. А сейчас – зима.

У девятирекордного чемпиона России Андрея Корчагина дуга не расписана, как у других, и оглобли без цветочков и украшений. Никто не делает ему замечаний, когда он по-иному запрягает лошадей. «Все через седельник и подбрюшник завязывают с одной стороны. А я – с двух сторон. Этой запряжке меня Фомин научил», – говорит он. Бубенцами Андрей не пользуется. Поэтому самый лучший наездник троек выезжает из

конюшни без лишнего шума. С плаца, где проходит выступление по фигурной езде, возвращается Добросокин. Выступил он плохо. «Что это за езда! Диагональ – 40 метров! Они растопиться не успеют, а надо их тормозить! Фигурная езда – это по части Морозова! – жалуется он с облучка Корчагину. – Гонки в поле нас рассудят!»

Лошади украшаются так же ярко, как и их наездницы

ДВЕНАДЦАТЬ ТРОЕК

Судить соревнования троек пригласили Василия Никитича Фролова, 46 лет проработавшего на Пермском ипподроме. По памяти может рассказать родословную любого рысака России. Фролов лично знал прежних знаменитых троечников СССР: Фомина, Решетникова, Кузнецова и даже забытого всеми Люфта... По его словам, на нынешнем «Владимирском тракте» нет только Александра Панкова, а вообще-то тут собрались все корифеи тройки, неоднократные чемпионы, призеры международных соревнований.

Рядом с Василием Никитичем стоит женщина с судейскими протоколами и секундомером в руках. Такого сюрприза, как встреча с дочерью короля русских троечников Ольгой Владимировной Фоминой, приехавшей на турнир в качестве судьи, Фролов не ожидал. И Корчагина, и Морозова, и Шевченко, и многих других троечников Ольга Владимировна помнит мальчишками, когда они приходили к ее отцу на конюшню во Владимире. Все они подходят к ней поздороваться, помянуть добрым словом Фомина и посетовать на невнимание к русской тройке, которая пережила не один период упадка. В 1950-х годах ее возродил Владимир Фомин. Он объездил с русской тройкой Европу и США. Новый упадок тройки пришелся на 1990-е годы. Возродилась она благодаря энтузиастам. Ассоциация «Содружество рысистого коневодства России» основала ежегодный чемпионат страны по русским тройкам. АТК «Богдарня», администрация Владимирской области, фонд «Владимирский тракт», Общество любителей экипажной езды, организовавшие летние и зимние турниры на Владимирщине, уже который год тоже включают в программу соревнования русских троек.

– Думаете, так просто затащить за тысячи верст сюда рус-

ские тройки? – спрашивает президент Общества любителей экипажной езды Марина Великанова и жалуется на все насмешки, которые она претерпела от троекников... «Вы и сами увидели, какой они народ, – шутит теперь Великанова. – Я их «камарильей» зову!» Переговоры с троекниками об участии во владимирском турнире ведутся долго. Порою нужно приехать к ним в гости, выказать уважение, посидеть на конюшне, прокатиться на тройке, посмотреть выступления на ипподромах. Да и просто так выступать они не поедут. Им деньги надо зарабатывать, ведь содержать тройку – очень дорогое удовольствие.

В первом турнире, вспоминает Марина, участвовало всего 7 троек, причем две из них – местные. Зрителей собралось мало. Снег – и тот из поймы привозили... В прошлом году на турнире было 9 троек. А на нынешнем турнире – 12! «Это большая цифра! – уверяет Марина Великанова. – На чемпионате страны по русской тройке в прошлогоднем турнире вообще выступали всего три экипажа, причем две тройки сошли с дистанции».

Турнир «Владимирский тракт» год от года усложняется. Страже судейство. Зрителей больше. Вот впервые приехал знаменитый Андрей Корчагин. Призовой фонд, на который выделяет средства областная администрация, увеличивается и вызывает азартный ажиотаж среди троекников. «Но дружескую атмосферу азарт и соперничество не разрушают, – уверяет Марина Великанова. – В бегах троек нет некрасивых приемов. Это не рысистые бега и не скачки. Мы хотим показать людям не конкурентную борьбу, а то, что тройки живы. Ими можно любоваться. Русская тройка – это такой же великолепный образец русского искусства, как живопись и архитектура, только живой».

Судьи
совещаются.
Слева Ольга
Фомина, дочь
короля русской
тройки

ПО ВЛАДИМИРСКОМУ ТРАКТУ

Верстовые столбы установлены на плацу для паркура и для антуража, а также для обозначения препятствий. Дорожку для них расчищали несколько дней, троекники заранее ее объехали, выглядывая помехи. А то вот Леонид Шевченко выискал тракторную деталь в снегу и отказался участвовать в гонках. Во время выступления в паркуре у одной из его пристяжных оторвалась постремка. Судьи сняли

немало баллов за выступление, а Леонид с этим решением не согласился. Обида его понятна. На «Владимирский тракт» он приехал заработать денег на поездку в Испанию, куда на парад экипажей пригласили его замечательную тройку. И вот – придрались к оторванной постремке.

А Алексея Добросокина вообще сняли с паркура за неисправленную ошибку. Но больше всего он досадует из-за того, что его соперник Евгений Морозов и в фигурной езде, и в паркуре занял первые места. Так что реабилитироваться Добросокин может теперь только в поле – в бегах взапуски. Если получится обогнать самого Андрея Корчагина, в паре с которым поставили Алексея, то победа может спасти репутацию. «Андрею за его Жучка дают полмиллиона. А за моего коренника Интересного – миллион! У него выработанная лошадь! А у меня Интересный – нет его лучше!» – говорит Добросокин своим помощникам. Но они не очень в это верят: может, Жучок и выработанная лошадь, зато пристяжные у Корчагина «зажигалки». Не зря их на Московском ипподроме прозвали «демонами».

Молебен
перед началом
турнира провел
протоиерей
Владимир Кузин,
настоятель
храма Святых
жен-мироносиц
деревни Крутово

.. Жучок Корчагина идет на полкорпуса впереди пристяжных, которые, красиво выгнув шеи, проносятся мимо зрителей, столпившихся у края дорожки. «Отойдите на два шага назад», – требуют судьи, но их просьбы тонут в криках и свисте болельщиков. Становится ясно: хоть организаторы турнира и подчеркивали, что гонки взапуски носят показательный характер, а сами троекники равнодушно твердили, что стружку с лошадей снимать не будут, – это не

так. Наездники разогнали тройки во всю дугу! Вот они летят по противоположной стороне. Зрители орут: «Давай! Давай!» Тройки проносятся мимо, обдавая нас ветром и снежной пылью, и заходят на второй, решающий круг.

Василий Фролов комментирует ситуацию. Доброскокин сделал бросок, но его коренник сбился, перешел с рыси на галоп, и тройка отстала от лидера. Но вот сбоит и Жучок, и тройка Корчагина тоже теряет темп. Его

этой гнедой тройкой, победительницей турнира, управляет Евгений Морозов из Костромы

Из юных наблюдателей могут вырасти отличные троекники

догоняет Доброскокин. Очень интересный момент! Рядом со мной стоит Григорий, водитель коневозки, который привез тройку Доброскокина, и тоже комментирует: у Алексея орловцы какие-то облегченные, они хороши для рысистых бегов, но чувствуется кровь арабская или английская. А у Корчагина рысаки орловские, они грузнее, мощнее. Для тройки они лучше! Из поворота, в который вошли оба соперника, первой выходит тройка Корчагина и летит по финишной прямой.

– Заезд выиграл девятикратный чемпион Андрей Корчагин! – кричит Фролов. Но это и так все видят. Тройка Доброскокина летит по следам соперника. Но спешить уже некуда...

«Какая мощная рысь! Какие красавцы! Вот что такое русская тройка!» Но эти слова Фролов говорит уже о второй паре троек, которые уходят в гонку...

Древний Владимирский тракт, засыпанный глиной, песком, гравием, асфальтом, занесенный снегами и пылью времени, кажется, только в эти минуты и оживает, радуясь тому, что, несмотря ни на что, по нему опять несутся русские тройки!

РОСТОВСКИЕ КОЛОКОЛА

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

И НА СТАРУШКУ БЫВАЕТ ПРОРУШКА.
А УЖ МЫ-ТО ПРЯМО В ГАЛОШУ СЕЛИ –
И НИЧЕГО С ЭТИМ НЕ ПОДЕЛАЕШЬ.
СОБИРАЛИСЬ, ПОГОДУ ВЫГАДЫВАЛИ,
ЧТОБЫ СЪЕМКА ПОЛУЧИЛАСЬ.
ВЫГАДАЛИ...

ПОГОДА И В САМОМ деле установилась отличная, как на картине Игоря Грабаря «Март». Весна в самом свете. В понедельник музеи не работают – решили ехать во вторник. Пораньше тронулись, чтобы в Ростов Великий успеть к утреннему колокольному благовесту. Успели. А колоколов что-то не слыхать. Что такое? В чем дело? – спрашиваем. Так ведь пост, отвечают в музее, в пост колокола не звонят... Вот и приехали послушать ростовские звоны...

ВЫШЕ ИВАНА ВЕЛИКОГО

– Что делать будем? – спросил Андрей, фотоаппарат которого теперь бесполезно болтался на ремне.

– А что делать? Будем делать что сможем, – сказал я. – Сегодня по окрестностям проедемся, а завтра появится этот Василий Анатольевич, директор Колокольного центра – тогда и будем с ним разговаривать.

С горя поехали мы в Поречье-Рыбное – большое село, его из Ростова видать на южном берегу озера Неро: там колокольня торчит – за 20 километров видно, может, есть на ней колокола? Слышал я, что построили ее пореченские крестьяне на свои деньги, причем так строили, чтоб колокольня эта была на зависть всем – выше Ивана Великого в Московском Кремле. Приехали, и точно: прямо посреди площади стоит столп высотою до неба, только понизу трещины уже пошли да все колокола давно посыпали.

Встретил нас знаток местной старины Александр Геннадьевич Морозов. Спросили его, правда ли, что эта исполинская колокольня церкви Никиты Мученика построена на средства одного крестьянина. И выяснилась вот какая история. Еще до отмены крепостного права Поречье, бывшее вотчиной графа Владимира Григорьевича Орлова, слыло богатым селом, славным своими огородами: здесь земли тучные,

Звонница
Борисоглебского
на Устье
монастыря
с курантами
XVIII века

заливные, каждый год Неро, разливаясь, оставляет на земле тонкий слой сапропеля – органического ила, образующегося на дне озер.

Картошка, капуста, лук, огурцы давали невиданные урожаи. В «отход» на заработки крестьяне ехали в Москву и Петербург и тоже, разбивая невдалеке от обеих столиц огороды, снабжали лавки овощами и даже свежей спаржей. А в конце XVIII века у самых зажиточных крестьян родилась идея прославить свое село строительством невиданной в России колокольни. Приступило к этому делу человек 20–30 орловских крепостных, начальником строительства избрали Алексея Степановича Козлова, который к моменту окончания стройки был выбран на селе бурмистром. А архитектором стал крепостной зодчий Александр Цуканов, который и определил барочный вид колокольни. Легенда гласит, что помогали ему столичные архитекторы Джованни и Доменико Жилярди, однако доподлинно известно, что они проектировали ограду вокруг церкви и колокольни, а об участии их в проектировании колокольни упоминаний

нет. В 1799 году крестьяне обратились к графу Орлову с просьбой дать им 5-процентную ссуду в 5 тысяч рублей для окончания строительства: тот от процентов отказался, а деньги дал. Правда, когда и на следующий год к графу пришли с тою же просьбой, тот в деньгах отказал и напомнил, что не против был бы получить долгок. Долг был возвращен, и достраивали чудо-колокольню крестьяне уже на свои деньги. И отмахали пятиярусную звонницу, высота которой, 94 метра, действительно превосходит Ивана Великого (81 метр).

Деньги водились у пореченских немалые. Когда в 1808 году граф Орлов отпустил на волю бывшего своего крепостного Алексея Козлова, тот записался купцом первой гильдии и объявил капитал в 50 тысяч рублей... Тогда и в Ростове людей с таким состоянием насчитывалось всего тричетыре семьи.

После подобных рассказов смотреть на нынешнее состояние колокольни – горькая беда. Колокола сняты. Нижний ярус, выполненный в виде триумфальной арки, пошел трещинами. Вокруг валяются сколотые глыбы белого камня: это облом-

ки белокаменного пояса колокольни, обрушенные, когда в 1930 году колокола сверху сбрасывали. На третьем ярусе колокольни было 10 больших колоколов, на четвертом – механизм курантов, а на пятом – 11 часовьев. Ничего от них не осталось. Некоторые колокола разбивались вдребезги – и эти куски колокольной меди крестьяне разобрали по дворам, ведь с колоколом у русского человека отношения почти родственные: он и часы отзвонит, и на службу пригласит, и зальет все праздничным звоном, случись свадьба или другой какой праздник,

и в последний путь проводит печальным раскатом... Что тут еще добавить? Есть в селе Поречье-Рыбное памятник федерального значения: самая высокая колокольня в России. И никому до нее дела нет: пройдет еще десять лет – завалится. Хотя вроде бы понятно, кому в прямую обязанность вменено эту колокольню реставрировать и привести в божеский вид. Есть ведь у нас Министерство культуры? Да и церковь могла бы вмешаться в это дело... А пока – только галки кричат на обжитых яруса колокольни. С озера поземку тянет. Тишина.

Поречье-Рыбное. Современный вид колокольни храма Петра и Павла – самой высокой в России

ОКОЛО КОЛО

В истории нашей страны были годы, когда сохранение наследия, в том числе и церковного, было невозможно без романтиков музеиного дела, подлинных энтузиастов, низкий им поклон. В Борисоглебе, что не-подалеку от Ростова, так же как пореченская колокольня церкви Никиты Мученика, долгое время стояла без единого колокола звонница Борисоглебского на Устье монастыря. В конце 80-х весь этот грандиозный и красивейший монастырь находился в ведении Ростовского музея-заповедника: тогда-то и работали в нем люди без страха и упрека. Еще в Ростове называли нам имя Светланы Лапшиной, что стала инициатором возрождения звонницы. Собирали на нее колокола по окрестным деревням, где безнадзорные церкви совсем уж развалились и становились легкой добычей налетчиков, которые снимали колокола и сдавали их во вторичветмет.

Разговаривали мы со Светланой в огромной холодной башне, еще оставшейся у музея после того, как монастырь был передан церкви, обогреть которую силились, но не могли три мощных калорифера. Я попросил, чтобы она рассказала, как искала и спасала колокола от добытчиков цветного металла. Попросил вспомнить какой-нибудь яркий случай. Она усмехнулась: «Да я все свои колокола помню...»

Я поинтересовался, сколько их, таких энтузиастов, было. Представлялось, что много. Еще лебедки представлялись, подъемные краны – колокола все-таки, каждый несколько пудов да весит. А оказалось, что всю работу проделывали они в основном вдвоем – она и тракторист «Росреставрации» Сергей Филатов. Всякое бывало: где-то уцелевший колокол висел посреди деревни как пожарный, где-то таким скотину под вечер скликали, где-то под кучей ветоши пылился колокол в церковном притворе, где-то сохранился на колокольне – но общим местом было то, что народ,

как правило, ни в какую не соглашался отдавать «свои» колокола. Ни бумага из райисполкома не помогала, ни музейное удостоверение. Тогда созывали сельский сход, чуть не по полдня агитировали, объясняли, зачем это нужно, пока народ не соглашался. У кого колокол дома обнаруживался – выкупали.

Однажды в деревне Иевцево из обмелевшего сельского пруда показались... колокольные ушки. Видимо, крестьяне спрятали в пруду свой колокол еще в 30-е годы да и умерли, никому не проговорившись, а потом их внуки этот колокол и нашли. Подогнали трактор, зацепили тросом – выдернули, проволокли по земле. Патина с него слезла, обнажилась колокольная медь – она свежая блестит, как червонное золото. Вот мужики и решили, что колокол у них – золотой. И ничто их не убедить не могло. Пришлось у них этот колокол с милицией конфисковывать. Один несостоявшийся миллионер даже с ружьем из дома выбежал. Не мог успокоиться, пока ему не сказали, что в колокольной бронзе нет ни грамма золота. И таких историй – не сосчитать. Однажды Светлана присмотрела в деревне Вёска колокол. Ну, начали переговоры. А пока суд да дело, профессиональные «цветметчики» этот колокол сняли и увезли. Но то ли у них машина сломалась, то ли трос лопнул – до пункта приема металлолома они его не дотащили. Свалили в канаву у дороги, прикрыли ветками. Узнав про эту историю, Светлана с Василием бросились колокол разыскивать. И нашли. В нем 15 пудов было: положили две доски и стали в кузов его закатывать. Уже на самый верх закатили, осталось только его через «уголок» кузова перевалить – и ни в какую. Василий крикнул: «Ну, Света, держи!» – и прыгнул в кузов. «Вот когда я думала, что на меня вся земля обрушилась, – улыбнулась Света. – Но ничего, загрузили. После этого в Вёске очень обижались на музейщиков – думали, они

Директор
Ростовского
колокольного
центра
В.А. Садовников
объясняет,
как отливаются
колокола

колокол и сняли с колокольни. О ворах-то, кроме двух-трех человек, никто ничего не знал».

Таким вот образом разномастными колоколами и оснастили звонницу. И когда она ожила – не было предела радости у людей. Света сама и звонила – научилась кое-чему в Архангельске, у старого звонаря Ивана Васильевича Данилова в «Малых Корелах»: но что он за несколько занятий мог дать? Только общий душевный настрой какой-то. Тон радости. Вот люди и радовались этому звону. Просили: вы громче звоните, чтоб у нас в Егорьевском слышно было... Не только женщины, но и мужчины, засыпав звон колоколов, плакали. Двадцать лет провисели колокола Светланы Лапшиной на звоннице Борисоглебского монастыря. Но когда монастырь передали церкви, все они были заменены на новенькие, только что отлитые колокола Тутаевского завода. Свете запретили звонить. Собранные ею колокола отвезли в Ростов... Так что эту историю нечем закончить, кроме как многоточием. Специфический это знак препинания: то ли недосказано что-то, то ли чего-то жаль...

ВВЕДЕНИЕ В КОЛОКОЛОВЕДЕНИЕ

Нам повезло: звонарь Колокольного центра в Ростовском кремле Василий Анатольевич Садовников оказался приветливым молодым человеком лет под тридцать с заинтересованным блеском в глазах и очевидным желанием этот блеск с кем-то разделить. Биография его до поры складывалась вполне обычно: окончил в селе Великое аграрный техникум по специальности «правоведение» и уже готовился стать юристом, но «стал захаживать в церковь», здесь познакомился с Натальей Степановной Каровской, (нынешним директором музея-заповедника «Ростовский кремль»), тогда возглавлявшей школу звонарей в Ярославле, – и судьба его резко переменилась. Он понял, что именно колокола – его истинное призвание. Сейчас в кабинете Василия целая коллекция колоколов, форм для их отлива, большое, в сотню штук, собрание поддужных колокольчиков и небольшая библиотека изданий по истории колокольного дела. Меня прежде всего интересовало, откуда взялись колокола на Руси и почему именно здесь обрели такое всенародное признание.

Абсолютное первенство в изобретении колокола принадлежит Китаю. Там обнаружены колокола, отлитые в XXII–XVII веках до н.э. Однако единого центра, от которого можно было бы вывести историю колокола, не существует: колокольчики, бубенцы и небольшие колокола известны повсеместно – в древних Месопотамии, Египте, на территории современного Азербайджана, в Греции и Риме. В 2013 году в филипповских курганах в Оренбургской области археологи нашли огромный колокол, датируемый V–IV веками до н.э. Однако в церкви колокола стали использоваться лишь в середине первого тысячелетия нашей эры. Существует предание, согласно которому изобретение колоколов приписывается святому Павлину, епископу Ноланскому, на рубеже IV–V веков н.э. Считается, что в Восточную Европу колокола пришли с Запада: «В 865 году венецианский дож Орсо I приспал в подарок византийскому императору Михаилу III дюжину колоколов. Их повесили на башне, выстроенной специально для этого рядом с Софийским собором. Не сразу колокола стали же распространены

ми и ценимыми, как и традиционные била (чугунные или деревянные доски, издающие мелодичный высокий звук). Но вполне возможно тем не менее, что отсюда вместе с билами они были привезены на Киевскую Русь, когда та приняла христианство», – пишет исследователь колокольного дела Ю.В. Пухначев. В империи Карла Великого (IX век) колокола получили уже статус государственного достояния. Монах Теофил, живший на рубеже XI–XII веков, оставил первое описание литья колоколов в своем трактате «Записки о разных искусствах». Для приготовления колокольного сплава Теофил предписывает взять

Колокола из коллекции Ростовского краеведческого музея

Камертоны Аристарха Израилева в точности воспроизводят тон колоколов на ростовской звоннице

четыре части меди и одну часть олова (такой состав сохранился вплоть до наших дней, испытывая отклонения лишь в 1–2 процента в обе стороны). Долгое время Европа держала первенство в изготовлении колоколов: здесь впервые научились лить большие и звучные колокола весом до 2,5 тонны. Непревзойденной среди них остается знаменитая «Гlorиоза» – колокол весом 11,3 тонны, отлитый голландским мастером Герхардом Вау для Эрфуртского собора.

Первое упоминание о колоколах на Руси содержится в третьей Новгородской летописи и датируется 1066 годом: «Приде Всеслав и взя Новгород и колоколы съима у святыя Софии, и паникади съима». Первое летописное свидетельство об отливке колоколов на Русской земле относится к 1259 году, когда князь Даниил Галицкий перевез из Киева в Холм колокола и иконы: «Колоколы принесе ис Киева и другие ту солье». Колоколов домонгольского периода на Руси сохранилось всего два – с низким диаметром 30 и 60 сантиметров. Откуда же взялись на соборных звонницах исполины, подобные московскому Царьколоколу, вес которого, после переливки в XVIII веке, составил 12 тысяч пудов, или 192 тонны? Когда императрица Анна Иоанновна пожелала доверить отливку этого гиганта иностранному мастеру, члену Парижской Академии наук Жерменю, тот, услышав о весе будущего колокола, счел, что его разыгрывают, и отказался. И в самом деле, колокола весом 32, 16 и 8 тонн, поражающие размером иностранцев, не редкость на русских звонницах. Дело тут в способе звукоизвлечения: в западноевропейских странах звон издается раскачиванием колоколов с помощью очепа – веревки или жерди, которая раскачивает балку – веретено – с набором колоколов. На каком-то этапе это привело к созданию своеобразных колокольных органов, когда звонарь, нажимая на клавиши, приводит в движение молоточки, бьющие

по качающемуся колоколу. На Руси же для колокола было придумано не менее оригинальное и простое решение – язык, с которым в силах управиться и один звонарь. Сами же колокола крепились неподвижно, что и породило специфически русский способ колокольного звона. Это же позволило отливать огромные колокола, неподражаемые по звучанию.

Закончив введение в колокольную науку, Василий пригласил нас на маленькую колоколенку в углу патриаршего двора при церкви Иоанна Богослова и для удовольствия гостей угостил нас такой россыпью колокольных звуков, которая по настроению может сравняться только с весенним птичьим щебетом. Потом в нагрудном его кармане что-то звякнуло, он достал телефон и серьезно произнес: «Поспешим. Нас ждут».

ЗВОНИЦА МИТРОПОЛИТА ИОНЫ

Ростов издавна входил во Владимиро-Суздальское княжество, но, как ни странно, никто из князей (пока город сам собою не вошел в состав московских земель) не торопился устраивать тут свою резиденцию. И Ростовский кремль – это роскошная резиденция митрополита Ростовского и Ярославского Ионы (1607–1690), которую он сам же и повелел построить, определив на долгие века и образ города, и своеобразие ростовских колокольных звонов. Дело в том, что в главном соборе митрополичьего двора была возведена не обычная колокольня, где управляет один звонарь, а четырехпролетная четырехглавая звонница, несущая сейчас 15 колоколов. Одни исследователи называют ее уникальным памятником русской архитектуры, а другие с тем же основанием полагают, что ростовская звонница – это уникальный по подбору колоколов и акустике музыкальный инструмент. Одному человеку со всеми колоколами здесь никак не управиться, поэтому, по спискам разных лет, звонарей здесь было то во-

«Система
управления»
колоколами
на ростовской
звоннице

семь, то пять. Нас, впрочем, поджидал всего один человек – звонарь Дмитрий Смирнов. В пост службы строгие, многое выгibtывается, не поют, как на обычных службах, поэтому и звон должен быть постным, лаконичным. Звон называется так: «вдвои». То есть используются только два колокола. «Та-дам» – и все. Дмитрий провел нас на верхний ярус звонницы; под крышей, огромные, черные и древние, висели колокола: самый большой – «Сысой», поменьше – «Полиелейный», еще меньше – «Лебедь», «Красный», «Голодарь». По преданию, этот колокол был отлит в XVIII веке в год голода и мора. И как раз в него звонят во время Великого поста. Глухой звук «Голодаря», казалось, сотряс стены звонницы: это Дмитрий созывал прихожан на вечернюю службу.

«Бомм-бомм», – расстелился звук по городу и задрожал где-то в груди.

Все-таки нам довелось услышать ростовские колокола!

Звонница митрополита Ионы строилась в 1682–1687 годах сразу под большой набор колокола:

«...Поскольку соборов: еще в 1649 году ростовский митрополит Варлаам «дал к соборной и апостольской церкви Успения Пречистыя Богородицы... три колокола. Колокол весом сто двадцать пуд, а два колокола весом двадцать шесть пуд...». В 1682 году «литы» были уже «тяжелые» колокола – 1000-пудовый «Полиелейный» и вдвое меньший «Лебедь». Для той же звонницы предназначался и колокол «Баран» в 80 пудов, отлитый в 1654 году знаменитым московским мастером Емельяном Даниловым. Перед завершением строительства в 1688 году вылит был 2000-пудовый колокол «Сысой», для которого к колокольне пришлось пристраивать отдельную башню, ныне совершенно сросшуюся с телом звонницы. Тщательный подбор колоколов и согласие их строя были очевидны еще до исследования ростовской звонницы специалистами. Возглавлявший в 1776–1783 годах ростовскую кафедру архиепископ Самуил весьма недвусмысленно отказывался от предложений разместить на звоннице новые колокола: «...Поскольку собор-

ные колокола «все, как и Вашему Высокопреосвященству небезизвестно, для согласного звону подведены под голос, следовательно, и новый також к ним подбирать надлежит... а естьли не так, то через то может последовать в том звоне разногласие и слышанию неприятность». Иными словами, новый, «не в тон» колокол мог легко нарушить слаженность и гармоничность звучания старых соборных колоколов, а рисковать этим, по мнению управителей, было невозможно.

Но звонница представляла собою не только уникальный музыкальный инструмент. Внутри нее, под площадкой для колоколов, устроена была церковь Входа Господня в Иерусалим: небольшая, квадратная в плане церковка с очень высоким потолком – 13,5 метра. В праздник Вербного воскресенья к ней от Успенского собора совершался крестный ход, а на обратном пути к собору происходило так называемое «шествие на ослии», когда ростовский митрополит, восседая на «осле», символизировал собою Иисуса Христа, въезжающего в Иерусалим. Но этим не исчерпывается религиозный символизм звонницы. «Очевидно, – пишет ростовский историк А.Г. Мельник, – что как

собор Василия Блаженного по одному из приделов, посвященного Входу в Иерусалим, уподоблялся Иерусалиму, так и ростовская звонница (благодаря церкви Входа Господня в Иерусалим. – Прим. ред.) представляла символом города, где зародилось евангельское учение... Четыре главы звонницы символизировали, конечно, четырех евангелистов, а 12 колоколов – 12 апостолов; звон колоколов, таким образом, знаменовал апостольскую проповедь».

В конце XVIII века кафедра митрополита Ростовского и Ярославского была перенесена из Ростова в Ярославль, и Ростовский кремль начал потихоньку приходить в упадок. Конюшенный двор при митрополичьих палатах был оставлен без присмотра, а затем, как и весь кремль, продан городу и частично перестроен в военную казарму. Можно сказать, что от более серьезных переделок и разрушений кремль спасла только группа энтузиастов, которая в 80-х годах XIX века организовала сбор средств на его реставрацию и создала в нем (1883) музей церковных древностей. К этому же периоду относится первое исследование звонницы протоиерея Аристарха Израилева: с помощью

Глухой великопостный звон достигается осторожным прикосновением колокольного языка к ударному поясу

специального прибора он измерил частоту звучания каждого колокола с точностью до сотых долей герца и затем «воспроизвел» это звучание с помощью им же самим изготовленных камертонов, установленных на резонансных ящиках, что позволяет воспроизвести звучание ростовской звонницы в любом подходящем для этого помещении. Каждый колокол имеет свою, как правило, нестандартную частоту. Отец Аристарх научился ее определять и «переводить» в математически обусловленное звучание камертонов, имеющее цифровое выражение. Камертоны сделаны на загляденье: на внутренней стороне каждого из них надписана частота. На деревянных ящиках-резонаторах надписана «нота» колокола и, опять-таки, ее точная частота. Аристарх Израилев задолго до компьютерных технологий перевел звучание ростовской звонницы в «цифру». Но что важнее, он записал ростовские звонны на нотный стан. Это оказалось важным впоследствии, когда ростовские звонны пришлось буквально возрождать из небытия.

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

На Ростовский кремль запросто могла обрушиться та же стихия погрома и разорения, что привела в ничтожество многие монастыри на волне антирелигиозной пропаганды после революции.

Однако работники музея, разместившегося в Ростовском кремле, по-видимому сознательно обратились к наркому просвещения Анатолию Луначарскому, не щадя красок на описание всего кремлевского комплекса, ростовской звонницы как уникального сооружения, в котором звук специально подобранных колоколов достигает абсолютной гармонии, и самих ростовских звонов как удивительного и единственного в своем роде явления русской культуры. Это дало свои результаты. И когда в 1930 году доброхоты пошли по всей стране сбрасывать колокола, в защиту ростовской звонницы прозвучал довольно резкий ответ

Главнауки: «В связи с общей ликвидацией колоколов Главнаука сообщает, что набор колоколов НА РОСТОВСКОЙ ЗВОННИЦЕ, представляющий единственный по музыкальности комплект, подлежит СОХРАНЕНИЮ на месте».

Новая атака на колокола была предпринята в 1938 году, когда Луначарский уже умер. Тем не менее в отношении всего ростовского комплекса уже было сформировано особое мнение, и из Москвы пришла депеша: «Наркомпрос ставит в известность, что не должно быть допущено никакое изъятие в отношении этих колоколов, как имеющих историческое значение, и что никакое перемещение их не может быть проведено без ведома Наркомпроса...»

Так колокола и остались на звоннице.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Размышления перед сном: пономарь – низшая ступень в церковной иерархии. По крайней мере, невысокая. И звонарь – тоже невысокая. Недаром лучшими звонарями всегда были пономари. Пономарь – он просто наизусть знает службу, и ему не надо напоминать о начале или конце литургии – он сам вовремя об этом известит ударом колокола. Работа с колоколами – я видел – может рассматриваться как монотонный и тяжелый труд. Но как же чарующ и могуч звук колоколов! Иногда не верится, что это низшее, невысокое сословие, едва записанное в церковные книги, когда-то создало такое потрясающее явление, как ростовские звоны.

Ионинский появился, видимо, еще в XVIII веке, вскоре после кончины митрополита Ионы, который оказался истинным благодетелем города. Григорьевский, Калязинский, Акимовский звон, Малый трезвон, Водосвятный звон – это все результат безымянного творчества безымянного народа, этих низших из низших в церковной иерархии. Но ведь это звучание такой красоты... Это – над-музыка. Сверх-музыка. Какие-то космические созвучия.

Памятник
Иринарху
Затворнику
на фоне
Борисоглебского
на Устье
монастыря

Храмовый
ансамбль
Ростовского
кремля

Из этого многие композиторы черпали, пытались сделать что-то свое – и патетический Глинка в «Жизни за царя», и тонкий Рахманинов, и изысканный Скрябин... И все-таки звоны – это совсем другое. У ростовских звонов было немало слушаев, когда они могли по-просту исчезнуть: для этого достаточно число звонарей сократить до двух. Двое уже не справляются на звоннице. Так и случилось в годы советской власти: колокола висели, но никто в них не звонил. Не было штата. В 60-е годы во время съемок «Войны и мира» Сергей Бондарчук приехал в Ростов, чтобы записать ростовские звоны на пластинку. Еще были живы люди, глубоко погруженные в тему колокольных звонов, и старые звонари: Александр Сергеевич Бутылин, Николай Григорьевич Королев, Марк Дмитриевич Трофименко и

Михаил Сергеевич Урановский. Они восстановили, соткали заново всю паутину управления колоколами. И сыграли. Все лучшие ростовские звоны записаны тогда ими. Говорят, они были в колокола и плакали. Как будто звонили последний раз в жизни. Я не представляю, что должен был испытывать Бондарчук: это был поступок настоящего человека. Вот. Кстати, тогда же творческая группа, которая готовила и осуществляла запись, сняла короткий документальный фильм: «Семь нот в тишине», где запечатлены эти старые звонари. Не на звоннице, а в промежутках между звонами. Их руки. Глаза. Лица.

Лицо ведь тоже может быть достоянием культуры. А что до звонов, то я советую не фантазировать, а в пасхальную неделю, как было принято у наших предков, махнуть на пару дней в Ростов, и, как прежде, выехать на лодочке на середину озера Неро – чаши прекрасной акустики, – и вдруг услышать, как накатывают на тебя грозные басы «Полиелейного», как с ревом вторит ему «Сысои», глухо бьет «Голодарь», а над всей этой тяжкой поступью басов с неземной радостью и щедростью плещутся колокола зазвонные и подзвонные. Вы любите удивительные или даже невероятные ощущения? Тогда приезжайте. ☺

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

**Во всех почтовых
отделениях России:**
по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог
Прессы России».
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

**В почтовых отделениях
стран СНГ:**
по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:
электронный каталог агентства
«МК-ПЕРИОДИКА» на сайте
www.periodicals.ru

**Корпоративная подписка
по Москве (доставка курьером):**
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@russkiymir.ru

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru